

ОЛЬГА БЕЛОШИЦКАЯ

ОСТРОВ КОЛДУНОВ

ЧАСТЬ 2

ОСТРОВА ЖИЗНИ

Мир Теллара, насквозь пронизанный древней магией, на грани катастрофы. Жрецы Небесного острова — Острова Колдунов — утверждают, что процесс можно повернуть вспять, если успеть в ближайшее время собрать пять артефактов. Успеют ли в срок те, кто отправлен на поиски? Тэйн Ройг, один из адептов магического учения, которому поручена эта сложная миссия, ищет камни-защитники, разбросанные по разным странам, и задается неизбежными вопросами — кто виноват в гибельном катаклизме, жрецы Острова Колдунов, загадочные Творцы, или сами люди? Что случится, если мир, привыкший жить за счет магии, лишится ее полностью?

Там, на Острове Колдунов, знают ответы, но чтобы получить их, придется отправиться туда и силой вырвать это знание у жрецов...

1. Голодная Глотка

(Сезон Пробуждения. Агваллар, первый слой тарса)

Небесный столб, ведущий на Агваллар, выглядел настоуживающе тусклым. Не огненная воронка, уходящая высоко в небо, а бледно мерцающий столб серо-сиреневого дыма, унылый, как осенний туман в низинах. Глядя на него, Тэйн забеспокоился, что Столб может угаснуть, так же, как и хэльды. Неуверенно оглянувшись на озадаченного Кельхандара, он быстрым движением нарисовал знак Небесного огня на что Столб тускло полыхнул и качнулся из стороны в сторону, подтверждая свою живучесть.

Тэйн последний раз оглянулся на Лейт. «Уверена?» — спросили его глаза, и она твердо кивнула головой: «Да», и решительно поправила заплечный мешок. Еще там, в святилище, она потребовала нагрузить ее наравне с мужчинами. Наравне, конечно, Тэйн не позволил, но взять часть вещей, так и быть, разрешил.

— Говорят, путь на Остров охраняет Голодная глотка, — заявил хильд насмешливо. Ему было явно не по себе: он все время щурился и оглядывался назад.

— Кианейт не говорила ни про какие глотки, — заволновалась Лейт. — Просто Столб и сразу же Дверь.

— Это он так шутит, — успокоил ее Ройг и повернулся к хильду. — Хватит дурака валять, иди уже.

Кельхандар обошел столб кругом и, потоптавшись, сделал решительный шаг вперед. Тусклый дым окутал его, очертания фигуры стремительно истаяли, подобно изображению в хэльде. Убедившись, что никто не выскакивает обратно с душераздирающими призывами о помощи, Тэйн подтолкнул к Столбу Лейт, опять подождал и, наконец, шагнул сам, привычно сжав рукоять меча. В последнее время он частенько прикасался к рукояти, словно заимствуя у холодной стали твердость и уверенность в себе.

Вихрь, падение, словно в бездну проваливаешься, и безумная мысль — почему падение, а не полет? И в это же мгновение все неожиданно закончилось.

Кельхандар и Лейт стояли поодаль, таращась вверх и пытаясь разобраться, что все-таки находится у них над головами. Небо? Воздух? Светящаяся оболочка Острова? Серебристо-белая дымка, вперемешку с сиреневыми и голубыми тенями, тускло мерцала, разливая вокруг неяркий холодный свет.

Ройг сделал шаг вперед и посмотрел вниз. Под ногами была знакомая по снам серо-серебристая субстанция, чем-то похожая на очень плотное облако. Он неуверенно потоптался на месте, убеждаясь в прочности материала, и неожиданно вспомнил, как он называется.

— *Сиура*, — озвучил его мысль Кельхандар.

Пока он разглядывал поверхность, его спутники осматривали окрестности. Кельхандар обнаружил овальное, затянутое пленкой отверстие в плоском вертикальном камне, похожее на Дверь, и, молча указав на него остальным, решительно направился в его сторону.

Что заставило Ройга обернуться, он потом так и не вспомнил. Резко сдавило виски... Оно скользнуло по правому краю облачного ковра и обрушилось на Кельхандара сверху, закрыв его от остальных. Тэйн бросился вперед, вытаскивая клинок из ножен, и даже успел взмахнуть им и ткнуть острием в странное бесформенное создание. Пытаясь на ходу разобраться, где у твари голова, а где конечности, он отскочил назад, одной рукой держа

меч, а другой наспех рисуя цепочку урд-знаков. Учув еще одного противника, оно обернулось и уставилось Ройгу в глаза двумя темными, сверлящими кругляшами. Его засосало и понесло по неведомому лабиринту, сплошь состоявшему из поворотов и тупиков, отчего он сразу же потерял равновесие, врезался в первый же угол, резво поднялся на ноги, сделал пару шагов и снова налетел на препятствие.

Лейт потом рассказывала, как он принялся неразборчиво бормотать, поминая то Ллиха, то Ейра, с равнодушно-отрешенным, почти как у покойника, лицом. Огромная огненная пасть, распахнувшаяся в то мгновение, когда Тэйн сделал навстречу этому существу свой первый шаг, опалила ее жаром, и она, понимая, что их поход заканчивается, не начавшись, изо всех сил ударила Ройга своим заплечным мешком.

Выбитый из гипнотического транса Тэйн опустил на чудище меч, но остро отточенное лезвие не причинило тому никакого вреда. Ройг повторил попытку — бесполезно. Отбежав подальше от твари, он принялся лихорадочно соображать: раз меч не берет — значит, не существо, а наваждение.

Отскочив назад, он протянул к противнику невидимые руки-щупальца. Загадочное создание хлопало пастью и раскачивалось, подкрадываясь к Тэйну с осторожностью горного лаоша, а он так же медленно, шаг за шагом, отступал, лихорадочно перебирая варианты, и в итоге решил попробовать сплести паутинку-кокон. Он остановился, ожидая, пока оно подойдет поближе. Еще шаг. Еще... Медленно и кропотливо он заменял щупальца петлями урда, узлами которых становились урд-знаки, и когда, наконец, сторож сделал выпад и клацнул пастью у самой шеи Ройга, Тэйн произнес вслух только что законченную формулу. Сторож хрюкнул и резко уменьшился в размерах. Обрадованный Ройг поспешил закидать его знаками стихий, призвав для этого огонь и воздух. То, что оставалось от твари, вспыхнуло, разгорелось сиреневым пламенем и быстро потухло, оставив после себя омерзительную вонь.

Лейт окликнула его, как только он, выйдя из транса, отошел в сторону.

— Посмотри, что с Кельхандаром.

Кельх лежал у Двери, бледный и притихший. Ройг присел рядом, нащупал точки жизни и убедился, что его друг жив. Руки дрожали от напряжения, с трудом удерживая Огонь жизни, когда он, пробежавшись ладонями вдоль тела хильда, убедился, что ран нет.

— Он спит. Это даже не обморок, — облегченно пробормотал Тэйн, вставая. — Всег лишь глубокий сон. Видимо, сторож не должен был никого убивать. Возможно, только усыпить и дождаться тех, кто занимается непрошеными гостями.

Лейт смотрела на него, тщетно пытаясь скрыть тревогу.

— Сколько еще легенд окажется правдой, Тэйн, прежде чем мы доберемся до цели?

Он задумчиво пожал плечами.

Кельхандар очнулся довольно быстро. Пока он спал, Ройг огляделся и даже прошел через Дверь, убеждаясь, что с той стороны их не караулит еще одна Голодная Глотка. Все обошлось. Там, дальше, неровными слоями стелилась такая же туманная поверхность, конец которой терялся где-то за горизонтом. Не разглядел Тэйн и привычных его воспоминаниям пузырей. Слои сиуры казались здесь более рыхлыми, рваными, словно клочки бумаги, небрежно разбросанные по полу. Он шел по ним с опаской, потом сел на корточки, окунул ладони в стелющийся над сиурой дымок и стал ждать, что ему подскажут обостренные до предела органы чувств. Сиура откликнулась совсем как живая телларианская земля — теплом и покалыванием в ладонях. Она показалась ему плотной и надежной, и он перестал

беспокоиться. Свечение оболочки Острова медленно тускнело, и сияющий туман под ногами и над головой постепенно превращался в унылый серый кисель. Тэйн неожиданно вспомнил, как островитяне считали время. Один цикл свечения сиуры состоял из трех частей, которые назывались ир, ат и сут. Кажется, сейчас шел именно ат — нечто вроде телларианского дня, близившегося к вечеру.

Он вернулся к Кельхандару и Лейт и предложил им двигаться дальше. Поблизости не обнаружилось ни одной живой души. «Для начала — неплохо, — хмыкнул Ройг про себя, — если не считать Глотки. Впрочем, Глотка — это так, мелочи».

Облачный ковер слегка пружинил под ногами и полого опускался вниз. Сияние сиуры тускнело с каждым шагом. Вскоре все цвета потускнели, превратившись в однотонно-серый, сгустившийся до цвета телларианских сумерек. Туман под ногами уплотнился до консистенции вязкого киселя и прилипал к сапогам, сковывая движение. Тем не менее, они терпеливо двигались в сторону, противоположную Небесному Столбу, взволнованно озираясь по сторонам.

— Я ожидал другого, — смущенно признался Кельхандар. — Думал, нас сразу же обнаружат. Шайолы готовил, чтобы отбиваться. А оно вон как... тихо.

— Лучше молчи, — буркнул Ройг. — Накличешь.

Постепенно Тэйн стал различать под ногами не только киселеобразную массу. По мере отдаления от Небесного столба ее становилось значительно меньше, появились небольшие холмики, напоминающие камни, и тоненькие, мерцающие серебром волнистые стебельки. На некоторых висели темно-синие шарики, похожие на ягоды. Пробовать их, разумеется, никто не стал — вдруг это вовсе не ягоды? Кельхандар рискнул раздавить парочку шариков в ладонях, и в воздухе растекся кисловатый приятный запах.

Чем дальше уходили они от столба, тем больше на пути попадалось разнообразной растительности. Низенькие кустики с листьями розового и белого цвета, забавные волнообразные стручки, серо-сиреневые, на толстых кривых ножках; высокие и простые стебли с цветочными корзинками и каплями влаги внутри, переливающиеся издали всеми цветами радуги. Потом стали попадаться тоненькие и хрупкие деревца высотой с человеческий рост, с тонкими, почти прозрачными листьями.

— Вот уж не думала, что на Острове что-то растет, — улыбнулась Лейт, нагнувшись над целым кустом переливавшихся всеми цветами радуги бутонов. — Они даже пахнут!

Кельхандар остановился, отпустив пару насмешек, Ройг ждать не стал, не стал даже поворачиваться, ускоряя шаг. Слишком уж все тихо. Спокойно. Идиллия... Цветочки-лепесточки, сполохи вон над головой появились, зеленовато-голубые, нежные, похожие на телларианские облака. Лейт восторженно ахнула, когда Кельхандар указал ей на туманный переливчатый шлейф, и они оба радостно засмеялись. Эйфория, подумалось Ройгу внезапно. Перемена воздуха. Сейчас они забудут все на свете и решат, что оказались в раю...

Места тем временем действительно становились все более живописными. Появились растения, живо напомнившие Тэйну родные атлахи, только с нежно-зеленой, очень бледной листвой. Густые заросли хнума, самого настоящего, почти земного, только бледнее, чем в Наземном мире, вставали кудрявыми плетнями, от них шел знакомый запах — терпко-сладкий аромат зреющих ягод хнума. По представлениям теллариан, именно под атлахами отдыхал сам Илбар в те недолгие часы, когда не было ему нужды зажигать дневное или ночное солнце. Лейт ахала и наклонялась чуть ли не к каждому цветочку — кустику, и в конце концов отстала от двух мужчин настолько, что они потеряли ее из виду. Ройг,

уоставший оглядываться, велел ей идти между ним и Кельхандаром, и девушка послушно поплелась за ним, иногда тихо и печально вздыхая.

Тэйн все еще не был уверен, что Лейт стоило участвовать в этой аванюре. Хотя именно ей Кианейт доверила свой знак принадлежности к касте островных жрецов — три серебряных кольца искусной работы, какой Ройг никогда не видел на родине. Знаки урда едва читались на полустёртой гравировке на внутренней стороне колец, маленькие рубиново-красные камешки казались черными под ярким телларианским солнцем, а здесь обрели свой естественный цвет. Лейт любовалась украшением не меньше, чем необычными островными цветами.

Тем временем окружающая природа все больше напоминала бледную, словно выцветшую копию Наземного мира. По внутренним часам Ройга там, внизу, близился заход дневного солнца, но усталости до сих пор не чувствовалось, так же, как и голода. Тэйн планировал уйти как можно дальше от Столба, подозревая, что за ним каким-то образом должно вестись наблюдение, и затеряться среди слоев и пузырей Острова. На всякий случай он не предупредил Даниру, когда именно они появятся: на этом настоял Даллан. У него были свои соображения насчет клана Следящих, которыми он почему-то отказался делиться.

Когда сполохи над головой, так напоминавшие Тэйну облака, стали медленно гаснуть, их маленький отряд уже шел по узкой тропке через самый настоящий лес, мало чем отличавшийся от телларианского где-нибудь в долине Арах. Разве что насыщенность оттенков была иной. Небеса потемнели до серо-лилового, а радужные цветочные бутоны поблекли. Тэйн расслышал, как Лейт за его спиной тихонько вздохнула. Он на ходу обернулся к ней и спросил, не устала ли она, но она лишь отрицательно покачала головой.

Агвалларские сумерки были сиренево-синими, нежными и переливчатыми, густыми и непрозрачными. Казалось, что туман, клубящийся под ногами, поднялся и повис в воздухе. Стало слишком темно, чтобы продолжать путь. Уже несколько раз Кельх и Лейт запинаясь о корни деревьев, но Ройг не решался использовать кэн-ли, боясь привлечь внимание. Самым разумным казалось остановиться на ночевку, поспать и дожждаться рассвета.

Посоветовавшись, они выбрали уютный распадок между пологими, заросшими хнумом холмами. Лейт перебрала мешки и выложила на полотенце нехитрые припасы, взятые с собой в дорогу — вяленое мясо, сыр и лепешки интара. Остальное — мешочек крупы, сушеные овощи — она решила сберечь на случай, если представится возможность сотворить горячую похлебку. Тэйн обнаружил в стороне от тропы маленький ручеек, и пока она доставала и резала сыр и мясо, они умылись и набрали воды.

Припасы в дорогу Лейт собирала по приказу Ройга, имевшего определенный опыт путешествий. Она всего лишь следовала его указаниям, укладывая в мешок головки пряного сыра и про себя сетуя, что они берут с собой так мало крупы. Впрочем, здесь, в Эргалоне, выращивали совсем не те злаки, что у нее дома, предпочитая интару — руз, хлебные лепешки из которого были не белоснежные, как полагалось у них в харране, а темно-коричневые, с резким кислым вкусом. Увару, из которого варили кашу и пекли блины, риалларцы предпочитали рейс, прозрачные зернышки которого казались Лейт пресными. Сушеные и копченые плети мяса невозможно было жевать, но из них получалась вкусная и наваристая похлебка. К острой риалларской кухне Лейт привыкла не сразу, однако под конец стала находить свою прелесть в ее острых и ароматных блюдах.

Когда мужчины поели, она поблагодарила Тармил за дарованное угощение. В Риан ал Джаре ей приходилось делать это шепотом, чтобы не привлекать излишнего внимания к

себе, потому что обитатели западного континента все делали по-другому. Перед едой они обращались к Илбару, прося благословить их пищу, а после трапезы собирали крошки и выбрасывали их на землю, делясь угощением с Фиал, чтобы не оскудевала земля жизненной силой. Ее народ считал разбрасывание крошек святотатством — их следовало завернуть в освященный на Рождение Илбара платок и когда наберется горсть — высыпать в огонь, прося Келара даровать им тепло и уют зимой, пощадить посевы летним зноем и уберечь дом от пожара. Было много всякого, смущавшего ее поначалу, хотя бы даже то, как они приветствовали друг друга: мужчины кланялись женщинам, которые отвечали кивком, когда на ее родине женщине полагалось кланяться мужчине в пояс. Она страшно робела, опасаясь сделать что-нибудь не так, выдав себя в мелочах, но привыкла быстрее, чем ожидала сама. Вот и теперь Тэйн смахнул крошки на землю, благодарственное слово было обращено не к Тармил, по ее обычаю, а к ней, Лейт, хозяйке, подававшей пищу.

Она проворно собрала остатки в мешок, Кельхандар принялся разворачивать тонкие стеганые одеяла, набитые легким и теплым пухом шиаза. Они почти не занимали места, а грели не хуже шкуры лаоша. Раскатав на земле одно такое одеяло, самое большое, хильд вытащил три поменьше и предложил ей устраиваться первой. Смутившись, Лейт пробормотала, что сначала хочет умыться и поспешно направилась к ручью. Поплескавшись в непривычно теплой для лесного ручья водице, она вернулась обратно и обнаружила, что мужчины уже устроились, Кельхандар — подложив под голову мешок и сложив руки на груди, привычный к теплым перинам севера, где он вырос, Тэйн — без всяких подушек, вытянувшись на животе. Оглядев их, она устроилась с краю, рядом с Кельхандаром, свернувшись калачиком и заснула как убитая.

2. Сиуровы болота

Спали они ровно столько, сколько по здешним меркам длилась последняя, темная часть триады — сут; первым проснулся привыкший к ранним пробуждениям Тэйн. Радужное сияние над головой было ярким и солнечным, зелень леса казалась почти настоящей, земной. Лейт вскочила следом за ним, побежала к ручью, смущаясь заспанного лица. Тэйн разбудил Кельхандара и занялся упаковкой вещей. Наскоро перекусив, они двинулись дальше.

Воздух медленно теплел. Над головой разгоралось уже знакомое золотисто-сиреневое сияние. Тропинка шустрой змейкой бежала через лес, оставляя позади густые бледно-зеленые заросли. К концу первого светлого периода триады, ира, компания оказалась на опушке, перед огромной, заросшей бледной травой поляной, на самом краю которой виднелось строение, напоминавшее телларианский дом. На всякий случай Тэйн велел своим спутникам спрятаться в ближайших зарослях хнума, и, подождав, пока они отойдут назад, улегся в траве так, чтобы видеть подозрительные постройки, и принялся усиливать зрение и слух.

Дом напоминал очень большой ахтамарский шатер-шра, без окон, конической формы, но с вполне традиционной дверью. Там, дальше, за редкой изгородью из невысоких корявых деревьев виднелось еще одно строение, очертаниями более похожее на обычный двухэтажный дом, с плоской, а не покатой шатровой, крышей, с высоким дверным проемом и ступенчатым крыльцом. Оттуда доносились голоса, в то время как в доме-шатре было совсем тихо. Выждав немного, Тэйн осторожно отполз назад, туда, где затаились Лейт и Кельхандар, и откуда то и дело доносились приглушенные смешки.

— Сходим посмотрим? — предложил Кельхандар. — Пока в шатре нет никого...

— Может, не стоит? — заволновалась Лейт.

— Шатер действительно пуст, — задумчиво сказал Тэйн. — Я бы осмотрелся. Как-то оно все... не совсем похоже на Остров, — и он требовательно посмотрел на хильда. — Ты помнишь что-либо подобное? И что рассказывала тебе Кианейт?

— Первый слой Острова называется тарс. Люди там не живут, — ответил Кельх, — места не очень подходящие. Кианейт не знает дороги от Эргалонского Небесного столба до Зар Алы. Рассказывала, что они прошли через четыре Двери, и только между второй и третьей было какое-то расстояние.

К счастью, никто их не заметил. Кельхандар проскользнул внутрь, пока Тэйн и Лейт ждали его у дверей. Вернулся он весьма скоро, шепча, что ничего необычного там не нашел. «Там обитает человек десять, не меньше. Постели, стол, личные вещи, разложенные на полочках. По-моему, мужчины. И похоже, что не островитяне. Одежда очень уж земная», — прошептал он, опасливо оглядываясь по сторонам.

За шатром обнаружилась хорошо утоптанная тропинка, ведущая напрямик к домику поменьше. Окна прикрывали тяжелые расшитые занавеси, широкое крыльцо было чисто выметено. Из-за дверей доносился чей-то заливистый смех. Тэйн постучал. Смех прекратился, но отворили сразу же, без задержек. В дверях стояла немолодая женщина, одетая в длинное, до земли, платье из плотной ткани со сложной и богатой вышивкой, цветами чем-то напоминавшей Ройгу Майр. Приветливо улыбнувшись, она поклонилась им первая, Кельхандар, поспешно оттеснивший Ройга назад, ответил глубоким кивком и без

слов шагнул через порог. Да, именно Майр. Тэйн хотел пропустить Лейт, но она на всякий случай отодвинулась назад.

В просторной комнате, куда привела их женщина, находились еще две молодые девушки и мальчик. На столе все еще стояли чашки с супом, на круглом блюде горкой лежали тонкие желтые лепешки. Пока Кельхандар отвечал на приветствие, втягиваясь в обмен ритуальными фразами знакомства под чужой крышей, Тэйн жадно вглядывался в лица, пытаясь понять, с кем свел их случай. Бледная кожа женщин и мальчика казалась почти такой же, как и у всех виденных им ранее островитян, но форма головы, цвет волос, глаз, телосложение говорили о том, что они — самые обыкновенные теллариане, давно не бывавшие под настоящим земным солнцем. «Наемные, — с облегчением подумал Ройг и принялся оглядываться. — Не местные. Эти не выдадут. Не должны».

Обитатели домика действительно оказались нанявшимися на работу телларианами. Старшая из женщин пригласила их разделить небогатую трапезу, и Кельхандар, лучше разбирающийся в традициях Восточного континента, согласился. Пока они ели горячее, хоть и не слишком вкусное по мнению Тэйна варево, женщина рассказывала об этих местах, считая их новичками, поднявшимися из Наземного мира с целью подзаработать островного золота.

— У нас тут в основном добытки сура, — рассказывала она. — Ну, строительного материала, из которого островитяне выращивают раканы-пузыри. Да и не только их... Эти дома тоже из сура, — пояснила она поспешно, заметив недоумение на лице Лейт. — Тяжкая работенка, но и платят за нее лучше всех. Мужчины работают в ущельях, женщины сортируют сур по зрелости, — продолжала она, улыбнувшись Кельхандару, который витиевато поблагодарил ее за угощение. — Сегодня мы дома, потому что добыча идет плохо. Ущелье уже почти все выбрано, а пока новое расчистят, нам работы не будет. Вообще-то мы всегда рады лишнему дню отдыха, — закончила хозяйка, вздыхая. — У нас тут свой огород, растим земное помаленьку, — тут она внимательно посмотрела на Лейт, и в глазах мелькнуло что-то холодное и расчетливое.

Девушке захотелось съезжиться под ее взглядом. «Все из-за штанов, — подумала она про себя. — Ни одна порядочная майрская женщина не наденет подобную мерзость». Темно-зеленые брюки, тхон самого маленького размера, который только нашелся во всем Риан ал Джаре, и короткие кожаные сапожки, но тоже мужского, не женского покроя, широкий пояс с кинжалом на бедре, сколотые на затылке волосы добавили Лейт возраста, но ничуть не убавили очарования.

— Думаю, мы не станем наниматься в добытки сура, почтенная, — заговорил Кельхандар, когда хозяйка замолчала, ожидая его реплики. — Есть ли здесь поблизости еще какие-нибудь... поселения земных? Или местных?

Та покачала головой.

— Алареи здесь не живут. Это ведь тарс, внешний слой Острова, слишком похожий на Теллар. Они этого не любят.

— А карта местности?

Поморщившись, она качнула головой.

— Нет у нас ее. Не доверяют. Скажу точно, здесь вокруг на много тагалов — лес, такой, какой вы наверняка уже видели, пока сюда шли. Там, дальше, тропинка разделится на две: правая — к ущелью, левая — через лог к поселку травников. Их там поболее будет. Да и семейных там много. Они тоже скоро уйдут. Им все время норму повышают, а лес у нас

небогатый, слишком уж близко к сиуровым болотам. Пар ядовитый там землю выжигает. На болотах тоже есть добытки, но туда только безумцы идут, кому жизнь не дорога, — в голосе женщины зазвучало осуждение.

— Так значит, островитяне совсем здесь не показываются? — продолжил Кельх.

— Бывают иногда, — проворчала хозяйка. — За работой смотрят, забирают добытый сур и выдают заработок.

— Но живут они где-то в другом месте? — спросил до сих пор молчавший Тэйн.

— Конечно, — женщина скорчила брезгливую гримасу. — Нас они терпеть не могут.

— И хэльдов здесь нет?

— Не знаю. Ни одного не видела, — сказала хозяйка.

Кельхандар тем временем принялся расспрашивать ее о здешнем житье-бытье, женщина отвечала охотно и подробно, но больше ничего полезного они так и не услышали. Поблагодарив за угощение и беседу, Кельхандар сделал знак уходить.

Тропинка разделилась сразу за домом, справа сворачивая на широкую просеку в лесу, а слева исчезая в редких зарослях хнума. Ройг свернул направо и дождался остальных.

— А почему туда? — поинтересовалась Лейт.

— Там есть Дверь.

— Откуда ты знаешь? — удивился Кельхандар.

— Если островитяне здесь не живут, но тем не менее каждый день появляются и наблюдают за работами в ущелье, значит, как-то они сюда попадают, — пояснил он. — Может быть, там не только Дверь, но и Ворота. Через которые они переправляют сур.

— Верно, — хмыкнул Кельх. — Думаешь, стоит попробовать?

— Есть другие идеи? — ехидно поинтересовался Тэйн.

— А ты не хочешь спросить Даниру?

— Она знает еще меньше, — Ройг нахмурился. — К тому же, чем дольше она остается в неведении, где мы, тем лучше для нее самой. Мало ли что, — добавил он совсем тихо.

Маленький отряд добрался до каньона к концу светлой части триады — ата. Почти все работы уже были завершены, люди один за другим выбирались из каньона наверх. И все же Тэйну удалось увидеть, что представлял из себя строительный материал сур и почему его добыча была такой важной для агвалларцев.

Земля неожиданно оборвалась вниз прямо у них под ногами, они едва не свалились в густые клубы серого тумана, испускавшего, ко всему прочему, отвратительный едкий запах. Через пропасть был закреплен узкий висячий мостик, до того ненадежный, что Лейт засомневалась, хватит ли у нее мужества перейти по нему над бездной. Впрочем, бездны не было. Там, в клубах тумана, копошилось множество едва различимых тел, им показалось, что они висят в воздухе, но потом, присмотревшись, они разглядели тонкие полоски сиуры, хаотично разбросанные в пространстве ущелья, на которых и держались добытки сура. Тэйн усилил зрение, пытаясь разобраться, что же именно они там добывают, и долго ждал, пока один из тех, за чьими рискованными движениями он наблюдал, не выхватил наконец из проплывавшего мимо дурно пахнущего слоистого облака тугой радужный шар величиной с кулак. Сдавлив шар в ладонях — тот сжался и упруго выпрямился — мужчина кинул его в большой мешок за спиной. Мешок, как показалось Тэйну, был наполовину пуст.

Ему хотелось посмотреть и дальше, но следовало торопиться, пока очередная партия добытчиков не поднялись из ущелья и не отправились домой по мостику. Он принялся

исследовать другой берег ущелья, на котором так же, как и здесь, высился почти родной на вид лес. Там, слева, обнаружилась просторная, хорошо очищенная от всякой растительности площадка, на дальнем краю которой высилось загадочной формы сооружение — не то купол, не то гриб, не то зонтик. Именно туда тянулись добытчики, прежде чем сменить свои покрытые вонючим налетом рабочие робы на обычную одежду. Ни один из них пока что не двигался в сторону моста, поэтому Тэйн подтолкнул Лейт и Кельхандара вперед.

— Пошли, спрячемся в лесу, пока нас не заметили.

Пропастишка оказалась шире, чем виделось вначале. Мостик благополучно выдержал всех троих, даже ни разу не качнувшись. Скрывшись в зарослях хнума, они подобрались к самому краю расчищенной площадки, внимательно следя за людьми.

Тэйн заметил Дверь, только когда ущелье опустело. Она находилась прямо под грибом-зонтиком, неприметная, сливающаяся со стенкой. Он смог увидеть ее только потому, что тусклое сияние островной материи померкло с наступлением сута, а радужная мембрана Двери продолжала отсвечивать на сером фоне стен неярким, но чистым светом.

Около зонтика он насчитал пятерых островитян. Спутать их с добытчиками было невозможно: бледные до синевы лица и длинные пепельные волосы, гладко расчесанные по плечам, худые костистые фигуры выглядели нелепо среди здоровяков мужчин, небрежно бросающих мешки им под ноги. Когда на площадке не осталось ни одного телларианина, островитяне сложили весь сегодняшний «улов» в большие мешки и, волоча их за собой, шагнули в радужную пленочку. Через несколько мгновений под зонтиком не осталось ни одной живой души.

Тэйн облегченно вздохнул, поднимаясь с земли и отряхивая пропитавшиеся серой слизью штаны. Здесь, вблизи ущелья, воняло нещадно. Ключья серого киселя, из которого добывался сур, взлетали вверх, словно из кратера вулкана, и падали поблизости, заваливая окрестные кусты хнума. Кельхандар с отвращением счищал слизь ножом, Лейт опасно отошла подальше от каньона.

— Рискнем? — спросил Кельхандар, не отрываясь от своего занятия.

Ройг покачал головой.

— Пожалуй, я все-таки поговорю с Данирой.

Тот лишь кивнул, а Лейт невозмутимо взялась за котомку:

— Кушать будете?

— Подождем.

Ройг закрыл глаза, нащупывая уже привычную тоненькую ниточку. Получилось легко и привычно, так, будто он делал это множество раз. Лицо Даниры, возникшее из вспышки, хранило насмешливо-сердитое выражение.

— *Предупредить надо,* — сказала она с укоризной. — *Твое счастье, что у Столба никого не оказалось!*

— *А Глотка?* — спросил Тэйн обиженно.

— *Глотка не в счет. Я говорю о людях. Как ты думаешь, почему вас до сих пор не обнаружили?*

— *Почему?*

— *Да потому что я уже третий раз подряд вру, что ты мирно сидишь в святилище и страдаешь из-за подлеца Джерхейна. Кажется, я не сделала тебе ничего такого, чтобы ты мне не верил,* — обиженно закончила она.

— *Так получилось,* — виновато вздохнул он, стараясь не думать о возможных

последствиях. — *Лучше скажи, стоит ли соваться в эту Дверь?*

— *Нет!* — ответила она и лавина ее страха хлестнула его, словно пощечина. — *Она ведет не в санар, а во второй слой тарса, туда, где находится школа илларов.*

— *Что такое санар?* — перебил он

— *Внутренняя часть острова, то место, где мы живем. Там нет сплошной плоской поверхности, как в тарсе. То, что ты вспомнил о своей вылазке из школы вместе с Кельхандаром — это и есть санар. Пузыри-раканы на ножках, облака сиуры, на которых тоже есть строения...*

— *Главное святилище Илбара находится именно там?* — спросил он.

— *Да. Сердце Острова — это город на самом большом облаке сиуры. У нас нет городов, Зар Ала — единственная на всем Агвалларе. Это очень необычный город... для нас. Может быть, не для вас, теллариан, потому что он похож на ваши города. Зар Ала видна из любой части санара, если знать, куда смотреть. Там есть место... Туманный город. Там находятся все главные святилища Девятерых. Там обитают все высшие жрецы. Это маленький закрытый мир, состоящий только из жрецов и их помощников. И твой Вельг сейчас там, вместе с Кимром и Менартом. Думаю, туда можно будет добраться незамеченным, если идти не хэльдами, а внешним путем. Хотя это долго...*

— *Каким внешним путем?*

— *Спускаясь по стеблям, к которым крепятся раканы, и обходя их по поверхности. Впрочем, как только ты выйдешь в санар, я тебе объясню. Сейчас ты меня не поймешь.*

— *Как выйти в санар?* — снова перебил ее Тэйн.

— *Лучше всего — естественным путем, через перегородку между слоями.*

— *Это возможно?*

— *Вполне. Просто у нас так никто не ходит. Это... утомительно, к тому же, тарс интересуется нас только как источник пищи и строительного материала.*

— *Есть же еще и второй слой...*

— *Тут, я слышала, неподалеку есть сиуровы болота, — прервала его Данира. — Там, где болота, только один слой тарса — первый, он же и последний. Если ты попробуешь пройти через перегородку около сиуровых болот, сразу окажешься в санаре.*

— *А что это за болота?*

— *Ядовитая трясина и вонючие клубы пара. Пройти вполне возможно, главное — не оступиться и не надыхаться, — она наморщила свой прелестный точеный носик. — Стенкунадо будет раздвигать руками. Она мягкая, поддается легко, а когда пойдешь — облепит тебя, словно кисель. Не останавливайся, когда пойдешь, чтобы не застрять. Когда будешь выходить наружу, смотри, чтобы не свалиться вниз. Слой сиуры у краев в санаре очень узкий. Хочешь, я позову тебя, когда выйдешь?*

— *Хочу,* — согласился он.

— *Тогда иди быстрее. Время, сам знаешь, играет не в нашу пользу..*

Болота действительно оказались на редкость вонючими. Бесконечная серая масса, от которой поднимались густые и ржавые клубы пара. От них слезились глаза и душил кашель. Тэйн и его маленький отряд укрыли лица, кто чем мог. Тропинки не было. Через болото тянулась цепь маленьких ненадежных островков, выступающих из трясины. Приходилось прыгать. Ноги скользили и проваливались в ядовитую серую кашу, которая жглась не хуже кипящего масла. Казалось, конца не будет этому издевательству. Когда начался ир, болота из

серых превратились в голубые, а пар — из ржавого в красный, запах стал еще удушливее, чем раньше. Ройг, прокладывая дорогу, уже не оглядывался на остальных, зная, что они порядочно отстали, а подгонять их у него не хватит духу. Даже Кельхандар, которого Тэйн считал достаточно выносливым, выдохся и тяжело опирался на шест. Что уж говорить о Лейт... Впрочем, девушка молчала, так ни разу и не пожаловавшись. Кельхандар забрал ее мешок, но легче ей не стало — одежда, пропитавшаяся потом и ядовитыми испарениями болота, набухла и липла к телу, глаза слезились, рот и горло горели так, словно она хлебнула кипятка. Она давно уже перестала отличать стенку тарса от сплошного ковра болот, и когда, наконец, ноги ступили на твердую — относительно твердую — поверхность сиуры, а впереди замерцало нечто серебристо-белое, чистое, она не поверила, что они, наконец, дошли.

Ройг воткнул шест в плотный слой серебристого вещества, из которого состояла перегородка, и нажал на него. Шест исчезал медленно, плавно, но без особого сопротивления. Тэйн попытался вытащить его, но палка основательно застряла и никак не хотела вылезать обратно.

— Вот так, — усмехнулся он. — Обратно не пустят. Попробуем?

Лейт ничего не ответила — ей хотелось упасть и больше не вставать. Если бы хоть немного отдохнуть... Она огляделась по сторонам, убеждаясь, что везде, куда бы ни падал взгляд, твердый слой сиуры был не шире заброшенной лесной тропки. Даже сесть, не то что лечь, некуда, подумала она и покорно вздохнула. Сама напросилась. Ее ведь предупреждали.

Слой вещества перегородки нужно раздвинуть руками... Тэйн погрузил в него ладони и развел их в стороны — действительно, плотная стена подалась и расступилась, словно ткань, образовав небольшую брешь. Он решительно вдавился в нее и сразу же ослеп и оглох. Наугад вытянув руки вперед, снова сделал раздвигающее движение и провалился в брешь... Ощувив, как за его спиной сомкнулась разведенная в стороны масса, поспешил сделать еще шаг вперед. Потом еще и еще. Отважившись открыть глаза, он обнаружил, что масса не прилипает к открытым частям тела — только к одежде.

После этого дело пошло быстрее. Тэйн не ожидал, как быстро все закончилось — перегородка в очередной раз расступилась перед ним и он оказался на узкой полосе сиуры, концы которой свешивались в пустое пространство подобно бахrome. Осторожно пройдясь по краю и поглядывая на стену в ожидании друзей, он ощутил осторожное мысленное прикосновение, но лица Даниры не увидел — прозвучал только голос.

— *Видишь пузыри справа от тебя?*

Он медленно повернулся. Там, далеко, в пустом мерцающем серебром и лазурью пространстве, снизу вверх тянулись огромные, густо облепленные пузырями-раканами стволы. От стеблей-основ ответвлялись ветки-гроздь, усыпанные такими же раканами поменьше. Их концы, похожие на усики, цеплялись за густые бело-голубые облака сиуры, на которой контурами проступали рукотворные купола.

— *А теперь посмотри вниз.*

Внизу реял слой сиуры, в которую корнями уходили здешние стволы.

— *Смотри дальше. За этим облаком есть еще одно.*

Вдалеке действительно виднелось еще одно подобное образование, со множеством раканов и стеблей, концы которых терялись в рассеянном серебристом тумане, затянувшем целый кусок пространства. Тэйн усилил зрение. Там, где туман заканчивался, снова тянулись стебли с пузырями.

— Туман окружает самый большой остров сиуры во всем санаре, — пояснила Данира. — Там, на поверхности, находится Зар Ала. Спускайтесь сначала по веткам ближайших к вам корсов (стеблей с раканами), до самого облака. Там по краям есть движущиеся островки — то, что ты называл льдинами — мы называем их реусами. С их помощью переберетесь на другой корс и через туман опуститесь на землю. Там может быть охрана, а на ветках корса — ловушки. Простейшая предосторожность от любопытных и воришек — у нас есть и те и другие. Ловушки простые, они больше на любопытных мальчишек рассчитаны. Надо всего лишь посмотреть корс сверху донизу, прежде чем спускаться. А насчет охраны я узнаю и тебя предупрежу. Вы пока идите...

В этот момент из перегородки выпростался Кельхандар, и голос Даниры стал тише.

— Если что случится — позови меня. Я постараюсь помочь.

Он не успел ответить — тоненькая ниточка связи резко оборвалась.

Отдыхали, примостившись на узкой полоске сиуры. Перекусив и почистив одежду, сетуя на отсутствие воды, чтобы обмыться, Ройг с Кельхандаром принялись разглядывать корсы, по которым предстояло спускаться. Стебли казались толстыми, но со множеством мелких выступов, узелков, коротких веточек и пеньков — видимо, мест, где раньше крепились или могли бы крепиться раканы. Изможденная Лейт, устроившись у самого края перегородки, мгновенно уснула.

— Почти как по деревьям лазать, — хмыкнул Кельхандар. — У нас, помнится, был большой запущенный сад — лучший способ от папаши спрятаться.

Тэйн пожал плечами. Он вырос в селении выше срединного кольца городов Илломайна, растительность там была скудная, и он с друзьями предпочитал шастать по каменным лабиринтам и древним развалинам. На Острове он видел только раканы, впрочем, именно по стеблям корса он спустился во внутренний храм наставников, когда они с Кельхом набедокурили в святилище. Помнилось, что особых трудностей со спуском онтогда не испытывал.

— Далековато этот город, — пробормотал Кельхандар, пытаясь разглядеть огромное облако тумана. Он растянулся на краю сиуры и глядел вниз, лежа на животе. — Интересно, а спать мы тоже будем на ветвях?

— Там видно будет, — проворчал Тэйн, оглядываясь на свернувшуюся калачиком Лейт. Вот уж кому придется несладко.

3. У ворот

Сезон Пробуждения. Агваллар, санар)

Тэйн осторожно подтянулся на руках и выбрался на ровную плотную поверхность. Пять триад безостановочного пути по стеблям корса вымотали маленький отряд окончательно. В тех местах, где к стеблям крепились раканы, тонкими слоями лежала сиура; там устраивали короткие передышки на еду и сон. Сложнее всего было с водой — всего лишь раз им удалось пополнить запасы. Продовольствие таяло на глазах, Лейт шутила, что с каждым днем тащить приходится все меньше. С каждым местным рассветом Ройга охватывало беспокойство, что посещение жилого ракана окажется неминуемым. Пока что везло неслыханно: их пути до сих пор ни разу не пересеклись ни с охраной, ни с местными жителями, а попадавшиеся у каждого пузыря ловушки оказались простенькими. Тэйн видел их издалека, заранее подбирал ключи или просто обходил их. Ему пришло в голову, что среди рядовых жителей Агваллара мало кто изучал кэн-ли, а Дверьми они умеют пользоваться с самого детства, для них это обыденность. Возможно, жрецов среди жителей раканов так же мало, как и илларов в Наземном мире. Возможно, жизнь их очень похожа на земную...

Последний отрезок пути оказался самым трудным. Виною был густой белесый туман, плотно облепивший стебли с ветвями. Данира обещала встретить их у ворот города, опасаясь, что стража заметит их раньше, чем они отыщут сами ворота. Ройг надеялся, что она сдержит свое обещание. Он признался себе, что плохо представляет, что делать дальше, и надеялся на ее помощь. В первую очередь, следовало что-то сделать с броской и необычной телларианской внешностью. Даже если в город они проникнут незамеченными, передвигаться по улицам, где их загорелые лица и темные волосы так разительно отличаются от бледных островитян, будет очень рискованно. Нужно обзавестись постоянным пристанищем и найти способ слиться с толпой, стать неотличимыми от местных жителей, или хотя бы не вызвать удивления. Данира легкомысленно заявила, что это не проблема. Тэйн сомневался.

Он выпрямился и отошел в сторону, не забывая оглядываться и прислушиваться. Пока что все тонуло в уже привычном белесом тумане. Казалось, что он набивался в уши и в нос, мешая дышать, и уже на расстоянии вытянутой руки Тэйн не мог различить, что и где находится. Он осторожно попятился и замер. Так и свалиться недолго.

Голос Лейт донесся с самого края сиуры, и он поспешно протянул ей руку, помогая подняться. Выпрямившись, она принялась сосредоточенно дуть на поцарапанные о жесткие волокнистые стебли корса ладошки. Поднималась она ловко и быстро, гораздо увереннее, чем Кельхандар, тащившийся последним. Когда, наконец, в тумане возникла его голова, Ройг перехватил его запястья и резко вытащил на поверхность.

Он привычно попытался усилить восприятие, но то ли туман мешал, то ли в окрестностях Зар Алы было что-то, сильно влияющее на способности адептов Кэлленара обращаться к своему источнику силы. В ожидании Даниры он поймал себя на непривычном волнении. Сейчас они встретятся в реальности, а не в воображении друг друга, и неизвестно, какой окажется эта встреча.

— Небесный огонь им в глотки, — донесся до него раздраженный голос Кельхандара, — да я чуть не свалился обратно. Тэйн, ты видишь, где здесь край?

Ройг обнаружил, что Кельх балансирует на самом краю облачной поверхности, и

поспешно оттащил его в сторону.

— По моим ощущениям, город где-то там, — Тэйн махнул рукой в направлении, где в туманной стене ему привиделись просветы. Через несколько мгновений его подозрения подтвердились, потому что именно оттуда донеслись приглушенные голоса.

Оказалось, их давно уже обнаружили. Похоже, местным обитателям белесое марево никак не мешало ориентироваться, и они давно уже наблюдали за странной компанией, нелепо барахтающейся на краю облака. Тэйн замер, а за ним и остальные. Прятаться было негде, ввязываться в потасовку не хотелось.

В конце концов они материализовались рядом, четверо высоких худых парней неприятного вида. Двое из них носили светло-желтые халаты, перетянутые зелеными поясами, в точности как эргалонские пейеры. Ножны на поясе оказались пусты — длинные ножи переключались в ладони. Еще у двоих пейеры были грязно-серого цвета, и под ними виднелись темные широкие шаровары. Тэйн не помнил, как одеваются обитатели раканов, поэтому понятия не имел, с кем пришлось столкнуться.

— А они темненькие, — удивленно пробормотал тот, что медленной крадущейся походкой приближался к Ройгу. Судя по скупым и плавным движениям, оружием он владел великолепно. — Беглые. Только бежали не в ту сторону, — тут он гаденько хихикнул. — И девочка прехорошенькая. Если не покалечим — оно может быть еще и выгоднее окажется...

И он диким аргом бросился к Ройгу, сбил его с ног и молниеносно прижал к земле. Тэйн ударил его и вырвался из захвата, на ходу отшвыривая заплечный мешок, чтобы не стеснял движений. С трудом увернувшись от удара ножом, он откатился в сторону и успел вскочить на ноги до того, как получил следующий удар. Несколько раз ему удалось увернуться, потом он изловчился перехватить нападавшего в самом начале движения, выбить нож и швырнуть на землю. Вдавлив его в густой слой сиуры, Тэйн ударил по сонным точкам шеи быстро и сильно, вскочил на ноги и отыскал глазами Лейт.

Девушка отбивалась с бешеной яростью, размахивая подаренным Вельгом кинжалом. Двое островитян, пытавшиеся ее схватить, растерялись и не знали, как приблизиться. Ройг набросился на того, что стоял спиной к нему, сразу же подмял под себя и, поскольку тот все еще пытался вырваться и верещал, как безумный, огрел рукоятью его же ножа по голове.

Второй быстро оглянулся и, увидев, что Кельхандар стоит один на краю сиуры, брезгливо вытирая руки мягким краем тхона, без слов бросился бежать. Тэйн метнулся было за ним, мгновенно сообразив, что тот может привести подмогу, но почти сразу же потерял его в тумане. Махнув рукой, он отыскал свой мешок и, закинув его за спину, сказал так, словно ничего не случилось.

— Пошли дальше?

Кельхандар сосредоточенно и аккуратно расправлял складки тхона, а Лейт лишь тихонько вздохнула. Тэйн в который раз посочувствовал ей и подивился ее мужеству и терпению. Ей нужно было отдохнуть и выспаться, но сейчас требовалось унести отсюда ноги, и как можно скорее. Поэтому он только мягко подтолкнул ее вперед, в том направлении, куда скрылся недавний нападавший.

Пройти пришлось совсем немного. Неожиданно слои тумана расступились, и перед ними встала высокая серебристо-серая стена, похожая на перегородку между слоями. Стена простиралась в обе стороны, ее дальние края терялись все в том же тумане. Тэйн досадливо поморщился, остановился, собираясь усилить зрение, но донесшиеся справа звуки загов насторожили его. Сделав знак Кельхандару, который вытащил из ножен свой короткий

изящный клинок и стал у него за спиной, шепотом велел Лейт отступить подальше, Ройг быстро сплел ставшей уже привычною ловчую сеть. Урд-знаки тускло вспыхивали и гасли с непривычной для них быстротой, словно встречая сопротивление.

Шаги превратились в топот, из тумана слева вырвалась невысокая фигура, завернутая в светло-синий плащ, полы которого разве что не волочились по земле. Капюшон слетел с головы и Тэйн с облегчением узнал Даниру. Уничтожив все, что успел к этому времени сплести, он велел Кельхандару убрать меч в ножны.

Лейт опасно выглянула из тумана.

— Что у вас произошло? — задыхаясь, выкрикнула Данира вместо приветствия. Тэйн разглядывал ее, пытаясь унять бешено колотящееся сердце, не зная, что и отвечать — то ли подробно рассказывать о стычке с горожанами, то ли сказать ей, как он рад ее видеть, то ли вообще промолчать... Он решил молчать, и Данира, наткнувшись на его внимательный взгляд, внезапно остановилась и вспыхнула непривычным для островитян румянцем. Ростом она была чуть выше, чем ему представлялось, но такая же тонкая и хрупкая. Глаза показались еще больше, а ресницы — тяжелее, волосы растрепались, в них не было привычных его глазу паучков, серебряные кудри сбились назад. Кельхандар поспешил заглядеть неловкость, отвесив церемонный, но очень телларианский поклон, на что она ответила серией совершенно незнакомых жестов. Потом засмеялась.

— Ну вот и познакомились. Так что же здесь случилось? Я слышала крики и ругательства, а потом кто-то побежал в направлении ворот...

Кельхандар подробно рассказал о стычке. Ройг уже не смотрел на нее, он стоял, опустив глаза, думая, что сказать ей наяву и не находя слов. Данира потребовала, чтобы ей показали тех нападавших, что остались лежать у края сиуры.

— Это не горожане, — облегченно вздохнула она, осмотрев их. — И не стража. Это... хм... кажется, это обыкновенные грабители.

— Кто? — удивилась Лейт.

— Понимаешь, — смущенно начала Данира, — мы ведь не так уж отличаемся от вас. Подонков и у нас достаточно. А в Зар Але — тем более. Эти, судя по одежде, живут где-то на окраине города и промышляют грабежом. Обычные отбросы... Перед часом ира у ворот нет стражи — они заходят вовнутрь перед сменой караула, в город пройти легко, в домах все спят... Так что нам повезло.

Она достала из сумки красивые золотые браслеты и протянула каждому из них по два.

— Наденете на запястья, если по пути возникнут трудности.

Тэйну показалось, что в ее голосе при этом проскользнули нотки смущения.

Ворота в Зар Алу представляли собой широкую гладкую арку в серебристо-серой стене высотой в два человеческих роста. Охраняли ее четверо стражников, вид которых показался телларианам смешным: черный короткополый халат, широкие узорчатые шаровары точь-в-точь как у разбойников, головной убор, напоминавший ахтамарский тюрбан. Лицо скрывала тонкая черная кисея. У одного из них пейер был расшит ярко-желтыми узорами, а тюрбан был в два раза выше прочих. Кельхандар хихикнул, но Данира оглянулась и наградила его столь свирепым взглядом, что он смущенно потупил глаза.

— Лейт, иди передо мной, — шепнула она быстро. — А вы оба — назад, на два шага, и глаза в землю, руки в рукава, быстро! — и поспешно набросила на голову капюшон, прикрывая лицо наполовину. — И оружие — спрятать!

Стражники скользнули по ним сонно-равнодушными взглядами, и только тот, что в

узорчатом пейере, с оценивающим прищуром обшарил глазами стройную фигурку Лейт, и, наткнувшись на следующую за ней Даниру, почтительно наклонил голову. На мужчин никто не обратил внимания.

За аркой следовал длинный пустырь. Данира ускорила шаг, требуя от них смотреть под ноги и не задавать вопросов. Когда впереди замаячили стены домов, она пояснила, задыхаясь:

— Полоса контроля. Здесь, в земле — наблюдающие хэльды. Там, в стене рядом с аркой, Окно слежения. За стенами наблюдать туман мешает, а здесь, если что, и видно лучше, и ловить легче.

Вслед за Данирой они шли по широким просторным улицам, каких Тэйн не видел ни в одном из государств Наземного мира. Чистые, серо-белые, рыхлый слой сиуры утоптан настолько, что напоминает камень. Те пространства, что предназначались для передвижения, он вряд ли бы назвал улицами. Странные, сферообразные или похожие на цилиндры, иногда и вовсе бесформенные строения — трудно было назвать их домами — вырастали из слоя сиуры, словно слепленные из тумана. Почти все были серебристого с синим или серого с сиреневым цвета, без окон, с дверьми-мембранами, с причудливыми рельефными украшениями, иногда — в виде кружев, наброшенных на здание сверху. Попадались и заборы, высокие, в два, а то и три человеческих роста, тоже ажурные, словно кружево, но прочные, как металл. Тэйн отвлекся на один такой забор, заинтересованный тонкой вязью узора, но недовольная Данира схватила его за руку и поволокла дальше, сердито мотая головой. Он вздрогнул от ее прикосновения, словно от удара, но она не заметила, обеспокоенная, как бы их не заметили любопытные и вездесущие глаза.

Данира петляла между строениями. Их архитектура изменилась — теперь они напоминали башни с украшенными ажурными переплетениями куполами или крышами. Вокруг самых высоких башен лепились башенки поменьше, а когда Лейт, которая по команде Даниры продолжала возглавлять процессию, решила спросить, живут ли в них люди, или это просто украшения, та поспешно и взволнованно принялась объяснять, что дома-башни принадлежат либо древним аристократическим кланам, либо очень богатым людям.

— Мы такие же, как вы, — оправдывалась она. — Ваши потомки. Иногда смешиваем свою кровь с вашей. Там, в раканах, есть система карн, похожая на телларианскую. И ведем себя так же...

— А Следящие? — спросил Кельхандар. — И семьи жрецов и старейшин, если они есть? Где они живут? В ЗарАле?

— Только некоторые. Высшие жрецы Кэлленара обитают в Туманном Городе — Зар Изране. Там же находятся их семьи. Жрецы помладше и старейшины с семьями — тем приходится довольствоваться Зар Алой. У Следящих же — отдельный ракан. В нижнем кольце Туманного города есть святилище, где находится Дверь в наш ракан. Единственная, — вздохнула она. — Больше путей нет. По крайней мере, из Зар Алы. Может, конечно, я просто о них не знаю... — смутилась она под конец. — Опыта у меня маловато. Я и сейчас боюсь, что делаю что-нибудь не так.

— А чего тебе бояться? — хмыкнул Кельхандар. — Думаешь, следит кто?

— Не должны, — ответила она серьезно. — Это не принято. Следящим у нас — полное доверие. Отчет я даю только своему куратору и главе клана. В моем случае — это одно и то же лицо. Но все-таки...

Она привела их в одну из подобных башен. Башня очень сильно напоминала Ройгу устройство школы илларов: те же радужные лестницы, висящие в воздухе предметы, отдаленно напоминающие привычную мебель, множество маленьких прохладных и светлых комнат. Во всей башне сверху донизу не было ни одного человека.

— Это дом моей хорошей подруги, — рассказывала Данира, объясняя, что здесь к чему. — Не из Следящих, из семьи жрецов, с которыми поддерживал дружбу мой отец. Сейчас она давно уже замужем, но дом продавать не хочет — для нее это возможность иногда сбегать от немолодого и занудливого мужа.

Лейт сочувственно вздохнула, а Данира пояснила, откликнувшись на любопытный взгляд Кельхандара:

— Да, да, да, именно для того, что ты подумал. Браки по любви у нас большая редкость. Хильд хмыкнул, вопросительно изогнув брови.

— И что ты ей наплела, когда просила разрешения воспользоваться домом?

— Неважно, — Данира порозовела и отвернулась. Потом решительно продолжила, ни на кого не глядя. — Теперь надо решить, как вы будете передвигаться по городу. Я предлагаю, — тут она повернулась к Кельхандару, — сделать из вас, господин Харриаберт, благородного зарда.

— Кого? — переспросил хильд.

— Ты вылитый аларей, — пояснила она. — То есть, местный житель. Так мы себя называем. Тебе нужно только перекрасить волосы. Завтра я принесу нужную краску, — она перевела взгляд на Лейт, не обращая внимания на возмущенное бурчание Кельха, — тебя, Лейт, мы переоденем покрасивее... по местной моде, — на Тэйна она посмотрела последним. — Ты, Тэйн, вписываешься хуже всех, — виновато вздохнула она. — Впрочем, если мы сделаем из Кельхандара аларея... — она задумалась, барабаня пальчиками по столу, и они терпеливо ждали ее решения. — Я вам объясню, как ходить по Зар Але и не вызывать подозрений, — решительно заявила она. — До завтра постарайтесь не попадать в неприятности. Оставайтесь дома, пока я не приду. В холодильном шкафу — масса еды.

— Ты не пыталась узнать, где Вельг? — спросил ее до сих пор молчавший Тэйн.

— В Зар Изране он, — сказала Данира с брезгливостью. — Шляется по веселым домам. Я познакомилась с его Следящим — молодой оболтус, под стать вашему дружку. Вельга он почти не контролирует. У него еще шесть ведомых на Телларе, так что этот его не интересуется. Думаю, у меня получится с ним познакомиться.

— Не надо, — прервал ее Ройг.

— Почему? — возмутилась она. — Он получил знак особого расположения жрецов — это ключ ко всем воротам Зар Израна и к внутренним святилищам Девятерых. Он бывает в святилище Илбара чуть ли не каждый день. Если втереться к нему в доверие...

— Или набить ему морду, — усмехнулся Тэйн, — и отобрать знак...

— Ну уж нет, — закончила она весело. — Морду ты ему бить не будешь — Следящий почувствует. Не дай бог увидит или заподозрит.

— Давай я ему морду набью, — предложил Кельхандар. — Тем более, говоришь, я на аларея похож. Решит, что свои его, за дело. А теперь пошли наверх, а то я сейчас умру с голоду.

Лейт подхватила брошенные прямо на пол заплечные мешки и побежала следом за ним, радуясь, что наконец-то сможет помыться и приготовить что-нибудь горячее. Ройг и Данира остались одни.

Она долго разглядывала его в полном молчании, потом неожиданно протянула руку и дотронулась до плеча.

— Ты совсем не такой, как я тебя представляла, — сказала она тихо. — Я ведь вообще ни разу не видела тебя в хэльдах. Ты в них не отражаешься.

— А какой же? — спросил он серьезно.

— Настоящий. Это не передать, — она смутилась и опустила глаза. — Каждый Следящий втайне мечтает встретить своего ведомого в реальной жизни. Только этого никогда не случается.

Тэйн смотрел на тяжелые крупные завитки серебряных волос, там, у висков, где всегда были маленькие паучки со сложным узором на спинках. Его узором.

Сам не осознавая, что делает, он преодолел те несколько шагов, что их разделяли, и обнял ее.

— Случается.

Она вздрогнула, но не воспротивилась. Когда дрожь прошла, Данира осмелилась поднять на него глаза.

— А я?

— А ты... — он провел ладонью по ее волосам, — именно такая, какой я тебя представлял.

— Врешь ведь, — хмыкнула она.

— Не вру, — заверил он, и она тихонько высвободилась, облегченно вздохнув.

— К началу ата я приду, — пообещала она. — Надену арангисов, и ты в любое время сможешь позвать меня, — и шепотом добавила, так, что он едва разобрал. — А я тебя услышу.

В овал дверного проема робко заглянула Лейт.

— А где взять воду? — спросила она, удивленно разглядывая их смущенные лица.

— Пойдем покажу, — Данира торопливо схватила ее за руку и кинулась вон из комнаты так, словно хотела убежать от целого сонма небесных дьяволов

4. В столице

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Окон в доме-башне не оказалось. Проспав весь ат и сут, с началом ира — следующего дня- Тэйн и Лейт глазели на город через овальный дверной проем, затянутый серой пленкой. К середине ира обнаружилось, что улицы заполнились разношерстным народом. В повседневной суете и толкотне мешались укутанные с ног до головы в переливчатые ткани личности, торговцы с лотков, стражники в разноцветных пейерах, уличные певцы и попрошайки, грациозные хрупкие горожанки, шумные и шустрые дети, паланкины с мускулистыми темнокожими носильщиками явно телларианского происхождения. Все это живо напоминало Тэйну родной Эргалон в периоды ярмарок. Чужой мир оказался как две капли воды похожим на родной. Чем дальше, тем больше он убеждался, что стать своим в этой пестрой многоликой толпе будет легче легкого.

В разношерстной уличной толпе попадалось немало обитателей Наземного мира. К удивлению Ройга, стражи порядка в черных пейерах совершенно не обращали на них внимания, словно присутствие теллариан среди жителей Зар Алы было для них абсолютно естественным. Впрочем, постепенно Тэйн заметил, что большинство теллариан, свободно разгуливающих по улицам Зар Алы, на самом деле были не так уж свободны. Чаще всего они сопровождали кого-то из алареев, двигаясь чуть впереди или на шаг позади, в том же порядке, в котором выстроила их Данира на входе в город. Алареи, сопровождаемые телларианами, выглядели словно близнецы: в светлых пейерах с широченными богато расшитыми шароварами, головы и лица укрыты белыми или серыми вуалями, как у мужчин, так и у женщин. Поначалу это показалось диким и странным, но позже они поняли причину: даже за то короткое время, когда Лейт выходила до калитки и обратно, на волосы осел тонкий слой влажной серой пыли, отчего они намокли и выглядели седыми.

Некоторые горожане носили тюрбан с кисеей, по форме такой же, что и у стражи, отличавшийся высотой и вышивкой. Перед такими поспешно расступались, подкрепляя свое уважение своеобразными движениями кистей — знаками почтения. Стражников в черном было много, но они редко во что-то вмешивались, больше наблюдали, изредка заговаривая с уличными торговцами, чаще всего — за людьми в желтых или серых пейерах. Видимо, цвет пейера здесь означал определенный статус. Теллариане головных уборов не носили, одевались по-разному: кто в разноцветный пейер с шароварами, кто — так же, как дома.

Кельхандар, с самого рассвета жаждавший действий, отодвинул их в сторону.

— Я пройдуь вон до тех ворот, — он указал на две высоченные башни, огороженные серебристым кружевным забором, находившиеся довольно далеко, но хорошо различимые отсюда.

— Давай подождем Даниру, — миролюбиво предложила Лейт.

— Я всего-то потолкаюсь среди народа, — проворчал он. — Надо бы разобраться, носят ли здесь оружие кто-нибудь, кроме стражи. И еще — есть во всех этих тюрбанах и пейерах какая-то разница в статусе, хорошо бы понять. Помнишь, в тарсе нам сказали, что островитяне терпеть не могут людей из Наземного мира?

Тэйн кивнул

— Получается, очень даже терпят, — хмыкнул Кельх. — Что-то не вяжется одно с другим.

И, больше не слушая возражений Ройга, выскользнул из башни и смешался с неторопливо идущими мимо горожанами.

— Хорошо хоть тхон снял, — сказала Лейт с неодобрением. — И меч оставил.

В конце улицы хильд пропал из виду, и Ройга сразу же охватило беспокойство. Он мысленно позвал Даниру, но отклика не дождался — видимо, она еще не надела арангисов, или была слишком занята, чтобы ответить. Посомневавшись, он решил последовать за Кельхом, но не подходить к нему, а понаблюдать за происходящим со стороны, ни во что не вмешиваясь. Лейт восприняла это решение с еще большим недовольством.

— Это неразумно, — заявила она твердо и решительно. — Вы оба — как малые непоседливые дети. Данира хотела, чтобы до ее прихода вы оставались дома. А если вас раскусят?

— До сих пор же не раскусили, — виновато пробормотал Тэйн. — Я возьму те браслеты, помнишь, Данира нам давала перед входом в город?

Лейт недовольно покачала головой. Спорить с ними у нее не хватило решимости. Тэйн надел на руки два светло-золотистых браслета с незнакомыми символами урда, вплетенными в цветочный орнамент. Браслеты плотно обхватили запястья, словно вращаясь в плоть. Чем-то они напоминали Ройгу илларское клеймо, но он, боясь совсем потерять Кельхандара в толпе, отбросил неосознанные подозрения. Потом, все потом.

За домами-башнями серебристо-сиреневым конусом маячила Туманная гора — Зар Изран. Глядя на нее, вспоминался Илломайн. Чем-то они были похожи, Эргалон и Зар Ала города у подножия огромных гор, испещренных древними строениями и такими же древними тайнами. Он неторопливо шел по улице, скользя взглядом по необычным зданиям, исподтишка вглядываясь в непривычные лица. Знаки стихий дрожали у него на кончиках пальцев, в любую минуту он был готов исчезнуть, раствориться среди горожан, но они и так не обращали на него внимания.

Создавалось впечатление, что в городе нет ни одного растения. Тэйн уже знал, что даже на стеблях корса вырастают мхи, а на узких полосках сиуры под раканами можно обнаружить целые заросли, почти такие же, как в тарсе. Были на Острове и животные — мелкие зверушки, насекомые, подчас такие же зловередные, как и в Наземном мире. Ройг уже заметил, как тщательно вычищены от всяких, даже самых мелких сорняков обнесенные кружевными изгородями внутренние дворики. Здесь, в Зар Але, он не заметил пока ни одной мухи. Странно, если учитывать, что на окраинах города отбросы вываливают прямо на улицу — по дороге к дому он не раз видел неаппетитные кучи мусора, по которым шныряли маленькие белые существа едва симпатичнее крыс. Потом он понял, что к чему, понаблюдав, как во дворике башни, мимо которой он прошел, сгорбленный старичок-телларианин сгребал трупки таких крысок в кучку, завернул их в тряпицу и унес в дом. Присмотревшись, Тэйн заметил в тех местах, где старик подбирал крыс, некие подобия ловушек, а вокруг дома на земле и на стенах были разбросаны едва заметные урд-знаки. Все вместе сложилось в отпугивающее мух заклятие. Да, магии здесь было больше, чем в Наземном мире, где ни одному нормальному человеку не пришлось бы в голову использовать искусство кэн-ли для отпугивания мух и крыс. Хотя почему нет, если оно так хорошо помогает?

Тэйн огляделся по сторонам, убеждаясь, что не потерял из виду башню, где поселила их Данира. Кельхандара нигде не было, появилось ощущение тревоги, которое медленно нарастало, превращаясь в страх. Где-то там, за толпой, что-то пошло не так. Еще раз бросив взгляд на башню, он двинулся вперед, туда, где только что затерялся хильд.

Там, у двух башен, собиралась толпа, в которой Тэйн разглядел и алареев, и своих. Местные были рассержены, теллариане молчали с окаменевшими лицами. По отдельным репликам и комментариям Ройг догадался — стражники в черном только что кого-то схватили. «Беглого, — раздавались возмущенные голоса, — без замков! Хорошо еще, стража сразу заподозрила». Ройг уже не сомневался, что речь шла именно о Кельхандаре. Протолкавшись вперед, он действительно разглядел его, с заломленными за спину руками, болтающегося между двумя стражниками. Один что-то говорил, второй деловито связывал запястья и локти. Закончив, он подтолкнул хильда вперед и Кельхандар послушно поплелся, не сопротивляясь. Вид у него был хмурый и растерянный.

Хоть кулаками не начал размахивать, раздраженно подумал Тэйн. Могло быть и хуже. Не отрывая глаз от хильда, он сосредоточился, пытаясь мысленно позвать Даниру, но она не откликнулась. Требовалось действовать очень быстро, искать ошибку Харриаберта они будут потом. Лучше всего попробовать освободить его по дороге, да так, чтобы ни стражники его не искали, ни горожане ничего не поняли. Что же делать?

Владеют ли стражники кэн-ли? Как проверить, заметят ли они его манипуляции? Стражники как раз свернули с центральной аллеи на малолюдную, узкую и грязноватую улочку, и Тэйн ускорил шаг, догнал их, поравнялся, а затем и обогнал конвой. Нарисовав простейший урд-знак, он влил в него каплю огня жизни, ровно настолько, чтобы тот не распался мгновенно, и уронил его на дорогу, ожидая реакции. Потом посторонился, давая им и Кельхандару пройти мимо него. Стражники ничего не заметили, а Кельх завертел головой по сторонам, увидел Ройга и сразу же отвел глаза.

Посчитав эксперимент удачным, Тэйн принялся плести заклятие невнимания и почти сразу же остановился. Руки слушались плохо, запястья, окольцованные браслетами, отозвались резкой болью, а пальцы, чертившие урд-знаки, стремительно немели. Он попытался снять браслеты — не получилось, они словно приросли к коже, не получалось даже сдвинуть их с места. Стиснув зубы, Тэйн с усилием доделал задуманное, повесил на себя нужную урд-конструкцию и создал вторую такую же, для Кельхандара. Чтобы прицепить ее на хильда, требовался физический контакт, хотя бы на несколько мгновений. Тэйн приблизился к страже, двигаясь шаг в шаг, повторяя в такт все их движения и задержав дыхание. Потом схватил хильда за плечо, отчего тот вздрогнул, и, перекинув на него заклятие, поспешно отшатнулся назад и в сторону, к оградкам башен. Теперь требовалось дать хильду понять, когда именно следует драпать. Но как, если один из стражников крепко держит его за плечо, одновременно таща вперед?

Кожа под браслетами горела, пальцы все так же плохо слушались, но Тэйн упорно плел заклятия дальше. Убедившись, что все нужные петли урда завершены, он сформировал цепочку урд-знаков «Вихрь», сделав их невидимыми и маломощными, и по одному стал пускать их друг за другом по улице на уровне груди, создавая порывы ветра. Вот только ветра в Зар Але не существовало... Обдав Кельхандара и стражников холодным потоком воздуха, Вихрь опрокинул наземь всех троих, а на хильде активировали заклятие невнимания. Теперь ни Кельхандар, ни Тэйн не видели друг друга, но Ройг надеялся, что хильд сообразит, что к чему.

Он отошел с дороги в сторону и огляделся. Стражники, сыпя проклятиями, поднимались на ноги и недоуменно озирались в поисках пленника. Никто не бежал по улице, никто не расталкивал спокойно идущих людей. Улочка просматривалась из конца в конец, но задержанного на ней нигде не было. Встревоженные, они тщательно осмотрели

место исчезновения, задержали прохожего в начале улочки, допытываясь, не видел ли он высокого худого телларианина, в белой рубашке навывпуск и без замков. Недоумевая и все больше заводясь, они заторопились обратно, на людную площадь.

Когда они скрылись из виду, Тэйн, не снимая заклятия невнимания, и нервничая не меньше стражи, бросился домой. Искать Кельхандара под заклятием собственного изготовления было бесполезно.

«Тэйн! — услышал он в сознании испуганный возглас Даниры. — Что с твоими руками?»

«Надел твои браслеты, — сообщил Тэйн, и быстро представил в сознании все случившееся, снабжая короткими комментариями. На какое-то время его затопил поток страха, хлынувшего от Даниры, который отступил, когда она увидела освобождение.

«Ваше счастье, что в этой части города нет наблюдающих хэльдов, — воскликнула она. — А среди стражей, патрулирующих улицы, нет владеющих кэн-ли. У нас, кстати, вообще мало кто им владеет. Система та же, что и в Наземном мире. Двери между раканами сами забирают частички Огня жизни, необходимые для их открытия. А все остальное искусство либо сосредоточено в храмах, либо сугубо прикладное и узкопрофессиональное. Таким навыкам учат с детства в специальных школах, — тут она снова облегченно вздохнула. — Ты иди домой, найди Кельхандара, а я скоро приду»

«А как мне снять браслеты? — спросил ее Тэйн. Запястья горели словно обожженные, пальцы рук оживали, но медленно и неохотно.

«Я принесу ключ, — ответила она. — Или сам попробуй подобрать отмыкающее заклинание, если очень больно. На внешней стороне есть ключевые урд-знаки, если разберешься в конструкции, то сможешь отомкнуть их сам. Только... сделай это дома, пожалуйста. На улице тебе лучше оставаться в браслетах»

«Почему? — полюбопытствовал он.

«Потом объясню», — от ее ответа веяло смущением и чем-то, похожим на стыд.

Тэйн посмотрел на свои руки, потом поискал глазами других теллариан. Их запястья были по большей части скрыты одеждой, но у некоторых он разглядел на руках такие же золотистые браслеты.

«ЗамкИ, — неожиданно вспомнилось ему. — Кельха задержали, потому что на нем не было замков, — понял он. Смутное подозрение оформилось в догадку. Осталось только дожидаться Даниру...

Кельхандар уже был дома. Непохоже, что происшествие его напугало.

— Какого дьявола тебя понесло гулять! — рявкнул Ройг, отыскав его на верхнем этаже башни. — Ты хоть понял, что произошло?

— Еще как, — хмыкнул он. — Как раз то, что от нас так тщательно скрывают. Здесь мы — рабы, дружище. Эти штуки, что ты нацепил на руки, предназначены для рабов.

Данира маленьким безумным вихрем ворвалась в башню.

— Свет Илбара, как вы меня напугали! — в руках у нее был большой мягкий сверток, она бросила его на пол и дрожащими руками подтянула к себе одну из плававших в воздухе прозрачных глыб в форме кресла, и упала в него. — Ну почему тебя понесло погулять? — набросилась она на Кельхандара. — Так трудно было подождать еще немного?

Тот виновато улыбнулся.

— Я бы хотел кое-что уточнить, — заговорил Тэйн, демонстративно поднимая руки в браслетах. — После этого происшествия выводы напрашиваются оч-чень интересные...

На глазах у них Данира сникла и опустила голову, пряча глаза.

— Это только в Зар Але, — сказала она тихо. — В раканах теллариан нет.

Лейт, вошедшая в зал последней, переспросила:

— То есть, все теллариане, что мы видели на улицах... Они несвободны? Они действительно в рабстве у тех, кого сопровождают?

Данира кивнула.

Лейт и Кельхандар молча переглянулись, и Тэйн продолжил за них всех, понимая, насколько неприятны Данире эти вопросы, но им следовало разобраться в проблеме раз и навсегда.

— Как это... случается? И вообще — откуда в Зар Але берутся теллариане?

— Иногда забредают из любопытства. Таких хватает стража и продает в богатые дома. Люди с Наземного мира считаются чем-то вроде дорогой игрушки, — она порозовела от стыда под испытывающими взглядами всех троих, но мужественно продолжила. — Или их используют в качестве прислуги. Часто- как любовниц и любовников.

Кельхандар хмыкнул, Лейт смугилась. Тэйн молчал, ожидая продолжения.

— Вы очень необычные, — пояснила Данира, оправдываясь. — Женщины экзотичные, а мужчины — физически сильные и выносливые, не то, что наши.

Кельхандар презрительно рассмеялся, за что получил от Лейт локтем в бок.

— Есть целая группа ловцов, — продолжила Данира. — Они работают в тарсе. Завлекают обещанием более выгодной работы, привозят сюда, и опять же, продают... Там, в тарсе, откуда домой на Теллар возвращаются почти все, о рабстве не знает ни одна живая душа, иначе... Сами понимаете. Браслеты-замки содержат заклятие, не позволяющее тем, кто их носит, выходить из города. Открыть замок можно или ключом, или, если владеешь кэн-ли — заклятием. Насколько я знаю, из рабов отсюда еще никто и никогда не убежал.

Тэйн потер запястье с браслетом, которое все еще болело, а Данира удрученно покачала головой.

— Гнусно, да?

— Очень, — ответила Лейт. Кельхандар хмыкнул и отошел к окну. Ройг пожал плечами.

— Не гнуснее, чем на Телларе. На юге Ахтана, если ты знаешь, среди кочевых племен рабство — норма. И у вас в Хильдайре, — повернулся он к Кельхандару, — с пленниками, взятыми в набегах, обращаются точно так же, разве что рабами не называют.

— Пленников выкупают, — буркнул Харриаберт. — Или они могут добыть себе свободу в поединке. — А здесь... мерзость. Ненавижу Остров, — закончил он тихо и яростно.

Данира вопросительно посмотрела на Ройга.

— Сними их с меня, — потребовал он.

Обхватив пальцами его запястья, она принялась что-то бормотать; в воздухе между ними вспыхнула и погасла цепочка урд-знаков. После звонкого щелчка замки сами упали на пол.

Протягивая ей руки, Тэйн спросил:

— Они все время так жгутся или только поначалу?

— Они вообще не должны. Тебе очень больно?

Он продемонстрировал широкие красные полосы на запястьях, похожие на ожог.

— Да. И еще вот здесь, — он хлопнул себя по плечу с клеймом. — Кэн-ли давалось мне с огромным трудом.

Данира смотрела на его руки с ужасом, словно они обуглились у нее на глазах.

— Видимо, дело в заклитии... Знаки клейма конфликтуют с теми, что в замках. Лучше тебе их не надевать, — пробормотала она. — Я хотела сделать Кельхандара зардом-алареем, а тебя и Лейт — его рабами. Значит, придется как-то сделать зардом тебя...

— Кем? — переспросил Тэйн.

— Зардом. Горожанином высокого статуса, — поспешно пояснила Данира. — Я добыла только один комплект знаков отличия... Ничего, найду второй. С Кельхандаром проще, он, как я уже говорила, похож на аларея.

— Ладно уж, обойдусь и браслетами, — фыркнул Тэйн. — Я не гордый, ради дела могу и рабом побыть. У Лейт, — он ухмыльнулся и подмигнул ей.

Первый раз за все время Данира неуверенно улыбнулась.

— Ты — смуглый, тебе придется очень тщательно скрывать руки и лицо. Все высокородные зарды носят чару — те самые головные уборы, которые вас так развеселили. Здесь считается, что взгляд пришлых, не горожан, может оскорбить высокородного, вот они и закрываются...

— А у вас как считают? — полюбопытствовал Тэйн.

— Так же, — кивнула Данира. — Следящие часто скрывают свои лица даже друг от друга.

Подняв с пола узел с одеждой, она принялась объяснять, что это и как носится. Постепенно неловкость, повисшая в зале после неприятного разговора о рабстве, растаяла.

Взявшись за Кельхандара, она перекрасила его черные и белые пряди волос в однотонно серую массу. Высокий и худой, беловолосый, белокожий, светлоглазый, теперь он практически не отличался от коренного островитянина-аларея.

Золотые браслеты она настойчиво всучила каждому из них.

— Пусть будут. Стража никогда не трогает тех, у кого они есть.

Она заставила Тэйна и Кельхандара выучить ключи ко всем трем замкам и заявила, что переоденет Ройга немедленно, поскольку он слишком сильно бросается в глаза, а заодно и научит соответствующему этикету — всем ритуалам принятых здесь приветствий и ответов. Утащив его вниз, в полупустой зал, стены которого были задрапированы разноцветным шелком, а детали обстановки плавали чуть выше уровня пола, Данира начала с того, что заставила Тэйна раздеться и показать ей клеймо. Беспокойство не было напрасным: рисунок стал совсем черным, кожа вокруг него воспалилась.

— Я не знаю, как тебе помочь, — призналась она растеряно. — Прости. И не вздумай больше надевать эти браслеты...

— Боишься, что и тебе достанется? — хмыкнул он.

— Не боюсь, — обиделась она. — Хотя, если одену арангисов, то почувствую. Хотя Следящие умеют отстраняться от эмоций ведомых, но с тобой у меня никогда не получалось, — Данира вздохнула. — Тогда, в Ард Элларе, я чуть не умерла, — она боязливо пробежала пальчиками по его запястьям, где краснота уже начала понемногу исчезать. Тэйн, для которого это нежное прикосновение значило гораздо больше, чем все сказанные ранее слова, привлек ее к себе. Данира предприняла робкую попытку отстраниться, но он ее не отпустил. Когда она подняла на него глаза, Тэйн поцеловал ее, а она обвила его шею руками, пробежав пальчиками по смуглой коже и смутившись собственной смелости.

— Не прошло еще и триады, как мы знакомы.

Он покачал головой.

— Неправда. Мы знакомы очень давно. Вечность, если не больше. Ты же сама говорила,

что знаешь меня лучше, чем я сам.

— Я так хотела встретить тебя наяву, — прошептала она. — Ты изменил всю мою жизнь с того момента, когда я надела арангисов и услышала тебя впервые. Знаешь, чего я боюсь больше всего на свете?

— Чего же?

— Попасться. Тогда все закончится и для тебя, и для меня. Для нас обоих. Пожалуйста, будь осторожен.

Он поцеловал ее снова, не будучи уверен, что ей нужен иной ответ.

5. Судьба Вельга

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Тэйн осторожно оглянулся по сторонам, убеждаясь, что ни один из стражей не обращает на него внимания, а если и обращает, то лишь для того, чтобы выразить свое почтение. Несколько дней (а он уже привык называть светлую часть триады днем) в роли высокородного зарда его кое-чему научили. Труднее всего было прятать кисти рук под длинными рукавами пейера — именно смуглая кожа рук могла выдать в нем телларианина. Кельхандару было проще: ему, благодаря стараниями Даниры превратившемуся в обычного аларея-горожанина, не приходилось надевать весь этот ворох темно-синего шелка вместе с дурацким тюрбаном и глядеть на мир сквозь длинную кисейную накидку. Оружия высокородные зарды не носили, и Тэйну пришлось расстаться со столь привычным ныне мечом. Кельхандар имел право на ношение кинжала. Теллариане, сопровождавшие хозяев, часто исполняли роль телохранителей. По словам Даниры, на острове холодного оружия не делали, все оно привозилось с Теллара.

Еще в самом начале ира Харриаберт ушел в противоположный конец Зар Алы, туда, где у городских стен располагался местный рынок. Торговля здесь шла не менее бойко, чем на земле. Выходцев с Наземного мира здесь тоже было немало — им частенько доверяли участвовать в сделках вместо высокородных господ. Островитяне-хозяева давно убедились, что в искусстве торговли обитатели Наземного мира давно превзошли даже жрецов.

Кельхандар хотел отыскать на рынке хоть какую-нибудь карту Небесного Острова. По словам Даниры, жрецы запрещали изображать на бумаге внутреннюю структуру Острова. Карты, конечно, делались, но подпольно, и стоили баснословно дорого. Карта Острова или хотя бы санара со всеми его Дверьми была необходима Ройгу, как воздух. Полагаться на скудные географические познания Даниры Тэйн опасался, хотя она старалась изо всех сил. Он помнил о том, что в случае успеха безумной вылазки им придется быстро и незаметно выбираться, сначала из Зар Алы, потом — из санара в тарс, затем — домой, в Наземный мир. Познакомившись поближе с цивилизацией островитян, он очень хорошо понимал, как сильно рисковал, отправившись сюда наобум, надеясь лишь на удачу, да на помощь Даниры. Тэйн никогда не считал себя безрассудным, но в этот раз признался сам себе, что его рискованную вылазку на Остров иначе как безумной считать нельзя. Островитяне тщательно следили за тарсом, за всеми Дверьми, которые вели из первого слоя тарса во второй, и за всеми Небесными столбами. Чудо, что на них не обратили внимания наблюдатели в святилищах. Данира считала, что их приняли за ищущих работы беженцев, поток которых в последнее время увеличился. Искушать судьбу во второй раз Ройг не хотел. О путях отступления с Острова требовалось позаботиться как можно раньше.

Сегодня его целью было маленькое святилище на самом краю Туманной горы. Требовалось установить, где и у кого хранятся два оставшихся камня-защитника. Сделать это Тэйн планировал с помощью хэльдов Окно и Истина, используя образ Вельга. Еще дома Лейт нарисовала Ройгу образ своего талисмана. Он лежал у Вельга в кармане, но в тот момент, когда Ройг с друзьями отправился на Остров, Вельг все еще оставался его хозяином. Данира точно знала, что теперь камень передан высшим жрецам, но получить более точную информацию у нее не получилось — она боялась выдать себя неуместными расспросами.

Зар Изран окружало множество мелких святилищ, хранимых двумя-тремя жрецами.

Именно туда приходили жители Зар Алы, чтобы воспользоваться услугами древней магии. Ройга удивляло, что несмотря на обилие Дверей и близость школ Кэлленара, рядовые жители Агваллара мало что смыслили в старинном искусстве. Чтобы поговорить со своими родственниками, обитающими в дальнем ракане, горожанин шел к Туманной горе, платил деньги и только после этого жрец святилища приводил его к хэльдугу Окно. Или к какому-нибудь другому хэльдугу. Данира говорила, что общий доход от маленьких святилищ в Зар Але и раканах настолько велик, что позволяет содержать на эти деньги чуть ли не все внутренние храмы Туманной горы, всех до последнего Следящих, их семьи, и даже часть школы илларов во втором слое тарса. Тэйна это удивляло. В Наземном мире святилища существовали за счет сотрудничества с цеховыми объединениями карн, на добровольные пожертвования горожан и все тех же цехов. Брать плату с горожан за повседневные ритуалы считалось позором; платить полагалось только за сложные, нестандартные воздействия с двумя и более хэльдами.

Сложность заключалась в том, что все святилища хорошо охранялись, но не городской стражей, а обыкновенными магическими ловушками. Тэйн уже успел разузнать, что ловушки по большей части сигнальные, предупреждают жрецов, что в святилище кто-то есть, и ограждают, не причиняя вреда, доступ к хэльдам. Он был уверен, что справится и с теми, и с другими. Сложнее было сделать так, чтобы его не застали во время работы. Сначала он хотел пойти в святилище в период сута, когда все спят, но Данира отсоветовала шататься по Туманной горе в темное время, утверждая, что с наступлением сумерек там включаются сторожевые хэльды, препятствующие свободному передвижению. Лучше сделать это в конце второго периода триады, ата, когда большинство жрецов обязаны присутствовать на вечерней службе во внутренних храмах. В это время город пустел, жители его готовились ко сну, караулы стражи удваивались, но Тэйну нечего было опасаться городских блюстителей порядка. Наоборот... Что может быть естественнее, чем высокородный зард, собравшийся провести вечер в одном из роскошных домов удовольствий, расположенных в первом круге Зар Израна?

Кельхандар, наверно, давно уже вернулся домой, подумал Тэйн с завистью, сидит себе в плавающем кресле, болтает с Лейт, жует здешний фирменный суп из непонятно чего, вполне, кстати, съедобный. Нужный час еще не наступил, и Тэйн неторопливо кружил по улицам, приглядываясь к медленно редющей толпе народа. Зардов было немного, его приветствовали, он не отвечал. Данира объяснила, что благородным зардам позволено игнорировать приветствия граждан более низкого статуса и даже некоторых стражников — тех, кому не положено иметь при себе холодное оружие. Закон об оружии в Зар Але разрешал только высшим чинам стражи носить сабли, а высокородным зардам позволялось вручать клинки своим телохранителям. Та часть стражи, которой по рангу не позволялось иметь холодного оружия, носила за поясом кнут или дубинку. В их руках они становились опаснее мечей, поскольку применять их можно было, не опасаясь последствий. Тэйн видел, как орудовали дубинками низшие чины черных пейеров. На рынке, когда кто-нибудь из них брался за ее рукоять, толпа немедленно рассеивалась, исчезали даже вездесущие в таких местах крысы.

Нужное святилище располагалось на северном склоне. Он торопливо поднялся по утоптанной тропинке между огромными рыхлыми валунами сиуры, напоминавшими большие кучевые облака, осевшие на землю, святилище выступало из хаотичного нагромождения сиуры гладким неправильным пузырем. Струющийся полог-мембрана был

заметен издалека, и даже с расстояния Тэйн заметил тускло мерцающую вязь урда на пороге. Простые знаки, предупреждающие хозяина о госте. Не приближаясь, Тэйн протянул к ним руки, мысленно превращенные в щупальца, и осторожно изменил ключевые знаки заклęcia. Конструкция распалась, он перешагнул через порог и оказался внутри.

И сразу же замер. Святилище оказалось больше, чем выглядело со стороны, неожиданно просторный зал был богато украшен уже знакомым кружевным орнаментом, вдоль стен рядом тянулись скульптурные изображения причудливых животных. Птицы с человеческими глазами и ярким оперением, звери, неуловимо похожие на современных и в то же время измененные до неузнаваемости... Если святилище создали еще при старом Мастере-творце, подумал Тэйн, значит, все эти существа вполне могли населять Теллар когда-то. Эх, жаль нет времени рассмотреть их всех повнимательнее.

Увлеченный историей телларианской фауны, он едва не забыл, зачем пришел. Хорошо, хватило ума не двигаться с места, поскольку он почти сразу же обнаружил паутину ловушки, расставленной вокруг скульптур. Исследовав ее узлы, он разобрался, что она предназначалась, чтобы запутать посетителя около скульптурной композиции, не давая ни вернуться к двери, ни переместиться дальше. Посетители и не подозревали, что, блуждая среди каменных птиц и зверей, заморожено таращась на странные, порою хищные, порой умильные морды, они всего лишь подчиняются нескольким хорошо сработанным заклинаниям. Конструкция ловушки, судя по некоторым специфическим узлам, была не моложе самого святилища — некоторые элементы урда давно уже вышли из употребления.

Он возился с ними бесконечно долго, устал и растерял весь свой энтузиазм, когда древние чары наконец поддались его упорству. Паутина рассыпалась, позволив ему сделать несколько шагов вперед. Тэйн с удовольствием обошел несколько скульптурных композиций, с любопытством трогая гладкий камень изваяний. Сделаны они были не из сура, а из различных природных минералов Наземного мира. Некоторые были сродни тем, что он видел в подземных тонхайрских городах. Видимо, секреты теллов еще очень долго хранились в поколениях островитян, прежде чем исчезнуть окончательно. «А может быть, они и не исчезли, — усмехнулся он сам себе. — Может быть, у жрецов есть записи. Хотя наличие записи еще ни о чем не говорит. Мертвое знание — не более чем бессмысленный груз, если нет мастера, способного вдохнуть в него жизнь».

Он уже добрался до овального проема в стене, затянутого привычной серо-сиреневой мембраной, когда ощутил за спиной подозрительное движение. Застыв на месте, Тэйн приготовился отразить нападение или вовсе исчезнуть из поля зрения неожиданного посетителя, но, обернувшись, не обнаружил ни единой живой души. Он постоял, не двигаясь, несколько мгновений, затем снова сделал шаг вперед, и ощутил нечто — то ли колебание воздуха, то ли движение энергий. Стремительно развернувшись, он заметил, что положение двух дальних скульптур изменилось. Он решительно шагнул им навстречу, и обе тотчас ожили, среагировав на его шаги. Птица с разноцветным оперением и тяжелым клювом расправила крылья, намереваясь взлететь, а чудовище размером с лаоша, но с длинной бурой шерстью и неуклюже короткими лапами, собралось в комок, изготавившись к прыжку.

«Они не могут быть настоящими, — подумал Ройг, рефлекторно пятясь назад и краем глаза замечая, как оживает еще одно, с крыльями и когтистыми лапами. — Это хэльд. А раз хэльд, значит, и управа на них та же, — увернувшись от атаки разноцветной птицы, он поспешно пригнулся и ползком попятился к выходу. — И уничтожить-то их нельзя, — усмехнулся он про себя, ползком переключившись на порог и успев пребольно получить клювом

по спине. — Иначе жрецы мигом догадаются, что здесь побывали не в меру сообразительные гости, а с помощью все тех же хэльдов узнать, кто именно, будет не очень трудно...»

Не успел он увернуться, как существо с лапами и крыльями, при всей своей кажущейся неуклюжести, весьма метко отвесило ему затрещину. Лохматого лаоша он отшвырнул пинком, ускользнул от второй затрещины, перехватил крылатого зверя за лапы и грохнул об стену святилища. Полежав немного, оно неторопливо поднялось и похромало к своему обидчику, недружелюбно скалясь. Птица набрала высоту, изготовившись для очередного удара, и Тэйн шепотом ругнулся и выскочил наружу.

Усевшись на пороге, он заставил себя вспомнить все, что когда-либо знал о подобных видах иллюзий. Получалось немного, но лучше пробовать, чем сидеть в нерешительности. Он составил первую цепочку урд-знаков и вернулся — звери были на своих местах. Он пошел к следующей двери — зверюга с крыльями метнулась ему наперерез. Он воспроизвел конструкцию, но зверь только волчком закружился на месте, зато оживились остальные, и Тэйну снова пришлось поспешно выметаться из святилища.

Только с четвертого раза ему удалось запереть статуи на месте. Урд-конструкция получилась сложной и забрала огромное количество Огня Жизни, но, завершив воздействие, Ройг преисполнился гордости за свое искусство, забыв о том, что чертов лаош все же умудрился укусить его за ногу. Хотелось надеяться, что здешнему жрецу не стукнет в голову бредовая идея навестить свое святилище этой ночью.

В зале хэльдов стоял несколько непривычный для Острова полумрак. Чем были покрыты стены, выращенные все из того же сура, Ройг не знал, однако эффект оказался потрясающим: в сумраке зала светились только хэльды. Тэйн поспешно подошел к хэльду Окно, нарисовал простейший из знаков Небесного огня и убедился, что хэльд отозвался, как надо. Данира предупреждала, что симптомы катастрофы появились на Острове раньше, чем на Телларе, и с каждым днем ее приближение чувствуется все сильнее. Пока что жрецы поддерживали систему в рабочем состоянии с помощью жертвенных ритуалов. Когда Ройг нервно поинтересовался, чью именно кровь они используют, Данира заверила его, что для сложных заклинаний шиаллаха в тарсе специально выращивают животных, правда, дядя ее, глава клана Следящих, как-то обмолвился, что скоро крови животных станет недостаточно. В первую очередь это повлияет на Двери, связывающие разные части Острова. Перемещаться между отдаленными раканами станет возможно только по стеблям корса да с помощью пленочных дорожек.

В дальнем углу помещения Тэйн отыскал Круг Власти, маленький и невзрачный, и, к счастью, почти нетронутый умиранием. Ему нужны были всего два хэльда — Окно и Истина. Неуверенно оглянувшись по сторонам, он мысленно потянулся к Данире.

«Я здесь, — эхом донесся ее голос. — Давай».

Тэйн мысленно представил талисман Лейт, увидел его в хэльде Окно, связал урд-конструкцией стоящий рядом хэльд Истина и сформулировал вопрос. В голубом овале Окна возникло изображение огромного храма. Купол его терялся где-то в вышине, фигуры богов, грозные и сумрачные, лишь угадывались в нишах. В центре гигантского зала он увидел нескольких алареев, одетых в длинные серые одежды. Они показались ему одинаковыми, но возглас Даниры дал ему понять, что она кого-то узнала. Вглядевшись, он и сам разглядел в одном из них Кимра. Стоявший рядом с ними Вельг казался жалким коротышкой. Тэйн наблюдал, как Вельг отдает синий камешек на цепочке одному из жрецов.

«Менарт, старший жрец храма Илбара и глава Конклава», — шепнула Данира.

Тэйн сместил изображение. Старший жрец Илбара Менарт шел по извилистым коридорам куда-то вглубь строения, минуя залы, большие и маленькие, поднимаясь и спускаясь по лестницам.

«Зар Изран», — услышал он голос Даниры. Чем-то он напомнил Ройгу Тонхайр — те же круглые залы, украшенные скульптурами животных, гладкие стены с вязью урда и незаметными объемными знаками шиаллаха, коридоры и лесенки, сумрачность, торжественность и тишина. Жрец остановился перед мембраной, сделал неуловимый знак кистями и шагнул в нее.

Это оказались личные покои: кабинет, уставленный типично телларианской мебелью, спальня, такая же, как в их собственной башне, с возвышением-ложем на полу. Библиотека, полная книг и свитков. Персональный хэльд Окно. Ванная комната, огромная и роскошная, с маленьким бассейном и множеством ароматических и косметических средств.

«Ух ты, — восхитилась Данира, — как у него здорово. Завидую...»

Менарт положил камень на полку рядом с книгами. Там же обнаружился еще один, двойник первого, только урд-знак в синем камне отличался от своего соседа. Оставив камень, жрец направился в ванную, а Тэйн остановил движение на камешках.

"Я так и думал, что камни — у кого-то одного, — прокомментировал он. — Теперь ясно, где их искать"

«Осталось всего-то — забраться к Менарту в спальню, — хмыкнула Данира. — Незаметно»

«Был бы я смышенной девчонкой, рискнул бы, — улыбнулся Тэйн»

«Он мальчиков любит, — ответила Данира насмешливо. — Темненьких. Так что можешь попробовать. У тебя получится...»

Ройга перекосило от отвращения.

«Слушай, а можно задавать хэльдам вопрос о будущем? Ну, так, например, чтобы та же Истина подсказала ответ?», — спросил он ее.

«Можно, — ответила она. — И даже получишь ответ. Только вот расшифровать его... Хэльд отразит нечто важное для спрашивающего. Если ты сможешь понять, о каком именно событии идет речь, то это и станет ответом на твой вопрос. Только вот... Очень трудно понять, что именно отражает в этом случае хэльд — важное событие в прошлом, важный этап будущего или событие в настоящем, которое повлияет на исход дела. Кроме того, многое зависит от точности формулировок — спросишь одно, подумаешь о другом — и в результате не поймешь, на что именно ты получил ответ».

«Я все равно попробую», — упрямо заявил Тэйн.

Он тщательно обдумал вопрос, на который хотел получить ответ, выстроил цепочку-урд знаков и пристально взгляделся в хэльд. Поверхность медленно ожила, показав сначала Туманную гору, потом — гроздь раканов, и, наконец, небольшое светлое помещение с множеством ячеек-Окон на стене. Около стены стоял невысокий плотный аларей, на вид — не старше Ройга, лысоватый, с серыми глазами навывкате, и другой — высокий и худощавый, в жреческом платье, сухой и морщинистый, с пронизательным и властным взглядом.

«Это Следящий Вельга, — раздался голос Даниры. — И один из старейшин нашего клана, из тех, кто распределяет ведомых»

Следящий Вельга протянул старейшине арангисов. Потом они оба повернулись к стене с ячейками. В центральной из них отражался Вельг, который спал в какой-то просторной

неприбранной комнате. Старейшина приложил одного из паучков спинкой с узором к углублению под хэльдом, другой рукой начертил в воздухе что-то быстрое и сложное. Вспыхнула и потухла урд-конструкция, Вельг исчез из хэльда, но сам хэльд не выключился — его поверхность осталась живой, словно ожидая следующей команды. Старик вынул паучка и сунул в карман вслед за первым. Потом что-то сказал молодому, отчего тот расплылся в улыбке и удовлетворенно закивал головой.

«Они собираются его убить», — услышал он испуганный голос Даниры

«Почему ты так думаешь?»

«Следящий Вельга сдал арангисов старейшине, а тот снял настройку наблюдающего хэльда. Потом забрал арангисов и освободил Следящего от ведомого. Через какое-то время комплект арангисов будет уничтожен, а связь клейма с комплектом арангисов разорвется навсегда. Это делают с помощью специального хэльда... Принцип действия у него тот же, что и у клинков Ордена Феоллона, только вот высвобождающаяся при разрыве связи энергия бьет не в обе стороны, а в одну — по ведомому с клеймом. Так поступают, когда надо гарантированно убить ведомого».

«А не проще приказать ему умереть?» — удивился Тэйн

«Нет. Для этого нужна психическая сила, которой большинство из нас не обладает. Арангисов вообще уничтожают редко. Технология клейм и арангисов — очень старая, комплекты паучков используют столетиями, а новые делают очень редко. Должна сказать, что недостатка в арангисах пока нет, — усмехнулась она. — Илларов становится все меньше. В общем, жить Вельгу осталось несколько дней»

«Лучше я его сам убью, — мрачно заявил Тэйн. — Если Следящий сдал арангисов, значит, за Вельгом никто не наблюдает?»

«Да, — ответила Данира. — Он свободен. Он сделал свое дело и больше никому не нужен. Что ты задумал?»

«Скажи мне лучше, если я суну ему свой меч, почувствует ли это его Следящий?»

«Не знаю. Вроде бы не должен... Кстати, клинок не разрывает связь арангисов и клейма, а лишь ослабляет ее и делает его хозяина невидимым для тех хэльдов, где есть визуализация. Меч не спасет Вельга от смерти»

«А что спасет?»

«Что-то более радикальное. Например, если отрубить руку с клеймом... Были такие случаи в прошлом...»

«Я-то конечно не против, — хмыкнул Тэйн. — За все, что этот мерзавец натворил. Только возиться потом с одноруким Вельгом — то еще наказание. Есть способы попроще?»

«Может быть, уничтожить часть клейма? Если рубленая рана, например, поперек рисунка, то связь с ведомым становится или очень слабой, или вовсе теряется. Если повредить, а лучше — уничтожить главные элементы рисунка...»

«Можно попробовать, — согласился Тэйн. — Это лучше, чем отрубание руки. Хотя я бы еще язык ему...или кое-что другое. За Лейт. Кстати, ты уверена, что Следящий ничего не почувствует в этом случае?»

«Уверена. У Вельга больше нет Следящего. Единственный риск — если после сжигания арангисов старейшина проконтролирует, умер ведомый или нет. Но это вряд ли. На всякий случай повесим ему на шею амулет Ордена Феоллона, тот, что у Кельхандара».

«Сколько у нас времени?»

— Думаю, пара дней, не больше, — вздохнула Данира. — Действовать надо быстро.

— Хорошо. Я поищу через Окно, где живет и куда ходит Вельг, — сказал Тэйн.

Все еще ощущая ее далекое присутствие, Тэйн вызвал в Окне образ Вельга и снова связал его с хэльдом Истина.

«Это гостиница в Зар Але, недалеко от центральных ворот в Зар Изран, — прокомментировала Данира. Тэйн внимательно следил за чередой сменяющихся картинок, состоявших из видов богатого убранства дворца, пьющего и развлекающегося с девочками Вельга, или его же, спящего то на полу, то на кровати в маленькой комнате гостевой башни. Вид у него был безобразный — круглое загорелое лицо посерело и осунулось, под глазами появились темные круги, волосы и одежда были грязными и неухоженными. — Думаю, если мы подстережем его в Зар Изране во время одной из его пьянок, никто ничего не заподозрит, — сказала Данира. — Главное — поторопиться».

Тэйн вышел наружу, в серо-синий сумрак сута. Переплетения ловушек слабо светились в темноте, ничем не замаскированные, предупреждая любопытных или неосторожных жителей, куда не следует соваться. Трогать все эти ловушки было бессмысленно и опасно: наверняка они стояли здесь с древнейших времен, знаний Ройга могло не хватить для того, чтобы быстро и правильно разобраться в их особенностях. Тэйн зевнул, вдыхая прохладный воздух и жалея, что здесь, на Острове, почти нет естественных запахов, кроме солоноватого запаха сиуры. Постояв в полумраке, он сообразил, что нужно вернуться в святилище и уничтожить следы своих заклинаний, сделав так, чтобы поутру здешние жрецы ничего не заметили.

Это отняло еще больше времени и сил, чем на поиски ключей к ловушкам. Закончив, Тэйн снова выбрался наружу и улегся прямо на тропинке перед святилищем. Заходить обратно, после того, как он восстановил и паутину, и предупреждающее заклятие на пороге, было глупо. Судя по оттенкам сиуры, начинавшей медленно светлеть, спать ему оставалось совсем немного. До первого проблеска света. Затем следовало убираться с тропинки как можно скорее.

6. Клеймо

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Изран)

Дворцов развлечений в Зар Але было всего два. Их называли Ала Ари — «город радости». Тэйн выследил Вельга в тот же день, проведя конец ата и весь сут в одном из них, желая посмотреть, на что это похоже. Оказалось, Ала Ари действительно смахивает на крошечный город, состоящий из множества связанных между собой причудливых башенок. К некоторым из них крепились уже хорошо знакомые пузыри-раканы. Казалось, что дворец полупустой, лишь изредка им с Кельхандаром попадались хорошенькие полуобнаженные девушки. Они обследовали несколько ближайших башенок, с надменно-скучающим видом завсегдатаев болтаясь из зала в зал. Для островитян с их привычкой к холодным цветам, бледным оттенкам и минимализму в интерьере, Ала Ари был воплощением роскоши: буйство красок, искусная мебель, дорогая посуда и разноцветные ткани, привезенные из Наземного мира, очаровательные смуглокожие обительницы, от красоты которых перехватывало дух даже у Ройга, изысканные угощения и напитки. Сначала — непринужденная беседа, потом — дегустация блюд, затем — созерцание танца... Тэйн убедился, что столь популярный в Эргалоне танец Пламени исполняется в Ала Ари ничем не хуже, чем дома. Они с Кельхандаром застряли в одном из роскошных залов дворца, попавшись в сеть очарования, сплетенную из музыки, пряных запахов и женской красоты. Чувствуя, что его затягивает, Тэйн вырвался из сладкой паутины сам и вытащил хильда. Вельга, оставшегося где-то по соседству, пришлось бросить.

На пути Харриаберт возмущался, что ему не дали досмотреть танец, допить вино, и вообще... почему Вельгу можно, а ему — нет?

— У тебя жена беременная, — злорадно хмыкнул Тэйн. — Дома ждет, переживает.

Данира следила за Вельгом через обычный хэльд Окно в домашнем святилище своего клана. Она считала, что медлить нельзя. В любой момент его арангисы могли отправиться в пламя.

На следующий день они снова выследили Вельга, проводив в другой Ала Ари, в противоположной части Зар Израна. Вельг быстро исчез в одном из бесчисленных роскошных залов и маленьких сумрачных комнат, а Тэйн, переодетый зардом, и Кельхандар в одежде простого аларея-горожанина тоже позволили увлечь себя вглубь башен. Пока две холодные, как снег, островные красавицы показывали им здешние достопримечательности, поперебой рассказывая, какие удовольствия ждут высокородного зарда, как только наступит сут, они быстро успели заметить, какие залы уже заняты — толстые тканевые портьеры отделяли их от прочих. Ни струящихся пленок, ни дверей здесь не было.

Задержавшись в круглом зале с жиденским фонтанчиком, Тэйн отправил Кельхандара на поиски Вельга, а сам принялся глазеть на хорошеньких юных танцовщиц, откровенно забавляясь возникающими в сознании ревнивыми репликами Даниры. Бросив им маленький кожаный мешочек с монетами, он дождался угощения и вина; Кельхандар вернулся и шепотом сказал, что нашел Вельга. Две смуглокожие темноволосые красавицы подсели к низко плавающей прозрачной глыбе, на которой были сервированы закуски. Тщетно они пытались втянуть высокородного зарда в разговор — отвечал в основном хильд, и то — неохотно. В конце концов они, разочарованные необщительностью клиентов, оставили их в покое. Перекусив и опустошив кувшин с вином, они покинули зал и нахально ввалились

туда, где Вельг, развалившись на подушках, наблюдал за танцем двух таких же смуглокожих красавиц. Кельхандар уселся рядом с Вельгом, не обращая внимания на его вялые протесты. Он опять был изрядно пьян. Тэйн, наложив на себя заклятие невнимания, вошел следом и сел в стороне, наблюдая за происходящим. Мутные глаза Вельга расширились, видимо, лицо хильда кого-то ему напомнило, но, отведя взгляд, он снова приложился к кувшину.

Когда танец окончился и девушки присели рядом с ними на подушки, Харриаберт умело завязал беседу, переключив на себя их внимание. Тэйн не прислушивался к его приглушенной болтовне, наблюдая за Вельгом, который откинулся на подушки, глядя на троицу разочарованными осоловевшими глазами. Обняв за талию сначала одну, а затем — другую девушку, Кельхандар увел их из зала, оставив невидимого Тэйна наедине с Вельгом.

— Пузырь Утопленника, — хмыкнул он, не скрывая отвращения. — До чего ты докатился...

— Кто здесь? — взвизгнул Вельг, принимая сидячее положение.

— Я, — сказал Тэйн, не снимая невидимости. — Твоя совесть.

— Кто бы ты ни был — иди к дьяволам, — огрызнулся тот, нервно оглядываясь по сторонам.

— Не пойду, — Ройг говорил через вуаль, усилив голос с помощью простенького заклинания, отчего тот стал глухим и эхом разносился по залу. — Твой приговор уже подписан. В любую минуту ты можешь сдохнуть. Знаешь почему?

— Я позову охрану, — Вельг попытался встать, споткнулся и упал на ворох подушек. Перекатившись на живот, он поднялся на четвереньки, продолжая испуганно озираться по сторонам.

— Зови. Кто поверит спившемуся и обкурившемуся смугляку? Тебя выкинут вон из Ала Ари. Там-то ты и кончишься.

— Иди к дьяволам!!! — заорал Вельг, наконец-то поднимаясь на ноги и бросаясь к выходу. Ройг швырнул ему под ноги урд-знак, от которого тот снова споткнулся и упал, не добежав до арки.

— Тебя убьет клеймо, — продолжил Тэйн, наблюдая, как Вельг садится, больше не пытаясь бежать. — Уже сейчас твои арангисы лежат в кармане старшего наставника клана Следящих. Как только он выбросит их в жерло хэльда Пламя, они расплавятся вместе с твоими мозгами.

— Иди к дьяволам! — продолжал вопить Вельг.

— Знаешь почему? Предатели никому не нужны. Предал один раз — предашь и второй, и третий. Ты мусор, Вельг. Сделал свое грязное дело — и тебя сожгли, как мусор. Кому ты нужен?

— Менарт лично поблагодарил меня за помощь, — выкрикнул тот, вытирая обильно вспотевший лоб и начиная дрожать. — Кимр обещал мне спокойную и обеспеченную жизнь, почет...

— И ты поверил? Да ты хоть знаешь, зачем нужен тот камешек, который ты обманом выманил у беззащитной и наивной девочки?

— Знаю, — всхлипнул он.

— Ну?

— Нас ждет гибельный катаклизм, — сказал тот, вздохнув. — Камни защитят оба мира от разрушения.

— Что же они не защитили его в прошлый раз? И в позапрошлый? А может быть,

защитили, но не Теллар?

— Их потеряли... — Вельг осекся и замолчал. Видимо, несмотря на преданность Острову, сомнения и раньше пробивались в его задавленное Следящим сознание. — Кто ты такой? Что тебе нужно от меня?

Тэйн сбросил заклятие, позволив Вельгу себя увидеть. Вспомнив, что на нем балахон зарда, поспешно откинул вуаль и снял тюрбан.

— Ты... как ты здесь... — Вельг захлебнулся и умолк, глядя на Ройга со смесью ненависти и восхищения.

— Пошли отсюда побыстрее, — приказал ему Тэйн. — Если мы не сделаем что-нибудь с твоим клеймом в самое ближайшее время, ты умрешь.

— Я... я не пойду. Я... ты это выдумал. Я... не хочу... — всхлипнул он.

— Сдохнуть захотел? — рявкнул Тэйн. — Так тебя даже не похоронят. Тела умерших смугляков скармливают сиуровым болотам. Они от этого твердеют, и сур хорошо растет.

— Ты, Бар-упырь, — выкрикнул Вельг. — Ллах-козлице... Это ты — изменник. Иллар-убийца. Ты... это ты сделал так, что Холгойн прорвался в замок. Сколько людей погибло по твоей вине! Ты... да что тебе от меня надо? — он снова вскочил на ноги, снова остутился и рухнул на пол. Ты...Нет... — он замотал головой и принялся что есть силы тереть лицо, словно пытаясь проснуться. — Тебя здесь нет...тебя не может быть! Ты опять мне снишься, скотина... Убирайся вон, я ничего тебе не должен...

«Свихнулся», — подумал Тэйн, глядя на захлебывающегося хохотом вперемешку со всхлипами Вельга. Подойдя и почти не встречая сопротивления, он нажал на нужные точки, отчего Вельг в очередной раз кулем свалился на пол в глубоком сне. Лицо его было мокрым от пота и слез. С трудом взвалив на плечо грузное тело, Тэйн снова набросил на себя заклятие невнимания.

Пора было возвращаться домой.

— Какого дьявола ты сюда притащился? — Вельг баюкал больную руку как ребенка, время от времени кряхтя и постанывая. — Совсем свихнулся! Ты хоть понимаешь, что ты натворил?

— Я-то понимаю, да получше тебя! — огрызнулся Ройг. — Ты живой. А был бы мертвый. Забыл, что с тобой вчера было? Подох бы, как арг паршивый.

Позавчера ночью Ройг и Харриаберт, притащив Вельга домой, под руководством Даниры разрушили центральный элемент узора его клейма, содрав слой кожи с плеча. Очнувшийся и протрезвевший Вельг впал в бешенство, пытался уйти, проклиная Ройга всеми известными проклятиями, но почти сразу же его свалил удар. Его корчило в судорогах и трясло от невыносимой боли во всем теле, но, к счастью, быстро отпустило. Рана на руке, качественно обработанная снадобьями из храма Тармил и сахгаром, открылась, узор клейма выглядел как ожог. Данира, больше обрадованная, чем расстроенная таким исходом дела (все-таки Вельг остался жив, несмотря ни на что), снова убежала к Тармил за лекарствами.

— К дьяволам такую жизнь, — выкрикнул Вельг, все еще не желая никого слушать. — Все мы скоро подохнем, как арги паршивые. Я предпочел бы подохнуть здесь, в Ала Ари, а не в чокнутом Наземном мире! С голоду или от какой-нибудь дряни! И наплевать мне, что там насчет меня замыслили! Это все твои бредовые выдумки! — он с ненавистью уставился на Ройга.

— Успокойся, — сказал Кельхандар, наблюдавший за их перепалкой с любопытством

исследователя редкой фауны. — Ты жив, хотя я бы ни за что не стал тебя, подонка, спасать. Никому больше, кроме нас, ты не нужен. Кстати, тебе не кажется, что ты должен объясниться с девушкой, которую обманул и бросил?

Вельг перевел взгляд на Лейт, которая тоже тихо сидела в сторонке. В круглой комнате на верхнем этаже башни, служившей им гостиной, было светло и прохладно, яркий свет ата врывался в окна, заливая зал струящимися полосками лучей. Вельг так и не привел себя в порядок: обрюзгший, растрепанный и обросший щетиной, в мятом пейере и грязных шароварах, он выглядел отталкивающе. Сейчас Лейт не понимала, что именно привлекало ее в нем раньше. Чувства ушли, словно их и не было. Словно это было всего лишь наваждение...

— Зачем ты так? — спросила она с упреком, но без горечи. — Если бы ты мне все объяснил, я бы и так отдала тебе талисман. Но ты предпочел морочить мне голову... Влюбиться в себя провинциальную дурочку, — она усмехнулась. — Слава Тармил, ты вовремя сбежал — я не успела влюбиться окончательно.

Вельг замолчал, глянув на нее искоса и отведя глаза. Вопить и ерзать он перестал, сел на диване, пригладил волосы, запахнул перекошенный пейер. Потом поднял на нее взгляд, и на этот раз в нем не было ни следа истерики. Только решимость.

— Я все поставил на карту ради цели, которая казалась мне настоящей. Важной, жизненной. И не жалею, — заявил он. — Прости, Лейт, ты мне на самом деле очень нравилась, но сказать тебе правду я не мог. Ты бы мне не поверила.

— Я же поверила Кианейт, — ответила она. — Когда та рассказала мне о грядущем катаклизме. Может, я и наивная, но не слепая. А тебе я бы поверила сразу же.

— Так тебе Кианейт рассказала, — хмыкнул Вельг с удивлением в голосе. — Ну еще бы, это очень достоверный источник информации. Кстати, она тоже поставила на карту все, что у нее было, когда ввязалась в папашин заговор. Уж не знаю, какие у нее были цели... — он презрительно ухмыльнулся, но, увидев, как нехорошо насторожился хильд, он поспешил поправиться. — Наверно, те же, что и у меня — она верила, что вместе с Кимром может исправить создавшееся положение. Пожертвовать личным счастьем ради чего-то более важного.

Они молчали. Рассказывать ему о мотивах Кианейт никто не собирался. Вельг, видя, что от него ждут продолжения, снова обратился к Лейт.

— А как ты думаешь, малышка, эти двое, что притазились сюда, делают это ради развлечения? Или ради безумной идеи, что втемяшилась им в голову? — он повернулся к Ройгу, который молчал, наблюдая за ним с очень недобрым выражением лица. — Нет, у них тоже свое видение правильного пути... и они идут по нему, а заодно и других совращают. А ты уверена, что они правы?

Лейт медленно кивнула, потом оглянулась на Тэйна. Тот молчал.

— Пока Остров и Ройг отнимают друг у друга камни, время уходит. Я уверен, что теперь никто из них не успеет. Ни островитяне, которые честно хотели хоть как-то защитить Теллар, собрав камни, найдя Колодец и прочитав шайолу, — Вельг быстро глянул на Кельхандара, убедившись, что тот не удивляется и не переспрашивает, — ни этот ненормальный, — он кивнул в сторону Ройга, — который откуда-то взял, что их всех обманывают, и кинулся в одиночку воевать с целым островом. Ты можешь внятно объяснить, почему ты решил, что Агваллар желает нам гибели?

— Могу, — сказал Тэйн. — Но это долгая история.

— А я точно так же могу рассказать тебе, что они этого не желают! И нам с тобой надо

было просто выполнить их поручение. Каким бы амбициозными жестоком не казался Кимр, он хотел сделать как лучше. А ты решил, что умнее всех, и все испортил, — закончил Вельг со злостью.

— А как же Джерхейн? — спросил обескураженный его гневной отповедью Ройг. — Да не только он — все Холгойны? Чем они ему помешали?

— Ни один из Холгойнов, которыми давно уже исподтишка управлял Даллан, не позволил бы островитянам приблизиться к Колодцу. Он никогда не пустил бы Кимра в Эргалон, не поверил в надвигающуюся катастрофу из простого упрямства и неприязни к Агваллару. Их все равно пришлось бы убрать, всех, рано или поздно. Ты вспомни, вспомни! — Вельг почти кричал, — даже в самом начале вы с Далланом считали, что беда с хэльдами- это происки островитян! А если бы открылась правда — Холгойн бы начал против Острова войну!

— Тебе-то откуда знать? — насмешливо спросил Кельхандар.

— От Кимра. Он знал это от своей агентуры в Риан Ал Джаре.

— Это от Следящих, что ли? — усмехнулся хильд.

— Какие, к дьяволам, Следящие! — Вельг снова сорвался на крик. — Да вы помешались на этой бредовой идее!

— Тебя провели, как младенца, — так же горячо и зло ответил Тэйн. — Еще и купили к тому же. Ты лучше скажи мне, почему ты полдня назад чуть не подох?

— Откуда я знаю, — рявкнул Вельг. — Может, вы меня отравить пытались! Нет никаких Следящих, вы, два чокнутых...

— Меня, значит, нет? — прервал его тихий и насмешливый голос, и Данира, бросив на пол сумку с лекарствами, встала перед ним, уперев руки в бока. — Тэйн, как ты думаешь, — тут она повернулась к Ройгу, окинув его веселым взглядом, — я бред твоего больного воображения?

— Очень может быть, — улыбнулся тот.

— Я — Следящий, — сказала Данира, в упор глядя на Вельга. — Не твой, конечно, хвала Илбару. А ты — не труп только потому, что тебя пожалели эти люди. Кстати, если не веришь, могу кое-что рассказать тебе про тебя самого. Сказать, например, что ты сделал, когда увидел в стойбище кочевников в Сухом море рассажанные на кол человеческие головы?

— И что же я сделал? — обалдело переспросил Вельг.

Данира оскорбительно засмеялась.

— Упал с аррита. А потом стал умолять Джерхейна вернуться домой. Чуть в штаны не наложил. В красные такие, кожаные. Ганьчи называются. Как ты думаешь, откуда я все это знаю? Так вот, Андриан Вельг, жрецам ты больше не нужен. Радуйся, что они считают тебя мертвым. Раз у тебя нет Следящего, думаю, можно рассказать тебе то, что знаем мы. С одним условием.

— Каким?

— Если ты, ублюдок, побежишь докладывать Кимру, я достану тебя даже в чертогах Феоллона! — Данира перешла на шепот, но так, что Вельг подпрыгнул на месте. — Нам нужно вернуть талисман Лейт и забрать последний из камней. Но если ты, трус черномазый, откажешься нам помогать, или, того хуже, станешь нам мешать, я...

— Подожди, Дани, — перебила ее Лейт с торжественной и кровожадной улыбкой. — Сначала я. Кстати, без вот этого, — Лейт бесцеремонно сдернула с его пейера сложную

узорчатую брошь — знак особого расположения высшего жречества Острова, — он всего лишь раб, да к тому же беглый. Достаточно выгнать его на улицу — и ему конец.

Данира удовлетворенно кивнула головой.

— Тебя арестуют, высекут, а затем продадут в Ала Ари, где ты будешь исполнять обязанности наложника, — продолжила она, подхватив кровожадные интонации Лейт. — Кстати, не обязательно у женщин. Среди островитян есть очень много любителей красивого мужского тела с телларианским цветом кожи. Это, знаешь ли, так необычно... Открою тебе секрет, — она неприлично хихикнула, — среди жрецов немало мужеложцев. И среди Следящих тоже.

— Ну, девочки, вы разошлись... — смутился Кельхандар.

— Так ты хочешь сказать, что Следящие... существуют? — еле выдавил из себя потрясенный Вельг.

— Можешь поставить меня перед хэльдом Истина, — торжественно заявила Данира.

— И что теперь? — спросил Ройг Даниру через несколько дней, когда буря, поднятая ее рассказом и яростными возражениями Вельга, наконец утихла. Поверил ли он их доводам, или просто смирился с произошедшим, Тэйн так и не понял. Даже не поверив до конца, Вельг сменил маску и не слишком охотно, но подробно объяснил, как и когда можно попасть в Зар Изран кратчайшим путем, и где среди остальных строений находится святилище Илбара, где обитают высшие жрецы, управляющие Островом — Кимр и Менарт.

«Оно огромное, — с восхищением рассказывал он. — Там множество залов с хэльдами, в которых запросто заблудиться, библиотека, хранилища ка-эль, залы общих собраний. Кимр говорил мне, что у них есть внутренняя охрана от посторонних, но в этой брошке содержится заклятие, которое позволяет беспрепятственно ходить мимо элементов системы охраны. Я был в некоторых местах, но не могу сказать, что хорошо их знаю. Там, наверно, много всего остального, одному человеку вовек не разобраться...»

— Теперь вы с Кельхандаром изучите окрестности Зар Израна, проникнете в святилище Илбара под видом послушников, затем найдете личные покои Менарта и стащите камни, — ответила Данира. — Значок, что отдал Вельг, вам поможет. А я, кстати, берусь раздобыть еще один. Есть у меня одна идея... — ухмылка у нее стала неожиданно кровожадной. — И кстати, надо бы как-то с помощью хэльда установить точное местонахождение покоев, — закончила она.

Все эти дни Данира ночевала в башне, рискнув оставить свое маленькое жилище в ракане Следящих. Тогда, в первый день, в сумерках, окутавших башню сиреневыми тенями, Тэйн увидел ее призрачный силуэт на пороге своей комнаты и сначала забеспокоился, решив, что с Вельгом что-то случилось, но она только приложила палец к губам и решительно скользнула к нему под одеяло. Прижимая ее к себе, он задохнулся от нежности и счастья...

Утром она поспешно убежала домой, чтобы проверить, не ищут ли ее, изобразить ответственное отношение к делу, а к концу ата снова возвращалась в башню, довольная и немного смущенная. Поужинав все вместе, они обсуждали дела и планы, потом Кельхандар и Лейт делали вид, что озабочены хозяйственными хлопотами, или хотят прогуляться, или побеседовать с Вельгом, который не торопился покидать свою комнату и предпочитал проводить время отдельно от остальных, а Ройг и Данира оставались вдвоем. Им было о чем поговорить. Им было, чем заняться наедине...

— Кстати, ты еще не пробовал погулять с этим значком по городу?

— Пробовал, — улыбнулся он, глядя, как она, уютно устроившись в плавающем кресле, лениво листает какой-то толстый фолиант. Знак особого расположения жрецов, серебристая замысловатая брошь, крепящаяся на поясе пейера, перешла к Тэйну — сегодня, отправившись в город, он решил надеть ее и посмотреть на реакцию стражи. Реакция была что надо. Высшие и низшие чины черных пейеров не только кланялись, завидев его в толпе, они принимались очищать дорогу от простолюдинов, образовав перед высокородным зардом живой коридор из кланяющихся горожан и стражников. Лейт, сопровождавшая его, пока Кельхандар сторожил Вельга, с трудом сдерживала улыбку, глядя на их подобострастие. — Мне понравилось. Кстати, я и сейчас собираюсь прогуляться.

— Куда? — забеспокоилась она.

— Вельг просил меня принести ему одежду из дома, — объяснил Тэйн. — Взясся, наконец, за ум. Вымылся... Я, пожалуй, схожу, пока еще не очень поздно.

— Может, мне с тобой? — спросила Данира неуверенно. Тэйн видел, что ей не очень хочется выбираться из уютного кресла, но и его не хочется отпускать. Тем не менее, к вразумлению Вельга было приложено столько совместных усилий, что грех было отказывать ему в такой малости.

— Да я быстро, — улыбнулся он. — Одна нога здесь, другая — там.

Кельхандар, деятельная натура которого требовала развития событий, и которому время от времени надоедало сидеть в башне, тоже изъявил желание прогуляться, но Тэйн опасался оставлять Вельга без присмотра. Кроме того, Лейт не хотела оставаться с бывшим возлюбленным один на один... Хотя бы из-за того, что пришлось бы есть вместе и поддерживать беседу, которую так легко перевести с нейтральных тем на отношения. Вельг уже пытался заговаривать с ней о возвращении домой, легкими, словно случайно оброненными фразами напоминая ей, как хорошо им было вдвоем в то короткое время, пока он ухаживал за ней в Риан Ал Джаре. Она сильно запуталась в своих чувствах и, в конце концов, поведав все это Данире, последовала ее совету отстраниться и отложить обсуждение отношений на потом. На как можно более позднее «потом».

Кельхандар, услышав намек, вежливо, но неохотно согласился остаться дома.

7. Провал

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Возвращаться пришлось совсем поздно. Тэйн долго провозился с вещами, пытаюсь отыскать хоть что-то чистое в омерзительном беспорядке, устроенном Вельгом в своем жилье. Пепельные сумерки сута уже превратили город в мрачный лабиринт из безликих башен. Ройг плутал между ними, кляня однообразие местной архитектуры и отсутствие хоть какого-нибудь освещения. В потемках он пропустил нужный поворот и теперь оказался на противоположной окраине города, в грязном квартале, ничуть не похожем на центральные улицы-площади с башнями. Здесь были только корявые домики, жмущиеся друг к другу, горы отбросов и полчища крыс. "Ничего себе город жрецов", — подумал он с отвращением. Чем дальше от Зар Израна, тем больше мерзости. Ничем Зар Ала от телларианских столиц не отличается...

Тэйн свернул обратно, собираясь вернуться к дому Вельга, и оттуда попробовать найти верный путь. Здешних мест он совсем не знал. Можно, впрочем, было бы спросить дорогу у ночной стражи, те наверняка проводили бы его до нужного дома, да еще спокойной ночи пожелали на прощание, но это лишний и необоснованный риск. К тому же, говорить поздешнему, растягивая гласные и проглатывая шипящие, он так и не научился, поэтому старался отмалчиваться. Даже у Кельхандара получалось лучше.

Он плелся по тесным грязным переулочкам, ругая себя за невнимательность и привычно проклиная островитян. Зажечь знак небесного огня Тэйн опасался: одно дело зард, заплутавший на окраине, другое дело — некто, владеющий кэн-ли в одежде зарда. Улицы были непривычно пусты: местные жители не любили выходить наружу в темное время, то ли из-за неистребимых суеверий, то ли из общей островной нелюбви ко всему темному. Для Ройга это была не темнота — так, ранние эргалонские сумерки как раз перед восходом ночного солнца. Поскольку свет исходил от сиуры, то с ее потемнением темнело все — и стены домов, и земля под ногами. Отсутствие окон в жилищах превращало улицы в сплошные стены, сливающиеся с общим фоном, и только сточные канавы, где порою журчали тоненькие ручейки, да изредка попадавшиеся по сторонам неаппетитные кучи отбросов нарушали атмосферу безликой, унылой чуждости этих скверных мест.

В одном из переулков Ройг заметил человеческие фигуры и решительно свернул к ним. К счастью, это оказались не ночные грабители — Данира упоминала о ловких воришках, забиравшихся в дома даже в присутствии хозяев, — а ночная стража. Четыре человека в черных пейерах, один — в чару высшего чина, совершали традиционный обход, двигаясь по соседней улице. Тэйн, не будучи уверен в направлении, решил на всякий случай следовать за ними.

Какое-то время они не обращали на него внимания, но вскоре заметили и остановились, дожидаясь. Тэйну ничего не оставалось, как подойти к ним. Разглядев его одеяние, они поспешно поклонились, а тот, что в чару, выговорил длинное приветствие, на которое Тэйн по привычке ответил легким кивком. Потом, отважившись, и старательно подражая местному выговору, он небрежно признался, что заплутал в незнакомой части города, отправившись в гости без сопровождающих. Те поспешно закивали, согласившись проводить до центра.

Они шли по темному городу в полном молчании, младшие — впереди, старший —

почтительно отстав на один шаг. Когда вдалеке появились хорошо знакомые очертания ближайших к дому Даниры башен, Тэйн испытал облегчение. Надменно кивнув страже, он собрался свернуть в сторону, чтобы дать им уйти подальше, прежде чем возвращаться домой, но тот, что в чару, неожиданно положил ему руку на плечо, заставив остановиться, и окликнул остальных. Тэйн собрался было изобразить положенное зарду негодование, но стражник опередил его. Перехватив запястье той руки, что держала узел с одеждой Вельга, он вытянул ее перед собой, так, чтобы остальные хорошо разглядели смуглую кожу кисти и запястья — именно то, что заставило стражника усомниться в подлинности зарда.

Тэйн лихорадочно соображал, что же теперь делать. Он и раньше опасался, что руки выдадут его. В своих прогулках по городу он старательно прятал их в складках длинных и просторных рукавов пейера.

— А ну-ка тихо, — рявкнул капитан стражи, когда Ройг попытался вывернуть руку, подавшись назад в расчете, что держат его не слишком крепко. Капитан пресек его попытку, быстро и ловко заломив ему локти за спину.

— Этот пойдет с нами, — кивнул он остальным. — Надо бы разобраться, что это за черномазая крыса в одежде высокородного. Если не вор, — он кивнул на сверток, — то беглый раб. Если не раб, так все равно беглый, из раканов или вовсе — с тарса. А ну, пошли, — он подтолкнул Ройга, позволив ему выпрямиться, и тут же положил саблю ему на плечо, как раз рядом с шеей. В то же мгновение другой стражник защелкнул на его руке широкий и тесный браслет. — Рыпнешься — убью.

— Если это и беглый раб, то чрезвычайно опасный, — хмыкнул дознаватель, бледный и длинный, как и все островитяне, но слишком уж щуплый на вид. — Браслетов, как видишь, на нем нет.

Тот капитан стражи, что привел Тэйна в участок городской охраны, в задумчивости запустил руку в серые космы.

— Может, просто вор?

— Без браслетов, в городе? Пробрался сюда из тарса, чтобы промышлять воровством? Бывало и такое... — вздохнул дознаватель, и снова повернулся к Тэйну. Тот, не зная, какая версия покажется им наиболее достоверной, продолжал молча разглядывать обоих.

Его ни о чем не спрашивали. Приведя сюда, первым делом раздели, убеждаясь, что телосложением он ни в чем не похож на островитянина. Затем пристегнули к браслету цепь и прикрепили к поручню у стены. Ройг все ждал, что они скажут по поводу илларского клейма, но ни дознаватель, ни капитан стражи не обратили на него внимания, как будто оно и вовсе ничего для них не значило.

— Посмотрим в хэльд? — предложил капитан. — Чего голову-то ломать?

Дознаватель кивнул. Капитан отстегнул цепь и велел Ройгу подниматься.

— А ну пошли. Шаг в сторону — прибью.

Еще в дороге Ройг мысленно подготовил все необходимые ему заклятия, и теперь ждал лишь удобного случая, чтобы освободить кисти рук. Знать бы еще, где выход, и куда они дели его одежду. Разгуливать по городу в таком виде означало в тот же момент оказаться водворенным обратно. Заклятие невнимания на голое тело не повесишь... Пока он ломал над этим голову, капитан втолкнул его в каморку с хэльдом Истина. Ну вот и все. Пришли. Конец всей маскировке. Единственная надежда, что эти двое не разберутся в тех необычных картинах, что покажет им хэльд.

Дознаватель щелкнул пальцами, нарисовав знак Небесного огня, Тэйн услышал целую цепочку слов урда, произнесенных скороговоркой и вслух, что говорило о самом примитивном владении кэн-ли, а капитан подтолкнул его поближе к мутной зеркальной поверхности. Тэйн понадеялся, что хэльд не работает, все-таки прозрачность оставляла желать лучшего, однако хэльд вспыхнул, как и полагалось, начал светлеть, ожил, послушно отразив стоящего напротив Ройга.

А потом стремительно потемнел и угас.

Дознаватель оттолкнул Тэйна назад, погасил хэльд, затем снова инициировал, стал перед ним сам, убеждаясь, что хэльд исправен. Затем толкнул Ройга поближе, пробормотал нужные слова, снова увидел вспышку, отражение, державшееся не более двух мгновений, и опять — черноту.

Тэйн с облегчением перевел дух, надеясь, что озадаченные островитяне не слышат его радостного вздоха. Эффект отчуждения... Он совсем забыл, что не отражается в визуальных хэльдах! Он осторожно отошел в сторонку и с усмешкой наблюдал, как капитан с дознавателем, удивленно переругиваясь, по очереди испытывают хэльд друг на друге. Его опять толкнули к хэльду, с тем же результатом, дознаватель и капитан принялись сыпать такими изошренными проклятиями, что Ройг пожалел, что их нельзя записать. На память. В конце концов оба махнули рукой на хэльд и уставились друг на друга с раздраженным недоумением.

— Ну и что с ним делать? — с откровенной неприязнью буркнул дознаватель.

— Пойду доложу начальству, — проворчал капитан. — Пусть сами разбираются. Он разгуливал в одежде зарда. Вдруг убил кого или ограбил... Да еще и хэльд почему-то отказывается его показывать. Странно все это. Не мне, конечно, решать, но лучше было бы поставить в известность жрецов, — закончил он, направляясь к дверям. — А пока запри-ка ты его отдельно от остальных.

Дознаватель оглядел Ройга с задумчивым недоумением.

— Если найдется пара свободных черных браслетов, можно будет оставить его здесь, — сказал он, зевнув. — Все равно никуда не сбежит.

Тэйн хмыкнул про себя, удивляясь чужой самонадеянностью. Сидеть здесь и ждать, пока жрецы сами придут, чтобы посмотреть на любопытный экземпляр, не отражающийся в хэльде Истина, он не собирался. Дорогу к выходу он запомнил, и как только хоть один из них выйдет, никакая цепочка его не удержит.

Капитан ушел и сразу же вернулся, неся в руках браслеты из черного металла, по виду похожие на обычные рабские. Ройг с трудом сдержал ухмылку: с ключом рабских браслетов он научился справляться на следующий день после того, как Данира его с ними познакомила. Ничего сложного, нужно лишь увидеть урд-знаки, вписанные в узор по ободу, и с помощью Огня жизни разомкнуть цепочку между звеньями. Сейчас он останется один, и...

Металл щелкнул у него на запястьях. Тэйн вспомнил, как жгли золотые, но к счастью, ничего не почувствовал. Его так и оставили в камере с хэльдом, даже не потрудившись закрыть за собой дверь, и Ройг с ухмылкой проследил, как дознаватель и капитан уходят, переговариваясь о чем-то своем, совершенно забыв о необычном арестанте. Что ж, прекрасно. Можно попробовать прямо сейчас.

Дождавшись, пока шаги в коридоре стихнут, он первым делом подошел к двери. Тело, необычно тяжелое и неповоротливое, почему-то отказывалось слушаться, сделавшись вялым

и чужим. Следом отяжелела голова, словно после хорошей попойки, мышцы сковала судорожная боль. Удары сердца, словно звуки ритуального тунда, заглушили все остальные звуки в мире. С трудом отодвинувшись от двери, он рухнул на пол посреди каморки. Не понимая, что случилось, Тэйн попытался перевернуться на спину, но тело снова взбунтовалось, ответив волной судорог, прокатившейся по мышам. Какое-то время он лежал без движения, отдыхая, потом снова попытался пошевелиться — и снова скорчился от боли.

Вскоре он оставил свои безнадежные попытки принять менее позорную позу. Любое, даже самое простое движение провоцировало дикую боль в мышцах. Передвинув руки так, чтобы черные браслеты были прямо перед глазами, он с ненавистью уставился на них, вызывая перед глазами цепочку урд-знаков, нарисованных по внешней стороне. Заклятие оказалось вдвое длиннее и сложнее того, что на рабских браслетах, а боль мешала ему разобраться в структуре.

Он так и остался лежать на полу, оставив бесплодные попытки разобраться в конструкции и отгоняя приступы паники. Надо просто подождать. Ситуация изменится сама собой, нужно только дождаться благоприятного момента и сэкономить силы.

Лейт и Кельхандар вздрогнули, когда утром, прямо на кухне, над столом появился овал хэльда Окно. Лицо Даниры было серым и измученным, глаза — испуганными, арангисов на висках не было. Лейт мгновенно захлестнуло ужасом, таким, что она даже не расслышала самые первые слова.

— ... арестовали. Все из-за рук, — она всхлипнула, с ненавистью посмотрев на свои белые, как снег, ладони. — Хорошо, хоть хэльд Истина ничего не отразил...

— Подожди, давай сначала, — перебил ее Кельхандар. — Как получилось, что он попался?

— Ночная стража заметила его руки, — повторила Данира. — И задержала. У нас вина устанавливается очень быстро — в каждом участке есть хэльд Истина и специально обученные ими пользоваться дознаватели. Но когда его поставили перед хэльдом...

Кельхандар перебил ее.

— Я понял. Эффект отчуждения. Дальше что?

— Утром позвали жреца, чтобы принять окончательное решение, — всхлипнула Данира, и Лейт неожиданно поняла, что большую часть времени она проревела навзрыд, и что проку от нее теперь будет немного. — Тот всю ночь где-то развлекался, больше всего на свете ему хотелось поправиться с похмелья... Разбираться он не стал. Раз браслетов нет — значит не раб, а слишком шустрый работник из тарса. У нас для этого случая существует только одно решение.

— И какое? — выдавила она с трудом.

— Рабство. Его продадут, — снова всхлипнула Данира. Услышав облегченный вздох Лейт, она гневно тряхнула головой. — Думаешь, у нас хватит денег? Я даже не знаю, куда его дальше отправят. В Окне он не виден, а арангисов я не могу... — она опять всхлипнула. — Я не могу с ним даже поговорить.

— Почему? — встревожился Кельхандар, до сих пор остававшийся спокойным.

— Я не могу... — из глаз Даниры потекли слезы, она принялась их вытирать, размазывая по щекам, как маленькая девочка. — Эти проклятые черные браслеты. Ему очень больно, а меня они просто сводят с ума. Я ничего не могу сделать, — тут она полностью потеряла самообладание и разрыдалась.

— Перестань, — оборвала ее Лейт, внутренне сжимаясь от нехорошего предчувствия. — Лучше приходи сюда, вместе подумаем, как быть.

— Не могу, — повторила она, как заколдованная. — Мне кажется, старейшины клана что-то заподозрили.

Лейт похолодела.

— Кажется? Или у тебя есть основания так думать? — спросил Кельх.

— Уже два дня никто не требует от меня отчета, где он и что делает, — сказала она, слегка успокоившись. — А раньше интересовались регулярно. В особенности дядя...

— Глава клана Следящих? — уточнил хильд.

Данира кивнула.

— Расскажи хотя бы, как это у вас делается, — по-прежнему сохраняя спокойствие, попросил Кельхандар. — Скажи, где хотя бы приблизительно его искать. Мы попытаемся сделать что-нибудь сами.

8. Черные браслеты

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Из забытья его вывел увесистый пинок пониже спины. Разлепив глаза, Тэйн увидел две склонившиеся над ним головы — мужскую и женскую. Оба алареия — высокие, худые, некрасивые. Там, за их спинами, стояли еще двое. Один из них — телларианин, низенький толстячок с плотоядно блестящими глазками, выглядел совсем как местный житель и, кажется, браслетов на руках не имел.

Там, в городской охране, ему в красках живописали картину свободных торгов, где продавали рабов, пойманных или обманутых в тарсе или в дальних раканах, но события стали развиваться совсем по другому сценарию. Позже он узнал, что почти всех молодых мужчин и женщин по негласной договоренности с начальством отправляли в Ала Ари, но не в тот, где Тэйн совсем недавно побывал, прикидываясь зардом, а в другой, расположенный в черте Зар Израна. За это всем черным пейерам высокого ранга тайно разрешалось посещать Ала Ари бесплатно. Браслеты с него так и не сняли, даже когда заставили подняться и пешком идти за новым хозяином почти через весь город. Там, в каком-то помещении, Тэйн свалился прямо на пол и потерял сознание — слишком уж много душевных и физических сил потребовалось, чтобы заставить себя двигаться, избежав «помощи» кнута. Еще во время разбирательства, превратившегося в фарс из-за едва успевшего протрезветь жреца, Тэйн продолжил свои бесплодные попытки нащупать ключ к браслетам, но его усилий хватало ненадолго — когда лежишь, привязанный к скамье, смрадное дыхание синего от постоянного пьянства чиновника наполняет тесную каморку, где, кроме дознавателя и охраны, на полу валяются еще двое в таких же черных браслетах, одного тихо рвет в углу, другой буйствует, связанный, и нечленораздельно ругается, сосредоточиться на конструкции сложнейшего заклятия просто невозможно.

Те двое, кстати, были обыкновенными островитянами, и чего уж они там натворили, что потребовалось вмешательство жреца, Ройг даже не мог предположить. Тоже, что ли, посмели не отразиться в хэльде Истина?

К счастью, вникать в суть проблемы жрецу не хотелось. Раз без браслетов, значит — беглый из тарса. Раз в одежде зарда — значит, вор. Продать и забыть.

— Поднимись, — раздался над ним холодный и надменный женский голос. Тэйн медленно поднялся с пола, глядя на них с откровенной ненавистью и стараясь удержаться на ногах и не взвыть от боли. Быстро оглядевшись, он сделал несколько шагов назад и прислонился к стене. Стало немного легче, но голова продолжала кружиться, все мышцы словно взбесились, протестуя против малейшего движения. Проклятые браслеты... Тут он сообразил, что на немпо-прежнему ничего нет, кроме повязки-извара, похожей на очень короткую юбку, и с кривой ухмылкой откровенно уставился на женщину, ожидая увидеть ее смущение, но она разглядывала его холодно и оценивающе. Мужчина предпочитал смотреть во всех направлениях, только не на Тэйна. Толстенький телларианин высунулся из-за спин хозяев и удовлетворенно ухмыльнулся.

— Неплохо, — наконец соизволила вымолвить женщина. — Хорош. Молод, красив, силен. Ты откуда? — на этот раз она обращалась к нему, но Ройг предпочел отмолчаться. Вступать в разговоры он считал бессмысленным и опасным.

— Откуда-то с Западного континента, — прокомментировал толстый. — Риаллар, я

думаю, откуда-то с отрогов Илломайна.

— Почему? — вяло поинтересовался мужчина.

— Стоит перед женщиной почти голый и ничуть не смущен, — хихикнул толстый. — На востоке так не умеют, там мужики сразу начинают за причинное место хвататься и краснеть, — глядя на его масляные глазки, Тэйн перестал сомневаться в ориентации этого выходца Наземного мира. — Далее... Кожа смуглая, но без красноватого отлива, характерного для тех, кто живет в Ахтане или на юге Риаллара. Не воин — волосы длиннее, чем удобно для ношения шлема, однако подстрижены, значит, не кочевник. Татуировка на руке похожа на илларскую, хотя и черная, а не разноцветная, как положено, однако, судя по мускулатуре, на иллара этот парень не тянет. Скорее, украшение, в некоторых местностях такие рисунки в виде браслетов очень популярны. Скорее, из карны Металла или Огня, сбежал на Остров за легким заработком, поболтался по тарсу, понял, что не для него, дома лучше, решил вернуться сам, да не вышло, забрел в санар, с голодухи стал промышлять воровством. Прослышал про столицу, решил, что, как и в больших городах Теллара, порядка там нет и прокормиться будет легче. Вот и все. Типичная история.

Женщина кивнула и посмотрела на мужчину-аларея.

— Мне он не нужен, — покачал головой тот. — Сейчас у меня достаточно рабочих рук.

— К тому же он слишком упрямый, — улыбнулся толстячок.

— Почему? — оживилась женщина.

— Вам когда-нибудь надевали черные браслеты, высокородная заар? — поинтересовался толстячок плотоядно. — Мне — да. Я до сих пор помню весь букет ощущений. Как валялся на полу и орал, пуская слезы и слюни. А этот — стоит, да еще и живьем готов сожрать... — он хихикнул и многозначительно подмигнул Тэйну. — Берите его, госпожа, не пожалеете. Подержите десяток триад в браслетах, упрямство пообломаете, шелковый будет. А когда очухается — еще и обрадуется, что есть-пить дают да кнутом не оглаживают.

— Сам-то почему не хочешь? — на лице женщины проступило некое подобие улыбки. — Или этот мальчик тебе не нравится? — усмехнулась она.

Ройга аж передернуло, когда он понял, что они имеют в виду.

— Мне — нравится, — кивнул толстячок. — Но переучивать его будет слишком долго и сложно. К тому же, мои клиенты предпочитают совсем молоденьких. Я подожду следующего.

Женщина еще раз оценивающе оглядела Тэйна.

— Хорошо. Пусть пока останется здесь. Десять триад, говоришь... Много... сумасшедший мне не нужен. Пусть будет пять. И надо еще посмотреть, каков он на ложе — есть среди них такие, у кого наша раса не вызывает никаких чувств. Кроме отвращения, — добавила она презрительно.

Глядя, как они выходят, один за другим, толстый — последним, Тэйн медленно опустился на пол, подождал, пока успокоится боль, вызванная очередным движением, и снова уставился на браслеты. Снять их теперь было важнее всего на свете. Скрипнув зубами, он нарисовал в воздухе урд-знак Глаз. Его использовали крайне редко, поскольку даже неопытные иллары после посвящения видели структуру заклятий Кэн-ли без особых усилий. Подождав, пока после очередного движения утихнет боль в руках, он добавил к Глазу урд-знак Солнца и один за другим все символы стихий. Поднявшись на ноги, он тщательно связал знаки воедино и сделал шаг в образовавшийся кокон, вытянув руки ладонями

навстречу Глазу. От браслетов пошел дым, знаки стихий исказились до неузнаваемости, но узор заклęcia на браслетах возник прямо перед глазами в виде огромных светящихся символов. К счастью, все до последнего были ему известны, хотя силу, удерживающую урд-знаки в связке, он не распознал. Не Огонь жизни, основа основ Кэлленара, а что-то другое, к традиционному Кэлленару не относящееся.

Боль, причиненная излишними усилиями тела, в этот момент стала невыносимой. Понимая, что сейчас свалится, он внимательно рассмотрел каждый элемент, такой обыденный и привычный, все еще недоумеая, что удерживает противодействующие друг другу знаки вместе. В ушах уже звенело, Тэйн покачнулся, налетев на собственную сетку линий, взвыл от ощущения, будто его хлестнули молнией, испугавшись до безумия, что нарушенная структура очень сложного заклęcia, воспроизведенного с таким трудом, его и уничтожит. Когда он восстановил равновесие, волна страха схлынула, а висящее перед ним заклęcie браслетов тускло полыхнуло и уменьшилось в размерах. «Страх, — подумал он с горечью и облегчением, — в основе заклęcia лежит обыкновенный страх. — Каков же должен быть тот мерзавец, что сумел выстроить заклęcie, удержав с его помощью элементов Кэлленара! И как это вообще возможно — привязать его к каноническим урд-знакам?» Это была последняя мысль, потому что потом он все таки упал, конструкция полыхнула алым и исчезла, надолго выключив его из реальности.

В себя он пришел опять же, от уже хорошо знакомого пинка в бок. Толстый телларианин разглядывал его с противной ухмылочкой, поставив перед ним поднос с едой. По запаху Тэйн убедился, что еда вполне приличная и голодом морить его никто не собирается. Хотя сам процесс вряд ли будет приятным. Сначала нужно было дотянуться до подноса.

— Может, поделишься своими приключениями, а, парень? — спросил толстый, разглядывая его с плотоядным удовольствием. — Послушаю, глядишь, и словечко за тебя кому надо шепну.

Ройг осторожно перекатился на бок, сел, уставившись в маленькие, глубоко посаженные глазки.

— Шел бы ты отсюда, — сквозь зубы процедил он.

Пока толстяк описывал ему подробности жизни здешних рабов, Тэйн ел с демонстративным равнодушием, стараясь не обращать внимания на болтовню. Подробности вызвали злость, от которой его тошнило, и мысль, что его сейчас вывернет прямо на роскошный, тонкой работы пейер болтуна-сластолюбца, доставила мрачное удовольствие. Завершив скудную трапезу, он бросил столовые приборы на пол и отполз назад, к стене, прислонившись к ней спиной и закрыв глаза. Толстяк чего-то бормотал себе под нос, вынужденный собирать за ним тарелки, и в конце концов убрался, пообещав что-то невразумительно-угрожающее. Тэйн презрительно хмыкнул в ответ. Посмотрим, кто кого.

Толстый приходил еще два раза, принося еду, прежде чем Тэйн закончил ломать голову над конструкцией заклęcia и составил ключ. Браслеты глухо щелкнули, разломившись пополам, боль отпустила в то же мгновение. Тэйн осторожно отодвинул их в сторону и, пошатываясь, поднялся на ноги. Прежде чем бросаться размахивать кулаками или кидаться знаками Небесного огня, следовало немного прийти в себя. Несмотря на пьянящую радость победы, тело слушалось плохо и настоятельно требовало сна. Тэйн улегся на живот, спрятав руки с широкими следами от браслетов, и сами браслеты, на груди. И почти сразу же заснул, вяло подумав, что неплохо бы отыгаться на толстом за издевательство...

9. В сердце Острова

Образ Даниры возник на грани сна и яви, словно прорвался сквозь плотную завесу беспомыслия.

«Наконец-то я тебя слышу!»

«А я — тебя. А что, браслеты тебе мешали?»

«Да. Тэйн, все пропало. Все кончено. Они знают»

«Жрецы? Кто из них? Кимр? Менарт?»

«Да. Оба, наверно. Кимр со жрецами храма Феоллона уже пришел в мой дом, но меня там нет, я в одной маленькой часовне в Зар Изране, слежу за ними через хэльд. Какое-то время я побегаю от них, но потом меня все равно поймают».

«Могут и не поймать, если ты уйдешь в раканы. Или из санара. Ты же помнишь, какой путь проделал я, когда добирался сюда...»

«Бежать в Наземный мир? Куда я там денусь? Без тебя?»

«Бери Лейт и Кельхандара, уходите отсюда в Наземный мир. Я справлюсь сам. И Вельга заставлю...»

«Мы не успеем, — крикнула она в отчаянии. — Еще немного, и меня выследят! А у жрецов есть такие способы допроса, что мне не выдержать. И я могу... я вас всех выдам, Тэйн, я ведь не такая сильная, как ты или Лейт!»

«Успокойся, — ответил он внезапно искажившемуся в его сознании облику. — Я что-нибудь придумаю. Кстати, откуда Кимр мог узнать о нас с тобой?»

«Через илларов твоего святилища. Кто-то, кроме Даллана, узнал, что ты отправился на Остров. Следящий сообщил об этом одному из старейшин клана, а тот — Кимру. Естественно, тот сразу заподозрил меня в измене. Вчера я обнаружила, что за мной следят. Тэйн, честное слово, тебе лучше оставаться там, где ты есть. Хэльды не помогут им тебя искать, а обыкновенная, городская система сыска тут бессильна, пока ты не попытаешься вернуться в ту башню...»

«Попытаюсь хотя бы потому, что там остались Кельхандар и Лейт. И мой меч. Да и этот паршивец Вельг, если уж честно... А что, ты предлагаешь мне остаться в Ала Ари?» — спросил он с усмешкой.

«Так вот ты где! — ахнула она, и Тэйн едва успел отгородиться от шквала возмущения и ревности. Успокоившись, она продолжила уже совсем другим тоном. — Может быть, так даже лучше. Там тебя точно не найдут...»

«Данира... Тот человек, что предупредил тебя... Может он спрятать тебя хотя бы на время?»

«Помнишь, я говорила, что меня выдадут замуж? Так вот, меня предупредил тот самый человек, которого прочат мне в мужья. Он будет очень рад, если я попрошу у него помощи, но после этого я больше никогда не выйду из его ракана»

«Тогда беги в нашу башню и возьми за мой меч. На Острове, среди своих, они тебя не найдут».

Он почувствовал волну облегчения, прокатившуюся в их соединенных разумах.

«Я попробую, — сказала она чуть более уверенно. — Может быть, и правда поможет.»

«Будь осторожна, — предупредил он ее на прощание. — Сейчас ты не Следящий, а беглянка, за которой началась охота»

«Знаю, — ответила она со смешком. — Стану простой горожанкой, немного вульгарной и ужасно высокомерной. Никто не обратит внимания. А ты сиди тише мыши и не высывайся»

«Предлагаешь заняться тем, что мне наобещали?» — хмыкнул он. Ответа не последовало — рассерженная Данира протянула руки к арангисам и образ ее растворился в темноте.

Он сел, потягиваясь и убеждаясь, что тело достаточно отдохнуло от власти черных браслетов. Браслеты, кстати, лежали здесь, рядом. Полезная вещь, если что... Теперь оставалось только хорошенько подготовиться, выбрав из созданного за недолгий срок запаса ловушек и боевых заклинаний самые необходимые.

Ждал он недолго. Когда толстяк, многозначительно улыбаясь, снова появился в его камерке с подносом еды, Тэйн перехватил его за лодыжку и уложил на свое место, оседлал толстое туловище и выкрутил руки к лопаткам. Тот попытался заорать, но Тэйн живо пресек эту попытку, прижав ладонью его рот.

— Задущу, — пригрозил он, вытаскивая у толстяка из-за пояса длинный кинжал телларинаской работы. Осмотрев оружие, усмехнулся. — Что, не доверяешь здешним девочкам? Правильно, я бы на твоём месте тоже не доверял. Ну-ка, раздевайся, — приказал он, отпуская толстого. — И имей в виду — ты немного ошибся, когда рассказывал своей хозяйке мою биографию. Видишь это клеймо? А как я держу нож? — Тэйн демонстративно прокрутил кинжал в руке. — Я- иллар. И воин тоже. Колдун — убийца — как тебе такое нравится?

Толстяк затрясся, покорно снимая роскошный ярко-синий пейер и серые шаровары.

— Тебя все равно поймут, — прошептал он дрожащими губами, глядя, как Тэйн одевается. Пейер сидел неплохо, а вот шаровары оказались коротковаты. — Темнокожий без браслетов...

— Браслеты я себе найду, — пообещал Тэйн весело. — Золотые браслеты — игрушка по сравнению с черными. Кстати, — он наклонился и забрал их с собой, спрятав в просторный внутренний карман пейера. — Какая сейчас часть триады?

— Ир, — буркнул толстяк.

— Прекрасно. Ты, наверно, устал после тяжелой трудовой ночи, — хмыкнул Тэйн. — Отдохни немного.

Нажав нужные точки на толстой и не очень чистой шее, Ройг осторожно уложил обмякшее тело на пол.

В этой комнате была почти телларианская дверь, только овальная, запиравшаяся на замок. Никакой охраны с той стороны не обнаружилось. Быстро оглядевшись, он бросился искать выход.

Было совершенно непохоже, что он находился в башнях Ала Ари. Слои сиуры, из которых состояли стены, казались мертвенно-серыми, на ощупь плотными, как слой земли. Не было ни украшений на стенах, ни светильников, да и сама сиура не светилась. Здесь оказалось почти так же темно, как ночью на Телларе.

Ощупью он определил двери. Множество узких и низеньких запертых на замки дверок. Видимо, здесь было что-то вроде подвалов, где не только хранились хозяйственные запасы, но и содержались особо строптивые рабы. А может, и не только рабы.

Тэйн осторожно зажег крохотный знак Небесного огня, чтобы немного рассеять мрак. Лестницу наверх он обнаружил почти рядом, только она была не прозрачной, как всегда, а

серой, видимой, и кажется даже грязной. Пахло от нее земной подворотней. Ройг хмыкнул и, перепрыгнув через скользкие ступеньки, принялся подниматься.

Через десяток ступеней возникла площадка, от которой в разные стороны расходилось три одинаковых, как братья-близнецы, прохода. Тэйн сориентировался по запаху: из одного тянуло кислятиной и мочой, из другого — сыростью, из третьего приятно пахло съедобной пищей. Тэйн свернул туда почти не раздумывая, хотя и опасаясь слишком уж быстрой встречи со здешней прислугой.

Светлее не становилось, лестниц тоже не встретилось. Вскоре он увидел вверху несколько отверстий, откуда шел густой, будоражащий аппетит запах кухни. Убедившись, что поблизости нет ни дверей, ни лазов, он вздохнул и потащился обратно на площадку.

Выбрав тот, из которого тянуло кислятиной, и перепрыгнув через очередную лужу, он отправился вглубь по коридору.

Он искал лестницу, но ее не было. Коридор привел его к очередной развилке, на этот раз с двумя совершенно одинаковыми ответвлениями. Ройг выбрал то, воздух которого казался суше и чище, и ускорил шаг. Толстяка могли хватиться; хотя, зная, что он понес еду новому рабу, и помня о его пристрастиях, вряд ли кто-то забеспокоится раньше, чем завтра.

Тоннель оказался сухим и чистым, без отбросов и вонючих луж, и полого поднимался вверх. Ощупав стены, Ройг обнаружил, что сиура здесь немного иная, чем в домах Зар Алы — более плотная и шершавая, такая, как на стеблях корса, жесткая и прочная, старше, чем сиура раканов или городских построек. Из любопытства он попытался продавить ее пальцем — обычно при сильном нажатии на ней оставался медленно исчезающий след, но сейчас на шероховатой поверхности не оказалось даже вмятины. Сиура этого места больше походила на земной камень, чем на привычную материю Острова.

Он прошел еще немного и остановился перед очередной развилкой. По пути казалось, что тоннель этот пользовался популярностью: несколько раз Ройг замечал стертые следы в пыли, наткнулся на рваный башмак, подобрал пару местных монет, не самого мелкого достоинства и не очень старой чеканки. Кто-то ходил в Ала Ари тайком, пользуясь этим хорошо скрытым от посторонних глаз тоннелем. Любопытно, кто именно... В Дома удовольствий навевалась чуть ли не половина населения Зар Алы, в этом не было ничего предосудительного. Тот, кто пользовался тоннелем, не хотел быть узнанным. Видимо, репутация не позволяла. Высокородные зарды прятались под своими черными одеяниями, богатые горожане и вовсе не скрывали своих пристрастий, жрецы...

Жрецы. Они, больше некому. Скорее всего, тоннель приведет куда-нибудь вглубь Зар Израна. А вот хорошо это или плохо — надо еще подумать.

И он свернул вправо, сделав в пыли отметку на тот случай, если придется возвращаться этим же путем. Почти сразу же коридор резко пошел вверх, потом появились ступеньки, воздух стал не таким тяжелым и затхлым. Там, где лестница окончилась, цвет сиуры приобрел привычный светло-серый оттенок.

Лестница заканчивалась пленочной дверью, однако Ройг сразу же заметил, что это не совсем дверь. Едва заметный розовый оттенок по краям переливавшейся серебром пленки подсказал ему, что скорее всего, это дверь-хэльд.

Он уже несколько раз сталкивался в Зар Але с подобными хитростями. Обычные двери-мембраны пропускали в следующее за ними помещение, если же добавить несколько слов или жестов на урде, замаскированный хэльд переносил входящего совсем в другое место. В башне, где они жили, был один подобный дверь-хэльд, переносивший в маленькую комнатку

под самой крышей, куда не было доступа по лестницам. Ключ к ней был предельно прост, как и все элементы бытовой магии на Острове, однако отличить дверь-хэльд от обыкновенной двери-мембраны могли только посвященные — для этого требовалось знать особенности традиционных хэльдов Дверь и хотя бы основы кэн-ли, недоступное для большинства рядовых островитян.

Тэйн остановился. Будь он в своем доме, он бы принял меры, чтобы о потайных путях знало как можно меньше народу, и чтобы по ним не шастали посторонние. Очень вероятно, что чужак попадет в ловушку, или, по крайней мере, в тупик, или сработает какой-нибудь сигнал тревоги...

Он уселся напротив двери, сосредоточился и принялся терпеливо подыскивать нужный ключ.

Ключ подобрался быстро — та же конструкция, что и дома, плюс пара дополнительных урд-знаков. Урд-знаки были не из легких, требовали хорошей концентрации, из чего следовало, что жрецы маленьких святилищ, оперирующие общедоступными хэльдами, здесь вряд ли ходят. А значит...

Воспроизведя ключ, он решительно шагнул сквозь пленку.

Та же серая лестница, только пологая, да и света побольше... Он взбежал по ней и оказался еще перед одной, на этот раз обыкновенной — дверью.

За ней шли уже совсем иные покои. Гладкую поверхность стен покрывал синий с черным узор-паутинка, изящный и сложный. Сверху и снизу тянулся ряд маленьких, размером с яйцо, тусклых светильников. Из небольшого коридорчика открывался зал, высокий и просторный, как Купол Служб в наземных святилищах, круглый, с гигантскими ликами всех девяти богов, изваянных явно не из сиуры, а из настоящего телларианского камня. Гладкий черный пол был весь испещрен мерцающими в темноте символами. Приглядевшись, Тэйн распознал в них длинные и сложные цепочки шиаллаха. Осторожно обходя их и одновременно пытаясь понять их смысл и назначение, он пересек зал и оказался на пороге столь же необычно высокой галереи. Окон здесь, как и везде на Острове, не было. Стены галереи сплошь были покрыты картинами из истории миров. Тэйн пожалел, что у него нет времени рассмотреть их подробнее, но все же задержался на несколько мгновений, зацепившись взглядом за изображения теллов. Высокие и худощавые, с желтовато-зеленой кожей, безволосые, на вид — уроды-уродами, но было в них что-то магически-притягательное. Верно ли древний художник передал выражение их лиц, или это была всего лишь его фантазия — спокойные, умиротворенные, чуть задумчивые и в то же время слегка насмешливые, они смотрели на своих потомков с затаенной иронией...

Следующий зал был меньше, тоже круглый, с хэльдом Окно в центре и двумя рядами плавающих кресел. В нишах стен обнаружилось несколько канонических хэльдов, размерами в два раза больше обычного. Из любопытства Тэйн отправил к голубой поверхности хэльда Окно знак Небесного огня, убеждаясь, что тот исправен. Отыскав очередной проем в стене, он отправился дальше.

В следующем зале находилось двое жрецов. Небольшое уютное помещение, обставленное привычной для острова мебелью, стены украшены ажурной паутиной синего и черного, светильники на стенах — больше и ярче обычных. Жрецы ели, лениво перекидываясь фразами, комментируя качество приготовленных блюд. Тэйн вспомнил, что давно не ел и ощутил приступ голода.

Пришлось подождать, пока они закончат, поболтают, и в конце концов уйдут, а затем

совсем юные адепты в серых одеждах без единого узора уберут посуду и кувшины с напитками. Когда, наконец, помещение опустело, Тэйн осмелился выбраться из ниши со скульптурным изображением Мейра, за которой он скрывался, и вступить в зал.

Оттуда нашлось два выхода. Ройг решил направиться следом за молодежью, надеясь, что попадет в жилые покои или в кухню — там обязательно должны иметься выходы наружу, предназначенные для хозяйственных целей. Богато украшенная галерея привела его в круглый зал с девятью нишами-мембранами. Нет, это были не хэльды, просто двери. Тэйн выбрал наугад.

И очень удачно... Перед ним сразу же появился целый ряд хэльдов. Все они оказались незнакомыми, но в том, что это именно хэльды, он не сомневался. Ему требовались традиционные, расположенные в тихом и укромном месте, так, чтобы он мог беспрепятственно с ними работать хотя бы короткое время. Риск, конечно, безумный, но другого пути уже не было.

Он вернулся обратно и наугад опробовал еще две двери. За каждой из них обнаруживались хэльды, но только за пятой по счету дверью он нашел то, что искал.

Тэйн начертил на полу зала цепочку урда сродни той, что когда-то встретил на пороге святилища в Зар Изране. Если кто-нибудь войдет сюда, раздастся едва заметный звон, предупреждающий его об опасности. Потом нашел хэльд Истина и для начала убедился в его пригодности. Хэльд работал, хотя поверхность его, как и в здании городской стражи, уже немного помутнела.

Для начала требовалось определить собственное местонахождение. Он мысленно сформулировал вопрос, связал хэльд и себя Огнем жизни и добавил цепочку урд-знаков. Поверхность хэльда ожила, показав ему бесформенное нагромождение белесой сиуры, похожей на клубы тумана, слегка подкрашенные голубым. Тэйн уточнил мысленный вопрос, спросив, какому из божеств посвящено святилище — в глубине изображения всплыло широкоскулое лицо с зелеными миндалевидными глазами и зеленой же кудрявой гривой и бородой. Мейр. Тэйн поинтересовался, главное это святилище или одна из подчиненных мелких часовен — в ответ в хэльде появилось огромная статуя Мейра, окруженная не менее величественными зелеными и синими каменными чашами, находившимися под гигантской высоты куполом. Изображение сместилось к выходу, в галерею, неотлично похожую на ту, по которой Ройг шел только что, и привело в еще один зал, не менее роскошный, затем — к Двери, за которой оказался уже известный ему зал с хэльдами.

Итак, если он правильно распознал образы, это — главное агвалларское святилище Мейра.

Тэйн отошел в сторону, к хэльду Окно. Теперь требовалось разобраться, что происходит с друзьями. Окно и Истина всегда находились рядом, поскольку существовало множество возможностей их совместного использования. Хэльд Окно подернулся мутью, однако поверхность его послушно ожила под его мысленным воздействием. Тэйн представил Даниру и стал ждать отклика хэльда. Ответ пришел не сразу. Он увидел белую, без единого постороннего цветового пятна комнату, плавающую в воздухе плоскую поверхность, на которой лежало обнаженное женское тело. Черты ее лица были искажены настолько, что он сначала усомнился в нормальности хэльда, и только маленький рост да пепельно-серебряные локоны позволили ему узнать ее. На шее, запястьях и лодыжках были уже известные ему черные браслеты.

С трудом сдерживая ярость, он сместил изображение, пытаясь понять, где именно она

находится и нет ли кого рядом, но комната оказалась маленькой и совершенно пустой. Сохраняя картину в Окне, он оживил хэльд Истина, добавил нужные урд-знаки, и время повернуло вспять, открывая шаг за шагом неизвестные ему подробности. Черда залов ослепительно белого святилища, перекошенное ненавистью лицо Кимра, люди в серых хламидах со знаком паука, толкающие Даниру от одного жреца к другому. Их вечно бесстрастные физиономии искажены яростью и безумием, бесконечный, всепоглощающий страх в глазах Даниры выдает ее с головой. Она не глядит на своих соотечественников, отводя взгляд в сторону...

Город, Зар Ала, людная улица, высокородная заар, к которой со всех сторон подступают черные пейеры, впереди которых идут два тощих жреца, один в золотистом, другой — в ослепительно белом чару... жрец Илбара и Следящий.

Тэйн резко разорвал контакт с хэльдом. Что с остальными? Лейт, Кельхандар, Вельг? Сначала — хэльд Окно, узнать, что сейчас. Хэльд послушно ожил, показав Лейт в такой же ослепительно белой комнате, только совершенно пустой, не только без висящей кровати, но и без обыкновенных удобств. Девушка лежала на полу, подперев голову кулачком; на хрупких смуглых запястьях красовались золотые обручья. Спасибо хоть не черные.

Кельхандар. Такая же белая камера, но он раздраженно метался из угла в угол, вызывая к действию разные заклинания урда. Тэйн некоторое время наблюдал за ним и убедился, что тот пытается воспроизвести не только урд, но и шиаллах. Знаки ши-ала вспыхивали, оборачиваясь языками пламени и плавно затухали, оставляя за собой лишь серые пятна на полу и на стенах. Оно и понятно — жрецы должны были защитить свою тюрьму для избранных чем-либо посильнее обыкновенных стражей с дубинками.

Вельг. Этот, к счастью, обнаружился в Зар Але, где-то поблизости от здания городской охраны. Он по-прежнему разгуливал в старой одежде, нацепив на себя знак расположения жрецов. Он пытался что-то высмотреть у здания. Ройг презрительно хмыкнул: если этот идиот пытался найти их в городской охране, то ему даже не стоило помогать. Пусть пытается. Если же нет...

Вникать в поступки Вельга было некогда. Требовалось немедленно закончить дело, ставшее из просто рискованного безумным. Выбор был невелик: вернуться на Теллар с поражением и погибнуть через пару сезонов, попасться здесь, прямо в руки жрецов, и тоже погибнуть, чуть раньше, и может быть, более болезненно, или все же попытаться отобрать у Кимра два оставшихся камня и сделать то, ради чего они сюда направились, и будь что будет...

Где лежат камни и как добраться до Кимра с Менартом?

Он не стал ломать голову, адресовав вопрос хэльду Истина. Ничего путного он не ждал, однако хэльд показал ему Дверь в святилище Илбара и череду залов, ведущих в личные покои жрецов. Тэйн нервно рассмеялся. Глупые вопросы — глупые ответы. Что ж, пусть никто не ждет тогда он него умных поступков.

Двери были в одном из соседних залов. Тэйн отыскал нужную, с изображением Илбара и, не думая, шагнул вперед. Здесь может сработать только везение, никаких хитростей, никаких планов, расчетов и ловушек. Повезет — там, по ту сторону Двери, никого не будет.

Повезло.

10. Последний камень

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Лейт вертела на пальце массивное кольцо с темно-красным камнем, которое дала ей Кианейт перед путешествием на Остров. Те, кто пришел их арестовывать — несколько черных пейеров высших чинов и необычайно мелкий для аларея желчный жрец, — обращались с ней и с Кельхандаром как с обыкновенными беглыми рабами, то есть, защелкнули золотые браслеты и отвели туда, куда велел жрец. Лейт видела, что Кельхандар запоминает путь, считая пройденные Двери, храмы и залы, но очень быстро убедилась, что самим, без чьей-либо помощи, им этот путь не пройти. Тэйн исчез, Данира — тоже, кажется, ее все-таки схватили, несмотря на то, что она почти целую триаду успешно водила жрецов за нос. Что ж, хвала Илбару, ее саму заперли в этой пустой ослепительно белой комнате и забыли о ней хотя бы на время.

Лейт ломала голову, как воспользоваться колечком. Кианейт говорила, что покажи она это кольцо любому из жрецов помладше, тот обязан исполнять все ее приказы, пока не вмешается кто-то выше рангом. Кольцо символизировало особые заслуги владельца перед высшей жреческой кастой и означало полное доверие жрецов его владельцу. Поначалу она собиралась ткнуть его в лицо пришедшим их арестовывать людям, но потом испугалась, что жрец сразу же обратится за уточнением к старшим по рангу, и кольцо отнимут. Ее не сразу хватятся, не того полета она птица. Вот и славно. Пусть только кто-нибудь из здешних соизволит принести ей пищу.

Ждать пришлось достаточно долго, но она уже давно научилась терпению. Дверь-хэльд ожила, появился молодой на ее взгляд человек с зажатыми в руках тарелками и кувшинчиком с алой жидкостью. Лейт подождала, пока он поставит все на пол, потом обогнала жреца, оказавшись между ним и дверью, и выставила вперед руку с кольцом. Жрец замер, таращась на нее с непониманием, и она, совсем недавно научившаяся ценить свою красоту и пользоваться ею, позволила губам растянуться в нежной, волнующей полуулыбке.

— Ты ведь знаешь, что оно означает? — спросила она полусшепотом.

Покрасневший молодой жрец сделал несколько жестов, убеждаясь, что кольцо подлинное — оно вспыхнуло радугой, откликаясь на его воздействие, и лишь потом склонился перед Лейт в почтительном полупоклоне. Подавив искушение заставить его снять золотые браслеты, она выдавила очаровательную улыбку и попросила его самым милым голосом, на который только была способна в этот момент.

— Я должна поговорить с его светлостью первым жрецом наедине, без свидетелей. Дело особой важности, никто не должен заметить меня по пути в его покои.

Жрец задумчиво потер переносицу.

— Здесь особая система охраны. Если у вас нет охранного знака, сработают сигнальные хэльды.

— А ты можешь добыть мне этот знак? — спросила она с волнением.

— Наверно смогу, — нерешительно сказал он. — А вы уверены, что больше никто не должен знать о вашем визите? Мне было бы проще отвести вас к Риварду, он тут недалеко...

— Нет, — твердо сказала она. — Только первый жрец. Это, собственно, его приказ, — добавила она, полагаясь на интуицию. — Потом я должна буду исчезнуть из святилища так же незаметно, как и попала сюда.

Жрец хмыкнул.

— Попали-то вы достаточно заметно.

Лейт уверенно покачала головой.

— К сожалению, это был единственный безопасный для нашего дела способ, — и видя, что у жреца вытянулось лицо, она сделала глаза предельно серьезными. — Вы обязаны мне помочь. Речь идет о безопасности риалларского Колодца...

Парень вздрогнул, изменившись в лице.

— Я попытаюсь.

Когда он ушел, Лейт, чтобы успокоиться, принялась есть. Съедобно, но невкусно. Пока они тут жили, готовил или Тэйн, или она сама, или они вместе — он с удовольствием отыскивал на Острове телларианские продукты и рассказывал ей и Данире, как с ними обращаться. Данира кухни не знала и даже с ножом обращаться не умела, что изрядно позабавило их обоих...

Что же все-таки произошло с Ройгом, неужели все так плохо, как нарисовала Данира, неужели он не сумеет найти выход из создавшегося положения, как находил раньше? Может, ей самой попытаться... Она успела убедить себя, что ни осложнившиеся отношения с Джерхейном, ни желание объясниться с Вельгом, ни страх перед возвращением домой, в однообразно патриархальный мирок харрана с перспективой жизнью вдовы, а именно страстное желание вернуть бесценный талисман было истинной целью ее путешествия. Страх давно отступил на задний план, она отбоялась свое еще в Риалларе, выполняя поручение Холгойна. Ее тихая жизнь бесповоротно изменилась в тот момент, когда она уехала из родного дома, и теперь уже никогда не станет прежней. Лучше не обманывать себя: даже если Пришествия не случится, жить так, как жила раньше, она уже не сможет. Не захочет.

Жрец вернулся с маленькой брошкой, такой же, как и у него самого, и велел Лейт приколоть ее к одежде.

— Ты можешь узнать, чем сейчас занят его светлость? — спросила она, пока он вел ее по лабиринтам ослепительно белых коридорчиков.

— Уже узнал, — улыбнулся он. — Разговаривает с женщиной из клана Следящих. Скоро должен освободиться.

Лейт вздрогнула. Это наверняка Данира... Если бы можно было ей хоть чем-то помочь...

До покоев Менарта они добрались быстро и беспрепятственно, никого не встретив на пути. Перед дверью Лейт остановилась — здесь была не просто Дверь, а Дверь-хэльд.

— Ключ простой, — успокоил ее юный жрец и заставил повторить несколько бессмысленных на ее слух слов. — Он тут везде одинаковый, больше от случайных посетителей, чем от своих.

Шагнув вперед, она очутившись в просторном полутемном зале. Интересно... Первый жрец Кэлленара равнодушен к темноте — как это странно, как непривычно для островитянина. Лейт обошла комнату с затемненными стенами, украшенную светильниками и узорами паутины, почти без мебели, потом отправилась в другую, потом — в следующую...

Талисман нашелся в той из комнат, что Лейт сочла спальней. Удобное плавающее ложе, несколько ниш, прикрытых узорчатыми портьерами, за которыми обнаружилась одежда и предметы домашнего обихода. Она остановилась у висящих ступеньками полок, на которых с

разными бытовыми мелочами, и тут увидела два синих камня рядом с несвежим полотенцем и изящным кувшинчиком из телларианского металла. Беспечность это или презрение, подумала она, протягивая руку за своим талисманом и за последним из оставшихся артефактов, и не решаясь их взять. Он так уверен, что никто не осмелится забрать столь важную вещь или...

Да кому она может показаться важной, усмехнулась она сама себе. Простенькое украшение, ничем не примечательное. Чтобы пробраться сюда, нужно пройти десятки заслонов, ловушек внутренних храмов, обмануть те самые охранные хэльды, о которых упоминал молодой жрец. И, наконец, мало кто понимает, что это за штукавина.

Лейт схватила камни и поспешно сунула их в карман шаровар. Пусть только попробуют отобрать... Оглядевшись по сторонам, она обнаружила на одной из полок короткий кинжал с искусно украшенной рукоятью, и удовлетворенно улыбнулась. Первый жрец Кэлленара не слишком-то доверял хэльдам-стражам и хэльдам-дверям. Она взяла оружие и, осторожно спрятав его в рукав, торопливо вернулась к выходу и, произнеся нужные слова, выскользнула в коридор.

11. Знакомство с Конклавом

(Сезон Пробуждения. Агваллар, Зар Ала)

Везение кончилось в тот момент, когда в зал Дверей вошел немолодой жрец. Вошел и застыл, увидев чужака, да еще телларианина, без браслетов, в неподобающе коротком пейере и шароварах и с такой физиономией... Тэйн коротко ругнулся и скользнул к жрецу, вскинувшему руки, на кончиках пальцев которого уже проступило кружево урд-знаков. Еще немного, и он получил бы в лоб защитным заклятием... В ту же секунду он разгадал, что это будет за конструкция, перехватил запястья жреца, не дав соединиться ладоням. Один знак все же сорвался, Тэйна слегка оглушило, но рук жреца он не выпустил. Оттолкнув его от себя, Ройг подался вперед, скользнул под взмах руки и обхватил шею. Жрец мягко опустился на пол, погружаясь в сон, а Ройг принялся поспешно стаскивать с него одежду. Дело было даже не в жреческом балахоне, а в маленьком значке, пришитом к вороту. Ройг, помня рассказы Вельга и Даниры о внутреннем устройстве Зар Израна, знал, что без этой маленькой броши ему в центральном святилище делать нечего.

Он оттащил голое тело в угол и оставил там, бросив поверх свою бывшую одежду. Потом, поразмыслив, направился обратно к хэльдуг Дверь, ведущему в святилище бога морей.

Там по-прежнему было тихо и пустынно. Тэйн вернулся к хэльдуг Окно и, больше не ни секунды не колеблясь, вызвал изображение Вельга.

Тот, как ни странно, все еще болтался у здания городской охраны.

— Наконец-то от тебя будет польза, — заявил Ройг, не давая тому прийти в себя. — Возьми мой меч и иди в святилище Илбара. Знаешь, где там залы хэльдов?

— Найду как-нибудь, — ответил Вельг со злостью. — Вот ты и попался, придурок. Да еще и Лейт подставил. И эту свою белобрысую...

Ройг не дал ему продолжить.

— Давай быстрее, у меня мало времени.

И погасил Окно, ни на мгновение не сомневаясь, что Вельг сделает все, как надо. Пора бы уж ему перестать быть законченным идиотом.

Вельг действительно пришел, принес пояс с ножами, в которых лежал меч. Ждать пришлось долго, но Тэйн использовал это время с пользой — побродил по залам святилища, прикинул, где что расположено. Дважды он едва не наткнулся на жрецов, и оба раза удачно успевал отступить и спрятаться. В святилище было удивительно пусто. Пустота быстро перестала удивлять — учитывая гигантские размеры залов и бесчисленное множество комнат, здесь можно было потеряться так же, как и в илломайнском лабиринте.

Спрятав пояс с мечом под жреческим балахоном, Тэйн в двух словах пересказал Вельгу историю своих приключений. Хмуро и сосредоточенно выслушав его, Вельг заявил, что следует сматываться с Острова как можно скорее.

— Собери вещи, купи на базаре как можно больше припасов в дорогу и жди поблизости от входа во вторую Ала Ари, — велел ему Ройг, морщась от мысли, что придется ему довериться. — Если к началу суты я не появлюсь или не свяжусь с тобой через Окно, делай, что хочешь.

Когда Вельг ушел, Тэйн отправился на поиски какого-нибудь жреца. Ему нужен был проводник, а уж средство убеждения у него теперь имелось. Черные браслеты он хотел

приберечь на будущее, для более достойных противников. Прорезав в хламиде дыру, так, чтобы удобно было вытаскивать меч, он отправился в сторону Купола Служб.

Нужный человек нашелся в следующем зале. Тэйн незаметно наблюдал за ним, выбирая момент и осматривая очередное помещение — темный и тесный зал, освещенный не привычными на Острове хэльдами, а телларианскими свечами. Гигантское скульптурное изображение Илбара, нависавшее над двумя рядами низких каменных скамей, было покрыто черно-красными знаками ши-ала, огненные волосы божества — заплетены в косы, глаза мерцали отблеском множества свечек — редкая ипостась "Илбар Гневающийся", не слишком популярная на Телларе, встречалась только в самых крупных наземных святилищах.

Ройг осторожно вытащил меч из ножен и бесшумно направился к сгорбленной фигуре на первой скамье. Несколько мгновений он стоял за спиной жреца, ожидая, что тот обернется, но жрец что-то тихо шептал себе под нос и, казалось, даже не заметил незваного гостя. Тэйн осторожно дотронулся до него острием меча и подождал, пока перепуганный насмерть жрец перестанет дергаться и обретет возможность членораздельно разговаривать. Потом поймал его, рванувшего к ближайшему выходу, за руку и приказал, для убедительности ткнув рукоятью под ребра:

— Пошли к Менарту.

— Но я...но он... — забормотал жрец.

— Все что от тебя требуется — это показать мне дорогу, — объяснил Ройг терпеливо.

Жрец оказался на удивление послушным — то ли никогда не видел настоящего оружия, то ли как раз слишком хорошо знал, что это такое. Он шел быстро, не пытаясь удрать, сворачивал в боковые коридоры, если видел впереди других жрецов, не задавал лишних вопросов — видимо, решил, что первый жрец Кэлленара во всем разберется сам. Хотя, может быть, тихий послушный жрец вел его в ловушку...

Жрец остановился перед дверью-хэльдом и кивком указал на нее Ройгу.

— Это личные покои его светлости. Я не имею права входить туда.

Серебристая с розовым оттенком пленка двери неожиданно подернулась поволокой и расступилась, выпуская кого-то не слишком похожего на владельца покоев. Смуглая девушка в одежде богатой горожанки — белоснежный пейер и шаровары, густая масса шелковистых каштановых волос убрана белоснежными паутинками — материализовалась прямо перед ними и, осознав, что не одна, отпрыгнула назад, выставив навстречу кинжал. Тэйн придержал жреца за плечо, потому что бедняга шарахнулся в сторону с тяжким стоном, и узнавшая его Лейт облегченно вздохнула, опустила руку с кинжалом, но рукоять не выпустила. Оглядев проводника, она лишь коротко кивнула и вытащила из-под пейера камешки.

— Боюсь, помочь Данире будет непросто, — сказала она, пряча их обратно. — Я слышала, что ее поставили перед хэльдом Истина...

— Где они? — рыкнул Тэйн, встряхивая проводника.

Тот послушно тронулся вперед.

Ни в зале хэльдов, неотличимо похожем на тот, в котором Ройг побывал в святилище Мейра, ни в просторном пустом зале с одним единственным хэльдом Истина никого не оказалось. Тэйн и Лейт переглянулись испугано и растерянно.

— Где они еще могут быть? — снова тряхнул Ройг своего проводника. — Я хочу сказать — Кимр, Менарт, кто там еще... Эти ублюдки Следящие...

— Я покажу... — пробормотал жрец.

Он провел их почти через все святилище, мимо хранилища Свода — Тэйн узнал его, вспомнив хэльд, отделяющий от него маленький светлый зал, — через помещения поменьше и поскромнее, явно предназначенные для самых обыденных вещей — занятий, трапез, отдыха, и остановился еще перед одной дверь-хэльдом, опять же, неуверенно затормозив на пороге. Тэйн толкнул его к противоположной стене и аккуратно усыпил давно отработанным способом. Усадив жреца на пол, Ройг повернулся к Лейт, разглядывающей розовую пленку двери с поразительным хладнокровием.

— Ты уверен, что справишься с ними? Менарт и Кимр вдвоем — серьезные противники. К тому же они наверняка не испугаются твоего меча, — спросила она будничным голосом.

Тэйн пожал плечами.

— Мне терять нечего. Тебе же лучше уходить отсюда и вместе с камнями вернуться на Теллар. Думаю, у Вельга и Кельха получится вывести тебя с Острова. Мы вытащим Кельха затем сходим в галерею хэльдов, я вызову сюда Вельга и он проводит вас через все святилища Горы. А мы с Данирой... Если получится, мы выберемся отсюда следом за вами, если нет... Даллан и Кельхандар прекрасно справятся и без нас.

Она покачала головой.

— Мы пойдем вместе. В конце концов, у меня есть кольцо Кианейт. Очень убедительная оказалась вещь...

Ройг с легкостью нашел нужный для Двери ключ. Взяв Лейт за руку, он шагнул вперед, готовясь, если понадобится, молниеносно вытолкнуть ее обратно.

Там, на другом конце сумрачного прохладного зала, утопая в огромных креслах, похожих на телларианские, потягивая что-то из прозрачных кубков, вели неторопливую беседу трое старейшин. Кимр, расслабленно прикрыв глаза, прислушивался к тихому монотонному голосу Менарта. Ройг узнал его по росту — глава Конклава был выше остальных чуть ли не на голову. Третий собеседник — невысокий и щуплый, ничем не примечательный человек — казался самым безобидным из компании, если бы Тэйн вовремя не разглядел черного паука на груди его хламиды. Следящий. И скорее всего, не простой, а старейшина клана. Ройг уже несколько раз уловил свое имя и имя Даниры. Следящий слушал молча, Кимр недовольно покачивал головой, Менарт продолжал бормотать.

Оставаясь незамеченным, Тэйн пересек пустой зал. Лейт неслышно двигалась следом, а когда их наконец обнаружили, мгновенно оказалась напротив Ройга, почти рядом с Менартом. Нож лежал у нее в ладони, прикрытый широким рукавом пейера, рука покоилась на бедре в одном броске от главы Конклава.

Следящий не шевельнулся в своем кресле, лишь на лице его отразилось удивление, которое он быстро подавил, приняв бесстрастный вид. Кимр вскочил на ноги, по-рыбьи хватая воздух ртом, Менарт растеряно переводил взгляд с одного на другого. В конце концов он, не скрывая страха, уставился на Ройга, предоставив Кимру право первому начать выяснение обстоятельств.

— Как ты... — начал третий жрец, но Тэйн перебил его.

— Мне нужна Данира.

Кимр споткнулся и продолжил.

— Как ты вообще здесь оказался? Как у тебя хватило наглости...

— Коли уж ты здесь, нам нужно задать тебе несколько вопросов, — Менарт явно

пришел в себя и торопился перехватить инициативу. — Мы не одобряем тех теллариан, которые посещают нашу столицу без нашего дозволения. Тем более ты пробрался в святилище обманом. Трудно поверить, что ты преследовал некую благородную цель, совершив по пути столько преступлений, к тому же вынудив встать на путь обмана жреца касты Следящих. Думаю, Тэйн Ройг, у тебя еще есть шанс объясниться. Если твоё объяснение будет правдивым.

— Никаких объяснений, — отрезал Ройг. — Мне нужна Данира.

Кимр побагровел, но, покосившись на Менарта и убедившись, что тот спокоен, сдержал гнев. Глава клана Следящих (тут Ройг вспомнил, что его звали Ривард) с любопытством и хладнокровием наблюдал за всеми действующими лицами.

— Она предала нас, — огрызнулся Кимр.

— Она предала весь Остров, поддавшись ведомому, — добавил Менарт.

— Мне было бы интересно услышать подробный рассказ о том, как тебе это удалось, — сказал Ривард. — В нашей истории случались подобные вещи, но так редко, что последний, наверно, был до прошлой телларианской Катастрофы. Если бы ты, мальчик, не схватился тогда за Проклятый клинок, я бы настоятельно рекомендовал тебе остаться на Острове. В тебе что-то есть. Но увы... Ты умрешь уже за то, что пробрался на Остров без разрешения. Не говоря уж обо всем остальном.

— В твоих интересах быть покладистым и сговорчивым, и тогда ты просто уснешь, не заметив смерти, — процедил Кимр сквозь зубы, однако, заметив на пальце Лейт кольцо своей дочери, застыл, медленно закрыв рот. Тэйн наслаждался его идиотской физиономией и насмешливо закончил:

— В противном случае вы наденете на меня вот это, — он достал черные браслеты, погремел ими, и затем, бесцеремонно вытащив замешкавшегося Кимра из кресла, защелкнул их на его запястьях. — Всю дорогу для тебя берег, — ехидно прокомментировал он, когда третий жрец попытался оттолкнуть его и сразу же со стоном оперся о стол. — Ключ от этих шпучек я перенастроил, пока осматривал местные достопримечательности, — Тэйн толкнул смертельно бледного Кимра в кресло и с отвращением сморщился, когда тот взвыл от боли. — Так что снять их могу только я, — он достал меч и двинулся к Риварду. — Лейт, поддержи Менарта, он нервный, может ненароком обо что-нибудь повредиться, — подождав, пока она усадит обратно попытавшегося вскочить главу Конклава, угрожая ему кинжалом, он обратился к Следящему. — Мне нужна Данира. Немедленно. Я вижу, здесь есть Окно, — Тэйн кивнул в сторону трех хэльдов на противоположной стене. — Прикажи привести ее сюда.

На лице Следящего появилось и исчезло странное выражение, то ли страха, то ли сомнения, но как только он поднял на Ройга глаза, оно сменилось насмешливым любопытством.

— Это и есть тот самый клинок? — спросил он, подавшись вперед и глядя на меч в руке Ройга. — По правде сказать, всегда мечтал наяву увидеть легендарное оружие, одно лишь прикосновение к которому способно убить Следящего.

— А попробовать на своей шкуре? — хмыкнул Тэйн, бесцеремонно вспоров балахон как раз по центру паука и обнажив худую впалую грудь, на которой тоже обнаружился паук — татуировка, клеймо клана. Ривард вздрогнул и попытался отстраниться, но сзади была только спинка кресла, поэтому он вжался в нее, с опасением следя за острием. — Мне нужна Данира.

— Ничем не могу тебе помочь, — вмешался Менарт. — Она так боялась выдать твои тайны, что убила себя, когда мы приблизились к хэльдугу Истина. Каждый посвященный Кэлленара знает необходимое сочетание слов и знаков...

Тэйн даже не оглянулся на него.

— Мне нужна Данира, — острое меча ткнулось прямо в центр татуировки. — Немедленно.

— Это правда, — выдавил Следящий, на лбу которого выступили капельки пота. — Это случилось незадолго до твоего появления... здесь. Если не веришь, можешь посмотреть в хэльд, — он осторожно кивнул в сторону хэльдов.

Тэйн молчал. Потом, перебросив меч в левую руку, правой поднял Следящего за шиворот и потащил к хэльдам, по ходу дела отметив, что Менарт повернулся в их сторону настолько, насколько ему позволила Лейт, и даже Кимр, скованный черными браслетами, слегка развернул тело, охая и кривясь от каждого движения. Страх и ненависть, бушующие в его душе подобно пожару, позволили беззвучно оживить Окно, он отметил удивленный возглас Менарта, но тут поверхность хэльда показала женщину в белом балахоне Следящих, лежавшую уже не на плавающей кровати — на полу. Бледное лицо ее стало совсем серым, глаза... Увидев остекленевшие глаза, Тэйн понял, что жрецы его не обманули.

Погасив хэльд, он сгреб Следящего за распоротую хламиду.

— Пошли туда, я хочу убедиться сам.

Когда Ройг и Ривард покинули зал, Лейт осталась наедине с Кимром и Менартом. Глава Конклава сразу же попытался подняться, но Лейт проворно усадила его обратно, при этом, правда, слегка оцарапав шею.

— Я не очень ловка с оружием, — предупредила она холодно. — Лучше сидите тихо.

Менарт откинулся в кресле и попытался поднять голову, чтобы увидеть ее, но Лейт бесцеремонно шлепнула его по макушке.

— А что понадобилось на Острове несовершеннолетней девочке из ард элларского харрана? — спросил он, пригнувшись. — Неужели Андриан Вельг так запал тебе в душу, что ты бросилась его разыскивать? — в голосе появилась насмешка, и Лейт снова надавила на клинок, так, что он дернулся, но заставил себя сидеть смирно. — Поверь мне, девочка, он самый обыкновенный мерзавец и совершенно не стоит твоего внимания. Я думаю, тебе следовало бы вернуться домой, к родителям, они давно беспокоятся, почему ты не с ними...

Лейт терпеливо ждала, пока он закончит, потом, подумав, решила не отвечать, опасаясь, что он отвлечет ее разговором и вырвется. Кимр замер в своем кресле в нелепой позе, с перекошенной физиономией и тяжело дыша. Заметив, что Менарт шевелит пальцами, она изо всех сил стукнула его кулаком по затылку.

— Я ничего не понимаю в кэн-ли, — сказала она рассержено, — но если ты соберешься что-нибудь выкинуть — нож я всадить успею.

Его руки успокоились, хотя она заметила в воздухе над столом тающие золотистые огоньки.

— И все же хотелось бы узнать, зачем вы предприняли это рискованное путешествие, — продолжил первый жрец после паузы. — Только ради Вельга и Даниры? Верится с трудом.

— Если я скажу, вам и с трудом не поверится, — отрезала она.

— А ты попробуй, — Менарт попытался улыбнуться, однако улыбка вышла кривоватой из-за приставленного к шее ножа. Не дождавись ответа, он вздохнул. — И чего вам дома не сиделось? Как вы собираетесь отсюда выбираться? Да как только вы выйдете из этого зала,

вас остановят на следующем же повороте. Даже если каким-то чудом вы выберетесь из святилища, в Зар Але вы не успеете добежать даже до ворот!

Лейт не ответила. Добрался же сюда Тэйн! Она решила не разговаривать и не слушать их, сосредоточив свое внимание на руках Главы Конклава. Пальцы его пытались что-то нарисовать, она испуганно оглянулась по сторонам, пытаясь обнаружить следы магических действий, но ничего не нашла и стала ждать, надеясь, что Тэйн успеет раньше, чем Менарт выкинет какую-нибудь гадость.

Ройг вернулся не один — с Кельхандаром. Риварда он по-прежнему тащил за шиворот. Взглянув ему в глаза, Лейт убедилась, что жрецы не обманули насчет Даниры. В них плескалась такая бездонная боль, что она невольно вздрогнула и отвела взгляд. Тэйн отпустил Риварда настолько неожиданно, что тот едва не рухнул на пол, перехваченный Кельхандаром, который бесцеремонно снял с того изящный плетеный пояс и принялся деловито связывать ему руки. Ройг остановился перед Менартом, глядя на него со странным выражением, таким, что Лейт стала опасаться за жизнь главы Конклава. К счастью, меч его не покидал ножен, но...

Менарт неожиданно взмахнул руками, явив в воздухе кокон пылающих огнем линий, заключивших Тэйна в сияющую сферу, и, воспользовавшись тем, что его противник замер в неподвижности, вывернулся из-под клинка Лейт и бросился к двери. К счастью, Кельхандар, оттолкнув Риварда, взмахнул руками и что-то невнятно выкрикнул, и Менарт рухнул, как подкошенный, на пол, словно споткнувшись о невидимый барьер.

Тэйн медленно высвобождался из светящегося кокона. Лейт казалось, что волокна его реальны — тоненькие и прочные ниточки, застывшие в воздухе. Когда она протянула руку, чтобы прикоснуться к ним, Ройг замотал головой, а Кельхандар крикнул ей остановиться. Менарт уже спал, усыпленный хильдом, Кимр, попытавшийся встать из кресла, кулем валялся на полу, тихо постанывая.

— И все-таки, — раздался насмешливый голос Риварда, — какова была цель вашего визита в Зар Алу?

Он стоял в стороне от места схватки, благополучно справившись с некрепко наложенными путами, и глядел на всех троих с прежним насмешливым любопытством.

— Должен же кто-то попробовать остановить катаклизм, — огрызнулся Ройг, только что высвободившийся из кокона.

— Ага, благие намерения... — хмыкнул тот. — Что ж, похвально. А ты в курсе, мальчик, что умрешь прямо на Колодце, если попробуешь?

— Хотите сказать, что Колодец меня убьет? Или дело в шайоле? — переспросил Тэйн с издевкой в голосе. — Ничего, я попрошу кого-нибудь оттащить меня подальше от Колодца, когда все закончится.

— Шиаллах вытянет из тебя жизнь, всю до капли, — ответил Ривард серьезно. — Наши предки использовали жертв, чтобы провести и благополучно завершить ритуал защиты. Иначе никак — сил не хватит. Шиаллах, знаешь ли, язык безжалостный...

— Значит, умру, — отрезал Ройг. — Кстати, раз уж мы заговорили о ритуале, почему бы вам не рассказать, как он проводится и что там за шайола.

— Самоуверенный дурак, — хмыкнул Ривард. — Впрочем, я готов поделиться с тобой этим знанием. Если у тебя получится, у нас станет одной заботой меньше. Там, на столе — перо и бумага, предлагаю сесть и обсудить вопрос в более спокойной обстановке.

Тэйн покосился на двух старших жрецов, беспомощно лежащих на полу. Ривард уже

вернулся за стол, сел в кресло, вытащил письменные принадлежности и принялся быстро чертить что-то на листе бумаги. Лейт осторожно обогнула неподвижные тела, про себя надеясь, что оба живы и позже придут в себя, и остановилась за спиной Риварда, следя за его движениями. Почему он неожиданно сменил гнев на милость? Вряд ли он испугался... Она не прислушивалась к тихому диалогу Ройга с Ривардом, к их коротким язвительным репликам. Лицо Тэйна было угрюмым и злым, в глазах иногда появлялось нечто такое... она не была уверена, что все трое старейшин останутся в живых. Кельхандар стоял вполоборота к ним, она не видела, но чувствовала, как постепенно зал оплетается сложной паутиной боевых заклятий, она понемногу стала ощущать их давящую, парализующую тяжесть.

Наконец Ройг поднялся, кивком поблагодарив Риварда.

— Самое главное для вас — успеть вовремя, — усмехнулся Следящий. — После вторичного угасания колодцев повернуть катаклизм вспять будет уже невозможно.

— Как оно выглядит? — спросил Тэйн.

— Горящие Круги Власти потухнут и станут обыкновенным мертвым камнем. Хэльдов не останется, но Камни-защитники по-прежнему будут способны восстановить работоспособность Кэлленара на очень короткое время — на день-два, не более, за счет личной силы того, в чьих руках они находятся. Ну и конечно, шиаллах, как язык более древний и не имеющий такой жесткой привязки к сетке колодцев, будет вам доступен. Но я повторяюсь — шиаллах — язык сильных и беспощадных людей, не знающих сомнений. И он требует жертв.

— Если моя попытка окажется успешной, как будут выглядеть... обратные изменения? — спросил Ройг, пряча бумагу под одежду.

— Поначалу — никак, — ответил Ривард. — Процесс стабилизации займет какое-то время. Через два-три дня после удачного воздействия потухнут горящие колодцы, постепенно заработают хэльды. Труднее будет вернуть доверие общества к илларам, но постепенно и оно восстановится. Потом...

Ройг смотрел на него, не мигая.

— Мне все равно, — ответил он холодно, — что произойдет потом. Я попытаюсь закончить то, за что взялся.

Первым делом они направились в зал с хэльдами, где Тэйн сразу же вызвал Вельга.

— Ждешь?

Тот взволнованно кивнул.

— Нужны три пары золотых браслетов и одежда попроще, карта Острова и наши дорожные вещи, — выдавил он сквозь зубы. — Ты можешь вернуться в башню и поискать?

— Постараюсь, — кивнул Вельг. — Где вас ждать?

— Там же, где и раньше. У входа во вторую Ала Ари.

Погасив хэльд, он повернулся к друзьям

— Она действительно умерла, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Еще ночью, — он поднял взгляд на Кельхандара. — Насчет Острова — ты и Джер были правы. А я — нет...

— Возвращаемся? — спросил хильд с усталостью в голосе.

— Да. Теперь я знаю, как поступить.

Лейт вздрогнула, услышав ненависть в его голосе.

12. Путь домой

(Сезон Пробуждения. Агваллар, санар — тарс)

Они добрались почти до границы санара и тарса, когда Тэйн ощутил легкий холодок чужого присутствия, словно кто-то исподтишка подглядывал за ним в замочную скважину. За пять триад безостановочного убегания от погони он привык прислушиваться к ощущениям, зачастую предупреждавших о приближении врага задолго до того, как черные пейеры или маленькие группы жрецов, отряженных на его поиски, появлялись в пределах досягаемости. Он уже смирился с пустотой и глухой тоской, воцарившейся в душе со смертью Даниры. И теперь, когда сквозь болезненно дорогие воспоминания стало пробиваться нечто... Он не столько испугался, сколько рассвирепел.

Они продвигались вниз по стеблям корса, почти не отдыхая, разрешая себе лишь короткие периоды сна на хрупких полосках сиуры под раканами. Кто-нибудь из мужчин оставался наблюдать за пространством, поскольку количество патрулей, передвигавшихся на реусах — летающих прозрачных глыбах, — увеличивалось с каждой триадой. Их спасал густой непроницаемый туман, часто окружавший наиболее населенные раканы, который к концу ата густел и держался до середины следующего ира. По его прикидкам, остался один бросок до стен санара, и переход через самую перегородку. В тарсе, среди псевдотелларианского пейзажа, будет гораздо проще укрыться от преследователей.

То, что он увидел, приведенный Ривардом в маленькую каморку где-то в глубине храма, всплывало перед его внутренним взором каждый раз, когда он закрывал глаза. Данира, спокойная и холодная, с бесконечно усталым лицом, с немного виноватой полуулыбкой... Как же ему теперь жить — одному, без нее... Без ангела-хранителя, без любимой...

И поэтому, когда он сообразил, что именно означает этот подозрительный холодок в сознании, решение пришло само собой. Или этот новый Следящий станет его сознательным помощником, или... или он избавится от клейма.

Ройг нащупал тоненькую невидимую ниточку, связавшую его сознание с чужим. Вот оно, зеркало, в котором отражается холодное узкое лицо. Немолодое, с жесткими морщинами. Следящий почти сразу же понял, что его ведомый взял инициативу знакомства на себя, и попытался разорвать связь. Тэйн цепко держал его глаза прикованными к себе, не позволяя отстраниться. Через несколько мгновений он ощутил сильное желание расслабиться и заснуть, но, догадавшись, что именно так им пытаются управлять, прогнал сонливость и снова приковал его глаза к своим. После нескольких попыток навязать усталость, страх, волнение, сомнение и так далее, Следящий с ненавистью выругался, послав своему ведомому изощренное проклятие, и сорвал арангисов с висков.

Остановившись на отдых на узкой кромке перед стеной санара, почти там же, где они вышли из тарса какое-то время назад, Тэйн попросил у Лейт кинжал, который она сохранила еще с бегства из Святилища Илбара, тщательно протер его остатками еще риалларских запасов инты из маленькой фляжки, и подозвал Кельхандара:

— Сможешь? Я хочу от него избавиться.

И он закатал рукав, открыв однообразно черное, но живое клеймо.

Хильд покачал головой.

— Может, лучше на Телларе?

— Он наблюдает за мной, — раздраженно буркнул Ройг. — Он не имеет надо мной

власти, но он тихо смотрит, куда мы идем, и как только мы шагнем в тарс...

— Это ослабит тебя, а нам еще проходить через перегородку, — возразил Вельг, услышавший разговор и решивший вмешаться.

— Иллар ты или нет? — почти закричал Тэйн. — Все, чего мы добились, может пойти прахом из-за одного ублюдка-Следящего!

— Не кричи, — сказал Харриаберт спокойно и устало. — Если ты считаешь, что он действительно опасен, тогда... это единственный выход.

На краю сиуровых болот, когда едкая вонь испарений уже не разъедала легкие, Лейт свалилась, изможденная тяжелейшим переходом и нервотрепкой, и долго лежала неподвижно, слыша озабоченное перешептывание Вельга и Кельхандара. Тэйн упал рядом, тяжело дыша. Лейт чувствовала, что ее поднимают и поят разведенной водой с интой, обтирают лицо и шею, но не было сил, чтобы разглядеть, кто из них двоих делает это. Только бы не Вельг... Ей было страшно до обморока, что он может прикоснуться к ней.

До Небесного Столба, ведущего домой, оставалась всего триада пути.

13. Опоздали

(Сезон Пробуждения, Риаллар, Эргалон)

Небесный столб, вернувший их в Наземный мир, истончился до прозрачности, и если бы Тэйн не обошел три ближайших Круга Власти, восстанавливая их с помощью камней-защитников, они рисковали застрять на Острове до Пришествия.

Увидев раскаленное докрасна небо, выжженные необычной для этого времени года жарой поля, Ройг остановился, потрясенный внезапной догадкой.

— Опоздали? — спросил Кельхандар.

— Может, нет еще? — прошептал Тэйн. — Надо проверить, что там с Кругами Власти...

Эргалон встретил их раскаленным дыханием огня и гробовым молчанием. Пустынные, настороженно тихие улочки столицы оказались непривычно грязными, заваленными обломками камня и дерева, голые ветки раад вздрагивали от порывов горячего, пыльно-песочного ветра, высокие красавцы атлахи кое-где оказались обугленными по самый ствол. Чадили пепелища недавно выгоревших домов, в некоторых местах в прах превратились целые кварталы. Некоторые Круги Власти на площадях и перекрестках все еще пылали мощными столбами пламени, но уже во многих местах некогда прозрачный камень Кругов превратился в мертвый булыжник, мало чем отличавшийся от булыжников мостовой. Часть хэльдов была изуродована людской яростью, часть разрушена, а некоторые и вовсе превратились в груды песка и камней. От пыли, жара и пепла слезились глаза и перехватывало дыхание. Редкие прохожие, завидев вооруженных путников, старались побыстрее прошмыгнуть мимо, и только бродячие таффи и арги, грязные и облезлые, но удивительно наглые, чувствовали себя в родной стихии.

Они ушли из одного Эргалона, а вернулись в совершенно иной, ничем не похожий на прежний.

Озираясь по сторонам с мрачным изумлением, Тэйн торопился к святилищу Ильфейна. Кельхандар, Вельг и Лейт подавленно молчали. Они отсутствовали не так уж долго, но изменения, произошедшие за этот короткий срок, оказались настолько разрушительными, что слов не находилось.

— Это еще хуже, чем Карра, — пробормотал Харриаберт.

— В общем-то, это должно было случиться, — ответил Тэйн хриплым шепотом. — Но я надеялся, что успею.

Он не стал пояснять, что все чаще и чаще вспоминает историю мастера, открывшуюся ему в Арта Сач Сал. Если уж мощное и высокоорганизованное общество Поднебесной империи скатилась в варварство всего за несколько сезонов перед Пришествием, то чего уж ждать от современного Теллара... Что ж, может быть, он еще успеет, ведь не все колодцы разрушились. Впрочем, ему было уже почти все равно. Он решил. Он все решил...

С момента гибели Даниры его ненависть к Агваллару обрела форму и превратилась в навязчивую идею мести: разрушить Остров с помощью шайол, оперируя силами возрожденного Колодца с помощью шиаллаха. Он считал, что у них с Кельхандаром должно получиться. После того, как он остановит Пришествие... А если последнее не удастся, то тем более стоит избавиться от этого проклятого богами куска небесной грязи, чтобы некому больше было вмешиваться в естественное течение жизни в Наземном мире. Джерхейн и

Кельхандар были правы, тысячу раз правы, желая уничтожить Небесный Остров Агваллар, хотя бы за то, что его хозяева сочли себя равными богам, присвоив себе право управлять чужими жизнями. Нет у него больше сомнений, как поступить.

Оставалось только добраться до Колодца.

Святылище Ильфейна уцелело, однако и здесь виднелись следы разрушительного влияния надвигающейся катастрофы: стены носили следы пожара, опустевший Купол служб — следы погрома, Круги Власти по углам зала превратились в булыжники. К счастью, внутренняя, жилая часть здания уцелела, а малые Круги Власти сохранили прозрачность и были полностью пригодны к работе, так же, как и хэльды поблизости.

«Даллан использовал камни, — догадался Тэйн. — Хорошо. Хоть где-то что-то уцелело».

Иллары, встреченные по дороге в святылище и во дворе, вели себя странно: отрешенно молчаливые, какие-то уж слишком углубленные в себя, они то и дело натякались на стены и стволы деревьев, а то и на идущих мимо людей. Когда Ройг окликнул старого знакомого, тот и вовсе не отозвался, будто не слышал. «Следящие», — услышал он шепот Кельхандара и стиснул зубы в приступе ярости. Ничего... Еще немного... Уже скоро.

Даллан нашелся у себя в кабинете, у окна, выходящего на боковую улицу. Тэйн вздрогнул, заметив, как поседел и осунулся глава святылища. Ножны меча, ранее скрывааемые рандом, висели теперь напоказ, и, судя по манере двигаться, Даллан давно уже привык к их присутствию. Впрочем, глаза у него были те же — умные, живые и пронизательные. На скрип открываемой двери он развернулся стремительно и молодо, бросая руку на клинок, но сразу же убрал ее, узнав гостей.

— Ага, все-таки вернулись, — улыбнулся он, и Ройгу стало муторно от этой искренней радости. — Хорошо хоть все живы, — он окинул каждого быстрым и внимательным взглядом, задержавшись на Вельге, но тот лишь задрал подбородок и выдержал его пристальный, чуть насмешливый взгляд. На Ройга он глянул лишь мельком и сразу же отвел глаза. — Пойдемте-ка в трапезную, — предложил он. — Вы, наверно, устали и хотите есть.

Очувтившись там, откуда начался их путь на Остров, Тэйн почувствовал заметное облегчение. Здесь, в отличие от всех остальных мест, ничего не изменилось и никого не было. Он понял, что боится встретиться со своими бывшими собратьями и наткнуться на невидящий взгляд, и поспешил задать вопрос, прежде, чем Даллан сам начнет их расспрашивать.

— Всего несколько дней, — подтвердил тот с горечью в голосе. — Они словно спят наяву. Кроме наших, тех, кого я заставил взяться за меч. Кто-то впал в буйство, похватал оружие, но мы таких изолировали. Кто-то бредит, спорит с воображаемым противником. Илонов, как ты понимаешь, это не коснулось

— Следящие, — повторил Кельхандар, и Даллан согласно кивнул.

— Я и сам так думаю. Что-то они затеяли, эти островные крысы. Ну а теперь расскажите мне вкратце...

Повисло тяжелое и неловкое молчание. Потом Кельхандар, скосив глаза на Вельга, взялся рассказывать. Опуская подробности, убирая эмоции, он немного остановился на описании Агваллара, Зар Алы и всего, что удалось узнать о жрецах. Тэйн не прислушивался к его рассказу, молча обдумывая предстоящий поход к Колодцу. Задерживаться не стоит. Потухшие Круги и красное небо — серьезный сигнал о том, что катаклизм вступил в свою последнюю фазу. Лучше уж поспать в горах, где-нибудь на переходе к Колодцу. Рука

заживала хорошо и почти его не беспокоила, хотя он все еще опасался брать в нее тяжелые предметы или сильно сгибать в локте. Лайдов он не боялся, ловушек и хэльдов Тонхайра — тем более.

Кельхандар продолжал свой отчет, прерываемый резкими комментариями Вельга. Лейт, расслабившись, с трудом поддерживала руками отяжелевшую голову. Измотанные погоней и постоянной опасностью, последнюю триаду они шли не останавливаясь. Она слушала Харриаберта, плавая в полусне и видя перед собой только сумрачные, полные нехорошей решимости глаза Ройга, и никак не могла понять произошедшей с ним перемены — будто не он сидел перед ней, акто-то другой, столь похожий на демона. Она хотела спросить, что пришло ему в голову, но усталость до того овладела ею, что слова не выговаривались. Потом, решила она про себя. Завтра.

— Я хочу отправиться к Колодцу сегодня вечером, — сказал Тэйн, как только Кельхандар замолчал.

— Джерхейн очень ждал тебя, — сказал Даллан медленно. — Ты не хочешь повидаться с ним, прежде чем уходить? Мне кажется, ему есть, что сказать тебе. Например, извиниться.

— В этом нет необходимости, — отрезал Ройг. — Я тороплюсь.

Даллан кивнул.

— Что ж, возможно, ты прав.

— Я пойду с вами, — добавил Кельхандар.

Лейт нагнала Ройга почти у дверей его комнаты. Услышав за спиной ее шаги, он терпеливо ждал, пока она подойдет, не сделав ни шага ей навстречу.

— Ты хочешь уничтожить Остров, — сказала она прямо, догадавшись, что именно это читалось в его непривычно похолодевшем взгляде. Так и не дождавшись ответа, она продолжила. — Там же люди... ты же сам был против, когда Джерхейн...

— Там Зар Изран, — сказал он все с тем же холодом в глазах и в голосе. — Кимр. И еще много чего.

— Тэйн! — Лейт почти кричала. — Неужели и ты тоже?

— И я, — согласился он безжизненно.

— Но ведь Данира откуда-то взялась, — сказала она с отчаянием, — значит, есть такие, как она. Даже среди Следящих, — не зная, как заставить его изменить свое решение, она добавила. — И жители раканов. И молодые ученики — иллары.

— Последних ждет незавидная судьба, — усмехнулся он. — Лучше умереть, чем сойти с ума или превратиться в растение... или в куклу на ниточках.

— Не надо, — повторила она умоляюще. — Это же... несправедливо.

— Пусть, — в его голосе прозвучало отвращение. — Я не вижу другого пути. Остров должен заплатить за все.

— Это гадко, гнусно... — Лейт захотелось встряхнуть его хорошенько, чтобы вывести из состояния бездушной убежденности, но она не была уверена, что он не оттолкнет ее, протяни она руки. — Это... настоящее убийство! Ты... ты же иллар, — схватилась она за последний, важный для него аргумент.

— Пусть, — он повернулся, чтобы уйти. — Теперь мне все равно.

14. В обители Колодца

(Риаллар, Джар Илломайн, Тонхайр)

Путь к Колодцу оказался далеко в стороне от изученной части илломайнского лабиринта. Тэйн, считавший себя знатоком Джар Ил, здесь никогда не был. Вереница маленьких и запутанных коридорчиков-лесенок, начинающаяся от Усыпальницы и замаскированная каменными украшениями так, что до сих пор ее никто не обнаружил, уводила резко вверх и закончилась в гигантском зале неопишуемой красоты. На противоположном конце чертога обнаружились еще коридоры, из которых Даллан безошибочно выбрал нужный. Ройг пожалел, что никогда здесь не был. Кельхандар тоже восторженно озирался по сторонам, шепча, что лайды никогда сюда не забирались. Тонхайр, сердце Поднебесной империи теллов, лежал нетронутый, словно его жители только что покинули свое обиталище и вот-вот вернутся обратно, оживляя всю эту величественную и мертвую красоту дыханием жизни.

Опять череда темных коридорчиков и тесных лесенок, уводивших вверх... Хэльды послушно вспыхивали и гасли на пути, освещая проход. Вереница чертогов поменьше, но таких же роскошных, украшенных драгоценными камнями и причудливыми орнаментами на полу и потолке... Хэльды, надписи на урде, множество отдельных знаков ши-ала и коротких шайол на стенах, арках, на полу. Тэйн скользил по ним взглядом, и постепенно, само собой и без усилий, приходило понимание их предназначения. Исчезнувший мир теллов становился все более ясным, простым и гармоничным, безумно красивым и... безжалостным. Он догадался, что они давно находятся в обители Кэлленара Темного, средоточия знаний о Кэлленаре, неоднократно всплывавшего в воспоминаниях старого мастера. Шайолы, усиливающие Огонь жизни тех, кто приходил в эти чертоги, охраняющие и защищающие, исцеляющие и убивающие — залы были буквально напичканы древней магией. По сравнению с теллами, современные адепты Кэлленара были даже не учениками — детьми.

Когда путь, наконец, закончился перед узенькой лестницей, уводившей во тьму, Даллан резко остановился.

— Колодец — там. Я не пойду, лестница очень уж длинная, — и он пристально посмотрел на Ройга. — Я думаю, что жрец сказал тебе неправду, утверждая, что Колодец заберет у тебя жизнь. Если что, — он перевел взгляд на хильда, — он тебя вытащит. Ну все, идите. Илбар с вами, мальчики...

Лестница, узкая и неудобная, круто поднималась вверх и под конец уперлась в такую же узкую и высокую арку. В просторном сумрачном зале, лежавшем за ней, не обнаружилось ни одного светильника, потолок и дальние его части терялись во мраке, и лишь неправильный овал с рваными краями светился в самом центре, излучая отталкивающий красный свет. От него веяло активной, злобной агрессией, осязаемой, почти разумной неприязнью, волнами распространявшейся в такт едва заметной пульсации.

Колодец.

Тэйн, сдерживая страх и волнение, медленными шагами подошел к нему. Ровная, гладкая поверхность реагировала почти так же, как кйти — вспышками цвета, игрой бликов, едва осязаемой вибрацией пола и стен. Он обошел вокруг него, надеясь обнаружить что-то кроме бесформенной красной кляксы, но зал, в котором находился Колодец, был самой обычной пещерой, без привычных для теллов украшений и орнаментов. Кельхандар тоже

осмотрелся, потом вернулся к выходу и сел на пол, неотрывно следя за Ройгом.

Один за другим Тэйн выложил камни на поверхность Колодца и поспешно отошел назад. Он надеялся, что с Колодцем произойдет то же самое, что и с Кругами, но реакция была совершенно иной — красное свечение уменьшилось, а свод пещеры отозвался слабой, но отчетливой вибрацией. Теперь следовало решиться сделать именно тот шаг, который он столь тщательно обдумывал всю дорогу во время бегства из Зар Алы. Да, мощи Колодца должно хватить, чтобы направить силу разрушения, им накопленную, против ненавистного Острова. Шайола, длинная и труднопроизносимая, была выстроена в его воображении и продумана до мелочей. Принцип воздействия был тот же, что использовался островитянами во время осады Риан Ал Джара, только многократно усиленный и точно направленный. Ройг не сомневался, что шайола не причинит ему никакого вреда — перед ним был неисчерпаемый источник Огня жизни, главное, чтобы у него хватило умения совладать с ним.

А если он все-таки не справится... Кельхандар до мелочей знает, как именно ему дальше поступить.

Он убрал камни с поверхности Колодца, отложив их в сторону. Итак... Медленно и осторожно, один за другим, он нарисовал над серединой Колодца знаки ши-ала, и когда они обрели видимость, объем и налились бордовым светом, он зачерпнул Огонь жизни прямо из Колодца и связал их прочной невидимой нитью. Шайола ожила, воплотившись в сложный живой узор, ужасающий в своей мощности и смертоносности. Кельхандар ахнул у Ройга за спиной, прошептав «ты сошел с ума...» и попятился в безопасную тьму лестницы. Тэйн выдохнул и взмахнул двумя руками, иницируя воздействие.

...Очнулся он на полу у стены, оглушенный и не соображающий, что произошло. Шайола по-прежнему висела над Колодцем, такая же, как и была, гул и вибрация усилились, багровая поверхность подергивалась алыми вспышками. Отдышавшись, Тэйн поднялся на ноги и повторил жесты. И снова оказался на полу, отброшенный невидимой яростной силой. Подобравшись на четвереньках к краю Колодца, он упрямо повторил жесты, влив в них как можно больше позаимствованного Огня жизни. И снова его ударило невидимым ветром, сбивая с ног и отбрасывая к стене и.

Что ж, у него были и другие идеи.

Несколько раз он перестраивал шайолу, меняя в ней ключевые элементы, добавляя те знаки ши-ала, что несли смерть и разрушение, связывая их не просто Огнем жизни, а ненавистью, пропущенной через свое сердце. И каждый раз результат был одинаков — некая почти разумная сила отшвыривала в сторону, оставляя неизменными плоды его безумных трудов.

В конце концов вмешался Кельхандар и оттащил его подальше от безнадежного единоборства с полумразумной стихией, в спасительную тень лестницы.

— Хватит уже, — проворчал он. — Попей вот, — протянул он фляжку с водой.

— Попробуй ты, — сказал Ройг, жадно отхлебывая. — Может, у тебя получится?

— Вряд ли, — ответил тот. — Я тут подумал... Уничтожить Остров может только равный тому, кто его создал. Творец, понимаешь? Тот, кому дано изменять миры. Я читал об этом в Арта Син Рен, Книге Круговорота. Ты не Творец... да я тоже. У нас не получится.

Тэйн подумал о телле, мастере хэльдов, создавшем Остров. Возможно...

— Ты же умеешь создавать хэльды, — обратился он к хильду. — Попробуй.

Тот лишь покачал головой.

— Я знаю, что у меня не выйдет, — твердо ответил он.

— Тогда надо сделать то, зачем пришли, — прошептал Ройг.

— Надо... — согласился Харриаберт.

Посидев в успокаивающей, приятной тишине, он поднялся на ноги и снова шагнул к Колодцу. Видимо, придется исполнить то, к чему они стремились так давно и так упорно.

...Счет времени он потерял, еще когда первый раз очутился лицом к лицу с древней стихией. Слова той, правильной шайолы, гремели подобно громовым раскатам, и белоогненный вихрь рассеял мрак старинной обители Колодца, осветив каждый уголок погребенного под тяжестью горы самого первого и самого последнего святилища теллов. Он управлял и контролировал поток стихий с помощью одного из камней, остальные артефакты откликались ярким, чистым светом и музыкальными тонами, сливаясь в одну странную, торжественно-печальную мелодию. Порою она ослабевала под напором резкого диссонанса, вносимого Колодцем, но, набирая силу, с каждым мгновением становилась все громче и громче. Ройгу казалось, что завершение близко, когда багровые волны, сорвавшиеся с поверхности Колодца, заглушили мощное и слаженное звучание артефактов, сметая вместе с музыкой и сам вихрь. Тэйн чуть было не упал на колени от неожиданного толчка, но, устояв и отдышавшись, принялся строить все с самого начала.

...Ему приходилось начинать снова и снова, потому что нечто чуждое и неуправляемое, не имевшее определения, истекало из Колодца и каждый раз оказывалось сильнее. Ройг был упрям, дав клятву, что не уйдет, пока не одержит верх над враждебной стихией. В конце концов музыка, создаваемая камнями-защитниками, пересилила мрачную какофонию Колодца, и алые вспышки, словно множество злобных ненавидящих глаз, перестали метаться по пещере, сменившись спокойным малиновым сиянием.

Тогда он отошел назад, еще не осознавая своей усталости и не чувствуя опустошенности, и оставил камни на поверхности Колодца. Кельхандар помог ему спуститься по лестнице и уложил на каменное ложе в одной из пещер неподалеку. В душе воцарилось странное спокойствие, сравнимое разве что с мрачным молчанием родовых усыпальниц. Хильд сунул ему лепешки и сыр, Тэйн механически сжевал их, не чувствуя вкуса, полежал, вспоминая произошедшее, поднялся на ноги и побрел обратно к лестнице.

Надо было убедиться, что все получилось.

Когда он снова шагнул под свод большой и сумрачной пещеры, багровое отталкивающее пятно неправильной формы вновь испускало свои убийственные волны. Камни молчали, темные и безжизненные, словно сгоревшие.

— Адовы облака... — ахнул Кельхандар.

Колодец откликнулся на каждый шаг, встречая его почти осязаемым противодействием. Тем не менее Тэйн забрал каждый из предметов и, повернувшись к Колодцу, сказал ему, словно живому, со всей ненавистью, на которую был способен:

— Посмотрим, кто кого...

Колодец полыхнул, впитывая его слова, словно сухая земля воду, и засветился сумрачно-красным сиянием. Осознав, что лишь добавил ему силы, Ройг поспешил убраться, разглядывая потемневшие камни. Впрочем, они лишь потускнели. Полежав в его руках, они снова обрели прежнее синеватое свечение.

...Тэйн пытался снова и снова, каждый раз побеждая музыкой камней возмущенный голос Колодца, и каждый раз после паузы все возвращалось в прежнее состояние. Он отдыхал, позволяя себе длинные перерывы на сон и восстанавливая силы, а затем снова

кидался в атаку. Он попытался изменить слова шайолы, предложенной Ривардом, усиливая ее. Огненный вихрь становился не просто огромным — гигантским, но тем не менее, с каждой попыткой голоса камней-защитников становились все слабее и слабее, а ему самому стоило огромного труда поддерживать их звучание и сопротивляться песни смерти и хаоса, прорывавшейся сквозь их мелодию. И когда, наконец, после очередной попытки их некогда чистые голоса замолкли совсем, он в отчаянии швырнул камень в руке в дальний угол пещеры и проклял Колодец, коротко и страшно. Кельхандар, обнаруживший лежащего Ройга почти у самой границы багрового сияния, силой выволок его из пещеры.

— Я попробую завтра, — пробормотал Тэйн, закрывая глаза и вытягиваясь на каменном ложе. — Нужно подождать, пока...

Он не договорил, потому что не знал, чего именно ждать. Кельхандар мягко покачал головой.

— Когда я увидел багровое небо, я был почти уверен, что мы опоздали, — сказал он тихо. — Так и случилось.

— Все равно надо было попробовать, — буркнул Ройг.

Они молчали. Тэйн лежал, не шевелясь, опустошенный и равнодушный. Ничего не получилось. Ни Остров разрушить, ни Теллар уберечь. Все. Конец.

— И что дальше? — спросил Кельхандар буднично.

— Ничего, — пробормотал Ройг. — Доживем до Пришествия. Может быть, выживем... Выживали же раньше люди после катастроф, — тут он вспомнил о втором острове, созданном старым мастером, и рассказал о нем Кельхандару.

— Отсюда нет пути на Ночное солнце, — ответил хильд печально

— Ночное Солнце? — изумление на некоторое время притупило горечь, и Ройг даже умудрился принять вертикальное положение. — Так это тот самый, второй небесный Остров?

— Ты не знал? — в свою очередь изумился хильд. — Я думал, ты видел это в Книгах...

Тэйн покачал головой.

— Я видел, как его создали. Но что это — наше Ночное Солнце... Откуда мне знать?

— Там не бывает Пришествия, потому что там нет Кэлленара, — сказал Харриаберт.

— А ты уверен? Откуда ты знаешь об этом?

— Оттуда же. Прочел в Книге Круговорота.

— А там случайно нет ответа, как туда попасть?

— Не знаю, — вздохнул Кельх. — Сам же понимаешь — каждый читает в Книгах что-то свое. И не всегда понятное... Я видел Ночное Солнце как пример силы Творца, когда вникал в устройство нашего мира.

Тэйн медленно опустился на свое каменное ложе и снова закрыл глаза.

— Может быть, где-нибудь в Книгах есть ответ, как остановить Пришествие?

— Думаешь, его не искали в них до тебя? — усмехнулся хильд.

Ройг молчал.

— Пойдем, что ли? — предложил тот.

— Зачем?

— Надо сказать Даллану и Лейт... Я, пожалуй, вернусь к себе в Лахлайд, — Кельхандар насильно поставил Ройга на ноги и подтолкнул в обратную от Колодца сторону. — Лайды и раньше переживали Пришествие. Главное — пережить подъем кийти и вовремя подняться выше уровня земли и тех мест, где она вытечет на поверхность.

— Зачем? — тупо повторил Тэйн.

— У меня есть народ, который считает меня своим лидером, — сказал тот твердо. — У меня есть жена и будет ребенок.

Тэйн покачал головой.

— Мне все равно.

— Если хочешь, можешь присоединиться, — небрежно бросил хильд, искоса на него поглядывая. — Переживем Пришествие, освоим шиаллах, а потом можно будет повторить попытку отомстить Агваллару. Остров ослабнет после катаклизма...

Тэйн криво ухмыльнулся.

— Может быть... Знаешь что? Я хочу прочесть Арта Син Рен. Когда я был в Ард Элларе, она мне не далась. Может быть, сейчас?

Кельхандар согласно кивнул.

— Идем домой. Все равно придется встретиться с Далланом и объяснить, что мы опоздали.

15. Два сезона спустя: Ночные демоны

(Сезон Ветров, Риаллар, Эргалон..)

Подождав, пока сгустки темноты исчезнут в простенке между домами, Лейт опасливо выглянула из переулка. Давно она уже не возвращалась домой так поздно... Однако сегодня был особый случай. Итте исполнилось восемь лет, и, несмотря на бедственное положение, ее временная семья устроила для нее настоящий праздник.

Лейт часто бывала у них в гостях, искренне привязавшись к девочке. Ей неоднократно предлагали перебраться в их дом и жить всем вместе, но она боялась привлечь внимание и выдать местонахождение Итты, понимая, что та все еще остается прекрасным оружием шантажа. Тем более что сил, заинтересованных в Джержейне Холгойне, теперь стало на порядок больше.

Закончился сезон Света Фиал, необыкновенно жаркий для здешних широт. Большая часть урожая, скудного из-за губительной засухи, была конфискована хильдами на пропитание гарнизона и верхушки илларов, и с каждым днем недостаток продуктов чувствовался в столице все больше и больше. Сезон Ветров был в самом разгаре, однако дни все еще стояли жаркие, и по мрачным предсказаниям городских сумасшедших, расплывшихся за трагические два сезона, похолодания не ожидалось. Лейт пыталась вспомнить, что рассказывали ей Тэйн и Кельхандар об этапах Пришествия, и пришла к выводу, что вспоминать почти нечего: все они надеялись, что Пришествие удастся остановить, поэтому никогда не обсуждали, что ждет их дальше. Одно она понимала достаточно хорошо и без подсказок — выжить удастся немногим. Хотя... Голод, войны и болезни выкосят население Теллара еще до начала катаклизма. А там уж... как повезет.

Нырнув в проулок между домами, она со всех ног бросилась бежать. Было непростительно поздно, темнота уже лежала плотной и душной завесой, и лишь красное сияние Небесного Острова, да редкие проблески Ночного Солнца освещали окутанный мраком улицы. Хильдов она не боялась — приходилось уже отбиваться пару раз. Впрочем, завоеватели вели себя относительно прилично: домов не жгли и не грабили, женщин не насиловали, стараясь решать свои личные проблемы по обоюдному согласию.

А вот тени, блуждающие по городу ночами... Ужас от ночных визитеров, вытворявших со своими жертвами такое, что волосы становились дыбом, давно уже лихорадил и без того многострадальный Эргалон. Столице хватило и одного хильдского завоевания.

Джержейн давно знал об угрозе со стороны Хильдайра, и готовился к длительной осаде, но он не подозревал, что хильды давно пришли к согласию с островитянами. Иллары хильдов разительно отличались от эргалонских. Колдуны и воины, холодные и безжалостные, они не просто воевали — командовали армиями. Они знали об Эргалоне все. Лейт не сомневалась в истинном источнике этих знаний. Джержейн долго удерживал осажденный город, но после сорокадневной осады столица, отрезанная от всех путей снабжения, раздираемая предательством собственных илларов, все-таки сдалась. Впустив хильдов в город и открыв ворота Риан Ал Джара, Джержейн с дружиной бесследно исчез, а на третью ночь, когда разместившееся в замке командование и небольшая часть гарнизона, убежденные в своей победе, крепко спали, охраняемые лишь обычными караулами, дружина неожиданно вернулась, возникнув словно бы из ниоткуда и, выполнив задачу, снова исчезла в никуда.

Из командования в живых тогда остались только те, кто не ночевал в замке. Все остальные были мертвы. Новый командующий приказал оставить замок и разместил штаб в эргалонском святилище Хэллиха, а гарнизон рассредоточил по городу, определив на постой в частные дома, многие из которых теперь пустовали.

Хильды навели в городе свой порядок — патрулирование улиц, комендантский час, рейды по домам в поисках оставшихся защитников столицы. Отряды хильдов под предводительством илларов Хэллиха, которые в их войске были высшим военным командованием, обыскивали селения и города срединного кольца в поисках бесследно исчезнувшего Холгойна, его приближенных, его сестры и его дружины. К счастью, в лицо Итту никто не знал, да и вряд ли можно было заподозрить в этом тихом и бледном ребенке отпрыска некогда могущественного и сильного рода.

Существование без хэльдов в мире, где многое держалось на Кэлленаре, стало и вовсе невыносимым. Вторичное угасание колодцев завершилось, все Круги Власти давно превратились в обычный серый булыжник. Те из илларов, кто остался в живых до осады и не сошел с ума во время нее, теперь примкнули к хильдам. Еще во время осады каждый из них пережил нечто вроде временного помрачения рассудка, вызванного, как считал Даллан, вмешательством Следящих в их разум. Те, кто пережил его, теперь полностью поддерживали новую власть. Каким-то образом они умудрились сохранить часть своей силы. Лейт, знакомая с основами системы, догадывалась, что Следящие подпитывают своих ведомых Огнем жизни, а те используют навыки, что не требуют применения хэльдов. Ка-эль, использование которых требовало затрат только личного Огня Жизни, тоже сохранили свою работоспособность.

Эргалонцы ненавидели их не меньше, чем завоевателей. Столичные святилища стояли пустые, за исключением храма Хэллиха, где размещалось командование хильдов, храма Илбара, служившего укрытием для эргалонских илларов, и храма Койе, превратившегося в огромный бордель. Карны и цеха, ранее подчинявшиеся своим храмам, давно от них откололись. Иллары Ильфейна ушли вместе с Джерхейном и Далланом. Лейт знала, что все они поступили так же, как Ройг когда-то на Остове, удалив часть клейма и окончательно разрушив связь со своими Следящими.

Жители покидали опустошенную, измученную осадой, жарой и пожарами столицу, уходя в горы с надеждой, что там осталась вода и еда. Но там их ждали совсем другие напасти: ночные твари хозяйничали в городах и селениях срединного кольца после захода дневного солнца, и если хильды были своими, простыми и понятными, то эти темные создания нападали на людей и утаскивали их куда-то глубоко под землю. Спасти от них удавалось немногим. Ночные гости, появившиеся в Эргалоне еще во время осады, были гораздо опаснее воинственных северян. Увидеть их внешний облик до сих пор не удавалось никому, нападали они бесшумно и стремительно, только по ночам, небольшими группами. Те, кто выживал после столкновения с ними, либо умирали от неизвестного науке яда, либо сходили с ума от пережитого ужаса. Но таких было немного. Большинство просто бесследно исчезало.

Добежав до маленького домика в квартале карны целителей, она на всякий случай оглянулась. Две тени неотступно следовали за ней, стремительно сокращая расстояние. Там, на втором этаже, в ее скромной камере горел свет. Даллан. Старый иллар всегда навещал ее, когда бывал в городе, принося то продукты, то разные мелочи, необходимые для хозяйства. Здесь же он пересаживал облавы и пережидал патрули, поскольку за него, живого

или мертвого, была назначена солидная награда. Иногда оставался на ночлег, помогая Лейт по дому и рассказывая ей о том, что происходит в городе и вокруг него. От него она знала, что Джерхейн жив и здоров, что скрывается на Илломайне, вместе с большей частью своей дружины, совершая короткие вылазки в срединное кольцо городов и постепенно вырезая хильдский гарнизон. Он надеялся, что партизанская война вымотает северян, а Холгойн наберет и обучит достаточно людей для нападения на Эргалон. Важно было успеть до Пришествия, чтобы успеть спасти хоть кого-нибудь.

Даллан часто появлялся в Эргалоне, и, несмотря на облавы, был по-прежнему вхож во все дома, собирая драгоценную информацию о положении в стане врага, о планах хильдского командования, об обстановке в столице. Минуя караулы и патрули, он благополучно выходил из города в любое время и возвращался обратно — никто не знал Эргалон лучше него. Именно благодаря ему в столице знали — ее законный правитель жив и здоров и не собирается бросать своих подданных в беде.

Пришествие... Поражение у Колодца оказалось для Лейт тяжелым ударом. Столько горя принес им всем этот проклятый поход на Остров! Лживая роскошь Зар Алы, унижение от рабства, тюрьмы и тюремщиков, черные браслеты, гибель Даниры, и все, все зря... После возвращения Кельхандар провел в святилище Ильфейна ровно столько, чтобы рассказать о неудаче и попроситься. Тэйн и вовсе не появился. Оба они исчезли на целых два сезона и до сих пор никто не знал, какая судьба их постигла. Лейт предполагала, что Харриаберт вернулся к лайдам, что же касается Ройга... Даллан не знал, где сейчас находится его самый верный помощник. В одном он был уверен полностью — Ройг точно был жив.

Лейт снова оглянулась. Сейчас за ней следовала только одна тень, вторая куда-то исчезла. Свернув в пустой двор, где мертвым камнем лежал безжизненный Круг Власти, она остановилась перевести дух. От ночных призраков не убежишь, и если ей суждено столкнуться с одним из них, лучше уж скорее. Она вытащила кинжал — верный ее спутник еще с Острова, сжала рукоять и выпрямилась, не сводя глаз с плавно скользящей тени. Шаг. Еще один...

Тень шарахнулась в сторону, Лейт почувствовала, как мимо нее скользнуло что-то осязаемо материальное, ничуть не похожее на призрак. Скользнуло и исчезло, так же бесшумно, как и шло следом.

Она с облегчением прислонилась к стене, чувствуя, как отступает страх. Потом медленно подошла к своему дому, не торопясь убирать кинжал в ножны. Поднимаясь по лестнице наверх, она думала, что ей еще повезло с домом. Здесь ее поселил Даллан. Небольшой домик в квартале недалеко от пустующего храма Тармил был построен не больше сотни лет назад, и отапливался дровяной плитой, а в подвале дома проходили не трубы старинного водопровода, а был вырыт обычный колодец.

Войдя в комнату, она опешила. В ее маленькой каморке, устало опершись на стену, сидел не Даллан, а Джерхейн Холгойн. Большой, неожиданно яркий, словно экзотический зверь на фоне простой и бедной обстановки, он занимал почти все пространство комнатухи. Он сильно изменился с тех пор, когда она видела его последний раз. Медные волосы, коротко остриженные в Ард Элларе, отросли до средней длины завитков, подбородок прикрывала короткая золотисто-рыжая бородка, глаза, цепкие и холодные, на миг смягчились, остановившись на ней. Тхон на нем был пыльный и грязный, как и сапоги. Плащ, грубый и истрепанный, лежал на стуле рядом.

Она непроизвольно начала сгибаться в поклоне, но он резко подался вперед, остановив

ее движение.

— Лейт... как я рад тебя видеть...

— Что привело вас сюда? — спросила она, чувствуя нарастающее волнение. Что-то было не так. Как он узнал, где она живет?

— Лейт... понимаешь, я уже пятый день жду Даллана. Мы должны были встретиться... в условленном месте, — начал он сбивчиво. — Его нет, Лейт. Он так и не пришел.

Она пожала плечами, чувствуя, как снова возвращается страх. Не зная, что ответить, она сняла платок, который носила теперь, не скрывая своего происхождения, повесила свой и его плащи на вешалку. Потом растопила плиту и поставила подогреваться скромные остатки обеда. Даллан приносил ей продукты... немного, но ей вполне хватало на жизнь.

— Никогда раньше не случалось так, чтобы он не появился в условленный срок. Мои парни, из тех, у кого есть возможность проникать в город, не нашли ни его самого, ни сообщений, которые он обычно оставлял в условленных местах или должен был бы оставить в случае опасности или новой угрозы. Но он исчез. Бесследно.

— У меня он был дней десять назад, — сказала она, быстро подсчитав время. — Но ничего не упоминал о своих планах.

— Не хочется верить, что его схватили, — Джерхейн взлохматил шевелюру, разом потеряв всю свою внушительность. — Здесь, в столице, никто бы его не выдал.

Лейт печально усмехнулась.

— Иллары, те, которые покорились Следящим, могли сделать это неосознанно, — сказала она.

Джерхейн кивнул.

— Знаешь... Там, в Джар Ил... мы неплохо устроились. Там безопасно. Я думаю забрать Итту из Эргалона. Может быть, ты присоединишься?

Лейт представила себе существование в пещерах. Может быть, там действительно безопасно... Но ей не хотелось забиваться, как крыса, в щель, и со страхом ждать неотвратимо надвигающейся гибели. Спрятаться она еще успеет.

— Я лучше побуду здесь, — решительно ответила она. — Вдруг Даллан еще появится.

Он смотрел на нее с волнением и гордостью.

— Уверена? С одинокой женщиной в нынешние времена всякое может случиться.

— Всякое, да не всякое, — улыбнулась она. — Давай я тоже поищу Даллана, как сумею. Слухи и сплетни путешествуют по городу все так же, как и раньше.

Джерхейн медленно поднялся на ноги и потянулся за плащом. Вид у него был одновременно смущенный и встревоженный.

— Если тебе понадобится помощь, или ты что-нибудь узнаешь, приходи в Риан Ал Джар и завяжи на решетке входных ворот какую-нибудь яркую ленту. Вечером следующего дня тебя дома будут ждать мои люди. Или, если получится, я сам. Не испугаешься войти в замок?

Риан Ал Джар, ставший могилой для стольких людей, пустовал. Ворота его были распахнуты, ночами там хозяйничали все те же тени. Днем его закопченные и порушенные стены, облюбованные крысами и аргами, наводили на эргалонцев страх и тоску.

— Не испугаюсь, — улыбнулась она. — Думаю, ты еще вернешься туда.

Глаза Холгойна сузились.

— Постараюсь.

Два последующих дня Лейт безвылазно просидела дома, надеясь, что Даллан все-таки появится. В окошко ей виделся все тот же двор с засохшими атлахами, с мертвым Кругом Власти и онемевшими Окном и Свечой. В доме стояла тишина: ее соседи несколько дней назад сердечно попрощались и уехали в южные предместья к родственникам, надеясь, что там у них будет возможность пережить надвигающийся сезон холода. Там, за окном, мелькали редкие пешеходы, разливалось огненной рекой небо, сменяли друг друга дневное и ночное солнце.

Вечером она сидела, закутавшись в одеяла и то и дело подтапливая плиту — после захода ночного солнца на улице резко холодало, поднимался ледяной ветер, в завываниях которого ей все время слышались испуганные голоса и отчаянные крики о помощи. Варианты ближайшего будущего казались все как один мрачными и безнадежными. Вот если бы вернуться домой, в родной городок, к отцу и матери... да теперь уже не вернешься. И она сама не захотела бы теперь жить той жизнью, что предложил бы ей привычный уклад маленького ард элларского городка. Она изменилась... Женщине полагается быть тихой и покорной, хорошей хозяйкой и послушной женой, готовой исполнить все прихоти своего господина. У нее уже не получится. Она уже не сможет безоговорочно поверить в абсолютную правоту и непогрешимость того, кто им назовется. Слишком много она перевидала, научившись жить своим умом. Перед глазами промелькнули мужчины, с которыми она так хотела связать и так и не связала свою судьбу. Несостоявшийся муж, Жевр Ас Варден, так хотевший поскорее ввести ее в свой дом. Несостоявшийся любовник Андриан Вельг, желавший лишь одного — завладеть маленьким камешком у нее на шее...

Ночью ее разбудил громкий шум с улицы. Даже спросонья она отчетливо различила ругань, отчаянные крики, звон оружия. Там, за надежными каменными стенами, в очередной раз схлестнулись злобная ночная нечисть и ненавистные оккупанты. Такое случалось время от времени, но Лейт не знала, кто из них выходил победителем в ночных столкновениях. Ни разу еще она не находила на улице следов ночных сражений, а местные жители, если и были свидетелями, то предпочитали держать язык за зубами.

Утром, привычно пристегнув ножны кинжала на пояс поверх одежды, она вышла на улицу, решив обойти рынки, послушать сплетни да заглянуть в гости к той же Улии, подруге по службе в Риан Ал Джаре, с которой она до сих пор поддерживала дружеские отношения. Задрав голову вверх, Лейт, потрясенная, застыла на крыльце.

Небо... Небо было похоже на вылившуюся и опрокинувшуюся вверх кровавую реку. Там, над головой, светлело неаккуратное пятно солнечного диска, а Небесный Остров Агваллар и вовсе утонул в этой ярко-бордовой небесной реке. Бордовое небо нависло над городом, давило, угрожало, душило... Маленькие аккуратные лужицы густой золотистой субстанции, образовавшиеся в щербинках мостовой, переливались драгоценными капельками под тусклыми багровыми лучами. Воздух был прохладным и свежим, не таким, как раньше, но в слабых порывах ветра чувствовался привкус гари и чего-то постороннего, неестественного и неприятного.

Кйти, вспомнила Лейт это странное слово. Огненная река, протекающая под Тонхайром.

Тут же, недалеко от крыльца, лежало несколько трупов в одежде хильдской стражи. Невдалеке, на другой стороне улицы Лейт разглядела странное существо, медленно и невозмутимо шлепающее по лужам. На нем было какое-то не слишком удачно сидевшее человеческое одеяние. Существо, заметив ее внимательно-испуганный взгляд, вылезло из

лужи кйти, и, постояв немного, будто бы решая, стоит ему с ней связываться или нет, невозмутимо потопало прочь.

Оно было чудное и странное, очень худое, с длинными когтистыми руками и лягушачьими лапами, с голубоватой чешуйчатой кожей. Его голова выглядела бы совсем человеческой, если бы не круглые выпученные глаза под тяжелыми веками, гладкий череп и прижатые к нему большие уши. Оно казалось неуклюжим и неловким, но двигалось складно и быстро.

Лейт долго смотрела ему вслед с гримасой отвращения, и уже собравшись возвращаться, неожиданно сообразила. Это же лайд! Именно так описывал лайдов Тэйн. Лайды? Утром? В городе? Кажется, они боялись только солнечных лучей, подумала она с горечью. Теперь солнце скрылось за красным туманом, и подземной нечисти стало больше нечего бояться. Неужели ночные тени, державшие в страхе Эргалон вот уже много дней, были именно лайдами? И сегодня ночью, когда последнее препятствие исчезло, они выбрались на поверхность?

Она шла по узким улочкам, перепрыгивая через блестящие лужицы, повсюду наталкиваясь на следы ночных столкновений. К счастью, среди тех, кто без движения лежал на вековых плитах мостовой, почти не было горожан — только хильды и лайды. И лайдов — не в пример меньше...

Услышав характерные звуки сражения, она вихрем промчалась через площадь. Там, где раньше было несколько хэльдов, целая толпа лайдов добивала хильдский отряд. В ход шло все — зубы, когти, булыжники, даже тела убитых; хильдский иллар, раненый, но еще живой, пытался призвать на помощь свое искусство, зажигая Знаки небесного огня, выходявшие у него тусклыми, и швыряя их в противника. Лайды вопили и морщились от редких попаданий, но продолжали нападать с еще большей яростью.

Она миновала еще несколько мест, где продолжались мелкие схватки, кое-где хильды одерживали победу над лайдами, но перевес все же был на стороне подземных обитателей, и наконец добралась к дому, где жила Итта. Блестящих лужиц здесь почти не было, трупов тоже, зато окна и двери многих домов оказались либо распахнутыми настежь, либо заколоченными наглухо. Квартал обезлюдел, казалось, те, кто не успел уйти сам, были вынуждены спешно покинуть свои дома, и может быть, даже не по своей воле. С комом в груди она вбежала в дом и заколотила в дверь, выкрикивая имена его обитателей.

Ей открыли. К счастью, ночные призраки обошли дом стороной. Итта, за последнее время повидавшая всякое, ночной налет пережила равнодушно и очень обрадовалась возможности выйти на улицу и погулять с Лейт. Глядя, как девочка вприпрыжку скачет через блестящие лужицы, Лейт поняла, что дальше так продолжаться не может. В Эргалоне, где не осталось ничего прежнего от того радостного и оживленного города, в котором та родилась и выросла, теперь лучше не задерживаться.

Надо было идти к Риан Ал Джару. Пусть Джерхейн, обещавший забрать девочку к себе, поторопится.

Лейт медленно шла по непривычно безлюдным улицам, озаряемым красным багровым сиянием, выбирая самую короткую дорогу к Риан Ал Джару. Замок, возвышавшийся над городом угрюмой серо-желтой громадой, был виден издалека, и даже издалека казался безжизненным. К нему опасались приближаться даже хильды, и не только из-за нынешней печальной репутации бывшей королевской резиденции. Было в нем что-то такое... Жуткое. Поговаривали, что ночью там хозяйничают небесные дьяволы, а днем — призраки невинно

убиенной королевской семьи, а вокруг замка бродят погибшие и неупокоенные души агвалларцев, защищавшие замок от его законного владельца, и хильдов, павших под стенами и внутри.

Под ногами она неожиданно обнаружила очередную блестящую лужицу и боязливо обошла ее. Рукоять кинжала на поясе привычно добавила ей уверенности, хотя Лейт сомневалась, что сумеет применить его против опытного воина. Хотя... до сих пор ей как-то удавалось защитить себя.

Что-то подозрительно блестело впереди, и когда она подошла совсем близко, то ужаснулась сильнее, чем при виде бордово-красного неба. Риан Ал Джар был окружен целым озером золотой субстанции, он вставал прямо из самой его середины, угрюмый и величественный, освещенный тусклыми багровыми отблесками и ярким сиянием огненной лужи. Это странное вещество затопило все подступы к замку, оставив сухим только узкий перешеек единственной дороги. Поверхность сияющего озера не была ровной — то и дело на ней образовывались пузыри и воронки, иногда выбрасывались тонкие щупальца, похожие на многопалые человеческие руки.

С трудом поборов отвращение, она подошла к самой кромке озера. Потом, уверив себя, что ничего страшного с ней не случится, торопливым шагом, почти бегом добралась до Солнечной башни и, пройдя через ворота, очутилась в дружинном двореке.

Тягучая, неестественная тишина обволокла ее, парализовав волю. Здесь было пусто и сумрачно, разрушенные постройки и вывороченные камни успели покрыться рыжеватой пылью, клубы которой разносились слабым дуновением ветра. Она испуганно попятилась обратно, краем глаза уловив в простенках какое-то движение. Тени — лайды мелькнули и исчезли, оставив после себя облачко рыжей пыли. Передернувшись от отвращения, она шмыгнула под защиту стен Солнечной башни и поспешно завязала на решетке центральных ворот ярко-красную ленту. Потом, не оглядываясь, бегом бросилась прочь.

Назад она оглянулась, только оказавшись в городе. И опять — сумрачный вид пепельно-серой громады, окруженной золотистым сиянием кйти на огненно-красном небе, заморозил ее своей губительной красотой. Сколько Пришествий выдержал этот замок, сколько осад и падений, горящих Кругов, сколько человеческого безумия — ненависти и страха, боли, радости, торжества повидал он на своем очень длинном веку? Вот и теперь, наверно, он выстоит, вопреки всем катаклизмам. Лейт печально улыбнулась, представив себе мир после Пришествия, голый и безлюдный — и роскошный, торжественный и неприступный королевский замок, никому не нужный в своем гордом и одиноком великолепии.

Некоторое время она глядела на эту картину, затаив дыхание, и потом решительно отвернулась, собираясь возвращаться домой.

И чуть не врезалась в человека, незаметно подошедшего совсем близко к ней.

— Это кйти, — сказал он негромко. — Вышла на поверхность. Вместе с лайдами, — усмехнувшись, он поддержал оступившуюся Лейт под локоть. — Знаешь, что они делают с трупами?

Лейт пожала плечами.

— Ведь не едят же? — спросила она с омерзением, осторожно вытаскивая локоть из жесткой хватки Вельга. Он отпустил ее, и, повернувшись спиной к замку, повел вниз по узкой улочке в направлении центра города.

— Стаскивают сюда, к озеру, и бросают в него. Кормят кйти. Интересно, Харриаберт уже забрался в замок или еще нет?

— Зачем ему это? — удивилась Лейт, вспомнив тени лайдов в Риан Ал Джаре и оглядываясь назад.

— Дьявол его знает, — хмыкнул Вельг. — Поди пойми логику сумасшедшего. Зачем ему вообще вся эта война лайдов с людьми?

— С хильдами, — поправила она.

— На местных они тоже нападали, — парировал Вельг. — Кстати, разве хильды не люди?

Лейт поморщилась.

— Захватчики, — сказала она.

— Харриаберт сам — хильд. Нужно быть безумцем, чтобы натравить этих зверенышей на своих же соплеменников, — продолжил Вельг. — Знаешь, что мне кажется... здесь не обошлось без Ройга.

— Может быть, — прошептала Лейт.

— Кстати, ты не знаешь, где он может находиться? — поинтересовался Вельг с делано равнодушным видом, но она догадалась, что на самом деле этот вопрос волнует его гораздо больше выступившей на поверхность кйти и странного поведения Кельхандара.

— Нет, — честно ответила она. — Я не видела его с момента возвращения с Колодца.

— Я тоже, — кивнул он.

Они дошли до одной из торговых площадей города, где тоже виднелись следы побоища. Торговые ряды, нынче скудные и жалкие, были окончательно разворочены, в ямках и канавках серебрились тонкие лужицы кйти. Обойдя площадь по краю и косясь на неподвижные тела, Вельг собрался свернуть на центральную улицу, ведущую к храму Хэллиха, но Лейт остановилась, не желая двигаться дальше. Она не пойдет с ним. Ни за что.

Это была уже не первая их встреча в Эргалоне с тех пор, как в него вошли хильды. Вельг, исчезнувший так же, как и Ройг, неизвестно куда после неудачной попытки остановить Пришествие, объявился после победы хильдов среди тех эргалонских илларов, что признали над собой власть северного князя. Властью Койдра, хильдского коменданта Эргалона, его назначили главой храма Феоллона, только илларов под его управлением осталось совсем немного. Получив новое назначение, он быстро отыскал Лейт и предложил ей свою защиту, от которой она решительно отказалась. Она не хотела его видеть. Тем не менее, он стал все чаще и чаще попадаться у нее на пути, пугая опасностями одинокого житья в городе и предлагая переселиться под защиту его храма. К счастью, выбираться в город слишком часто он не мог — его хорошо знали в Эргалоне и достаточно сильно ненавидели; ходить ему приходилось с охраной. Сегодня он был один, что несказанно ее удивило. С трудом удержавшись, чтобы не отпустить язвительное замечание на эту тему, она свернула в переулок, намереваясь вернуться домой. Вельг тотчас же последовал за ней.

— Кстати, ты слышала последнюю новость? — бросил он тем небрежным тоном, с которого часто начинался разговор о преимуществах жизни под защитой хильдов. — Даллан арестован.

Она резко остановилась, отчего он налетел на нее и опять схватил за локоть. Лейт раздраженно вырвала руку.

— Когда? Как?

— Пять дней назад. За ним давно охотились... Взяли случайно, просто наблюдая за одним неблагонадежным домом. Должен сказать, побоище там было, что надо... Силен, — с уважением кивнул Вельг. — На одном Огне Жизни держался.

— Он хоть жив? — спросила она с волнением. — И где он?

— Жив, конечно, — ответил тот. — Сидит в храме Хэллиха, даже не в подвале, просто под хорошей охраной. Койдр несколько раз пытался с ним разговаривать, да что толку...

— И... что дальше?

— Завтра — суд, — сказал Вельг со странной торжественностью в голосе. — Сама понимаешь, за ним достаточно всякого... Потом — казнь, конечно же. Не бойся, — видя, как горестно исказилось лицо Лейт, он поспешно добавил. — Ему позволят умереть достойно. У хильдов осужденным дают в руки меч и позволяют сражаться в поединке, пока те не погибнут. Бывали случаи, что некоторым, за доблесть, оставляли жизнь.

— Он же старый, — ужаснулась Лейт. — Он долго не продержится! А ты... как ты вообще мог! Он же твой бывший наставник! Да если бы не он, Тэйн и Кельх ни за что не стали тебя спасать!

— Меня вполне устраивала моя островная жизнь, — холодно отпарировал Вельг. — Так что, я думаю, мы будем квиты. Что бы ни было раньше, теперь иные времена. Он — враг и подлежит уничтожению.

Она подняла на него полные отвращения и ярости глаза.

— Это ты подлежишь уничтожению, — крикнула она на всю улицу. — Ты тоже кое-кому враг. Дождешься...

— Это кому же? — усмехнулся тот. Гнев Лейт его явно забавлял, ни чуточки не задев.

— Джерхейну, например, — ответила она уже спокойнее, яростно и твердо. — Думаю, он до тебя доберется.

— Что ж, пусть попробует, — улыбнулся Вельг. Понимая, что ей больше нечем его зацепить, Лейт повернулась и, пробежав до конца переулка, поспешно свернула на соседнюю улицу, потом — на другую, торопясь затеряться и зная, что он не столь проворен, как она. Заскочив во двор и отдышавшись, она долго выжидала, глядя на редких прохожих, прежде чем выйти и двинуться домой. Да и домой ей не хотелось. Вельг знал, где она живет, хотя ни разу еще не заходил к ней в гости. Она понадеялась, что после сегодняшней отповеди ему самому расхочется общаться.

Что ж, теперь она знает, что именно случилось с Далланом. Теперь надо ждать Джерхейна. Может быть, он сможет как-нибудь помочь.

16. Казнь

(Сезон Ветров, Риаллар, Эргалон)

Этот мир был ярким и пестрым, полным жизни и красок, и Мастер осел в нем почти на две человеческие жизни. Мирный и красивый город, не очень древний, но тем не менее полный очарования и покоя, друг и любимая женщина, дети и ученики... Даже лица богов, такие знакомые по путешествиям из мира в мир, давно опостылевшие, вызывающие лишь циничную усмешку, мелькали здесь совсем редко. Он спохватился, когда умерла жена. Он так и не научился не привязываться. Он не смог разучиться любить и ненавидеть, несмотря на цепочку лет и событий, терявшихся где-то очень далеко в прошлом. Сила чувств то затихала, погружаясь в странный, похожий на смерть души, сон, и тогда он шел дальше, задерживаясь лишь для того, чтобы осмотреться и составить представление об очередном мирке Круговорота, то жажда жизни вспыхивала с новой силой, и тогда он задерживался на одном месте надолго, пока очередное угасание сил не погружало его в отчаяние и не толкало в дальнейший путь...

Мастер шел по мирам Круговорота. Каким-то чудом он научился открывать пути между мирами; впрочем, на самом деле это оказалось несложно для мастера хэльдов, для которого дверь — это всего лишь Дверь, простой хэльд, открывающий дорогу. Во всех языках всех миров ему слышались отголоски того единственного языка, языка творения, того самого, что был для него основой для любого действия. Миры, столь разные и столь похожие на его собственный, принимали чужака с радостью, как родного, впитывали, растворяли в себе, и он жил в них, иной раз подолгу, обрастая друзьями, домом, порою даже обзаводясь учениками. В каждом из миров он обнаруживал нечто, похожее на Кэлленар — магическую систему или просто учение о силах, религию, веру, тайное знание — тем не менее, в их основе лежали все те же силы стихий, связанные элементами изначального языка. Знание о Круговороте и Кольце миров то появлялось, то исчезало, и только боги были неизменны везде, куда бы он ни пришел. Называли их, конечно, по-разному, и количество их оказывалось неодинаковым, но сама сущность каждого из богов оставалась той же, и даже изображения их мало отличались от виденных ранее. С каждым шагом, с каждым новым миром будто из кусков мозаики складывалась перед глазами мастера истинная картина мироздания. Боги, вечные и неизменные, разумные существа все с теми же пороками и добродетелями, изредка — такие же, как он, мастера, слабые и беспомощные, не умеющие понять, кто они такие, не осознающие своей истинной силы и потому быстро и бессмысленно гибнущие... В некоторых мирах он наткнулся на признаки начинающейся Катастрофы. Признаки были неодинаковыми, ведь и системы власти были другими, но мастер не мог не увидеть в них все те же, до боли знакомые приметы. Обычно его не слушали — странные, тревожные происшествия казались местными обитателям несомненно подозрительными, но тем не менее им всегда пытались найти простое и понятное объяснение. Мастер пытался спорить, доказывать, предостеречь, но быстро прекратил бесполезные попытки. Зачем? Его все равно не слушали. Катастрофа в той или иной форме присутствовала во многих местах, но встречались и благополучные миры, никогда ее не знавшие, и тогда мастер пытался понять, каким образом местным обитателям удастся ее избежать. Ответ пока не находился, но мастер не отчаивался — он умел искать и ждать. Однако в мирах, где

обнаруживались признаки Катастрофы, он больше не задерживался. Однажды он услышал легенду об Истоке, откуда происходят и куда возвращаются все истинные боги, гости и путешественники по мирам Круговорота, и решил, что обязательно доберется до него.

Ему очень нужно было узнать правду о себе самом. Неужели и он — бог? Бессмертие, или что там с ним произошло, уже давно не радовало мастера, уже не раз случалось, что он оказывался на краю гибели, тем не менее он постоянно задавал себе вопрос — откуда оно?

Бог. Пробуя на вкус это слово, мастер ощущал его приторный, липкий вкус. И еще — приторность отдавала гнилью.

Неужели?

О казни объявили уже утром — она должна была состояться в полдень следующего дня, на площади перед храмом Хэллиха. Лейт так и не знала, был ли суд или все было предрешено заранее. Пройдясь по городу с целью узнать новости, она вернулась домой ждать гонца от Джерхейна. Вечером в дверь неуверенно постучались, и она обнаружила на пороге Тиора — того самого мальчишку, что когда-то помогал ей вывести Итту из Риан Ал Джара. Выслушав новости, он пришел в ужас.

— Время, — простонал он, — совсем нет времени! Мне до лагеря — почти день пути... Мы не успеем...

Лейт устало опустилась на стул.

— А как же иллары Ильфейна? — спросила она с надеждой. — Может, они как-то смогут помочь своему главе?

— Они все в горах, вместе с его величеством, — пояснил Тиор. — Хэльд-то нет, — вздохнул он.

— Тогда заберите хотя бы Итту, — попросила Лейт. — Представляешь, что будет, если на нее нападут лайды?

— Лайды — это ничего, — пробормотал Тиор, впиваясь зубами в предложенный ею кусок хлеба. — Они каким-то образом отличают мерзавцев от нормальных людей. И детей не трогают. А вот люди из подземных... это да... Отморозки. Но их, хвала Илбару, мало. Они больше в Майре да в Ард Элларе свирепствуют.

Лейт содрогнулась. Там, на границе Майра и Ард Эллара, остался ее родной городок Улле, родители, сестра и братья. Что, если и они столкнулись с той же самой бедой, и некому им помочь? А она здесь, на другом конце света, забыла о своем долге, вместо того, чтобы быть с ними, поддержать их...

— Ну, я побежал, — Тиор поднялся на ноги, засовывая за пазуху недоеденный кусок хлеба. — Ты духом не падай, я сейчас Раммеру все расскажу, он в городе, может, что придумает.

Торопливо попрощавшись, он юркнул за дверь и исчез так же быстро и неожиданно, как и появился.

На следующее утро она обнаружила, что предместья, лежащие на восточном склоне от Риан Ал Джара, утонули под волнами кйти. Кипящая грязь Лахлайда — так называли ее в городе, несмотря на то, что она явно была холодной. Схватки между хильдами и лайдами прекратились, непонятно, кто из них взял верх. Лайды, не таясь, прошмыгивали небольшими группами, прижимаясь к стенам домов, собирали тела убитых, как своих, так и чужих, стаскивали к озеру вокруг замка и топили в кйти. Поначалу их пытались останавливать, но,

получив несколько ударов ядовитыми когтями, перестали отнимать у лайдов добычу. Лейт сходила посмотреть на разросшееся озеро и на появившиеся на нем узенькие лодочки, задаваясь вопросом, зачем им все это нужно. Разумного объяснения не нашлось. От вида и запаха кйи ее начинало мутить. Проведя бессонную ночь в дурных предчувствиях, она тупо глядела, как медленно и постепенно вязкая золотистая жижица приближается к ее ногам. В городе говорили, что хэльды, которые она затопила в восточных предместьях, растаяли, как снег под лучами солнца. Говорили, что она разъедает камень домов, и только оставшиеся в живых деревья не подвержены ее странной разрушительной силе. Если так продлится и дальше, кйи затопит весь город, подумала она с каким-то вялым, привычным страхом. Дома рассыплются. Ну и пусть. Все равно конец близко...

Площадь перед храмом Хэллиха представляла собой вытянутый прямоугольник, с одной стороны которого стояла огромная статуя Хэллиха, а с противоположной начиналась длинная пологая лестница, которая вела к подножию храма. Изображение бога огня и войны перед его собственном святилищем было особенным: обычно Хэллих предстал перед людьми в образе обнаженного рыжеволосого юноши с лепестком огня в одной руке и кубком арали в другой. Здешнее изваяние, самое старое в столице, существенно отличалось от традиционных — Хэллих предстал перед жителями мускулистым гигантом с пышной кудрявой бородой. Расставив ноги, он опирался на меч, доходивший ему до груди. Площадь окружали скульптуры воинов в доспехах, вполтину меньше, чем статуя бога. В солнечный день тень от огромной скульптуры падала через площадь и касалась макушкой лестницы к храму.

За ночь на площадке сколотили широкий помост. Сейчас вокруг него собрался почти весь город, и хильды с трудом сдерживали оцепление. Со всех сторон раздавались крики, проклятия, особо решительные горожане попытались напасть на охрану, но те, устав отругиваться и отшвыривать смельчаков, зарубили пару особо ретивых, и толпа сразу же откатилась от помоста. По ступеням на площадь спустились два хильда в илларских рандах, опоясанных мечами, синхронно подняли руки, и вокруг помоста пробежала огненная змейка. Замкнувшись, она вспыхнула и исчезла. Лейт, находившаяся достаточно близко к первым рядам, не знала, защита это или просто предупреждение, но больше никто не осмелился подходить ближе. Крики и проклятия возобновились с удвоенной силой. Те же два хильда швырнули в небо несколько урд-знаков, которые, взлетев в воздух, рассыпались мелкими искрами над всей площадью. Лейт почувствовала, как у нее закололо в горле и онемел язык. И сразу же установилась тишина, прерываемая сдавленным мычанием онемевшего народа. Онемение постепенно отошло, но попытки выразить всеобщий гнев прекратились.

Командование хильдов и поддерживающая их небольшая группа эргалонцев появились на верхних ступенях лестницы и неспешно спустились вниз. Последним шел Даллан в сопровождении хильдских воинов. Старый иллар двигался спокойно и уверенно, кивал тем, у кого хватало смелости приветствовать его, а таких, по мере продвижения процессии к помосту, находилось все больше и больше. В конце концов он, в сопровождении охраны и Койдра, поднялся на помост, и толпа на площади, уже вернувшая себе голос, снова разразилась проклятиями и приветственными криками.

— Против него выставили средних по силе противников, — произнес над ухом знакомый голос. Лейт вздрогнула и обернулась — Вельг опять подошел незаметно, с тем самым улыбочиво-дружелюбным видом, с которым он все время начинал с ней разговор. —

Первый — молодой воин-ученик, для него это будет что-то вроде экзамена. Даллану разрешено использовать кэн-ли. Если парень не даст себя ранить — получит назначение в отряд. Ну, второй должен его добить, — хмыкнул он. — Нечего устраивать зрелища на потеху публике.

Лейт, не промолвив ни слова, отодвинулась от него, не скрывая омерзения, но деваться в толпе было некуда. Вельга сопровождали двое хильдов, один из них встал чуть позади Лейт, она отчетливо слышала его ровное и размеренное дыхание.

— А если Даллан убьет и первого и второго?

— Вряд ли. Но тогда выйдет третий. Тот точно его прикончит.

Вельг говорил что-то еще, но Лейт перестала его слушать и демонстративно отвернулась. На помост она тоже не хотела смотреть. У нее оставалась жалкая надежда, что Тиор успеет и Джерхейн с Калледом что-нибудь придумают.

Койдр долго распинался с помоста о преступлениях Даллана, она не слушала, постепенно впадая в отчаяние. Поздно, слишком поздно. Если бы она знала... Если бы Вельг нашел ее хотя бы на день раньше...

А вдруг он знает еще что-нибудь? Что-то важное и нужное, а она пренебрегает его болтовней? Вдруг он проболтается о чем-нибудь полезном? Преодолев отвращение, она заставила себя слушать Вельга. Тот уже перешел на совсем другие темы — его волновали приближающаяся Катастрофа и вторжение лайдов в город.

— Мы поддерживаем связь с агвалларским святилищем Хэллиха, — продолжал он какую-то мысль, начало которой Лейт пропустила, — и жрецы заверили нас, что у них есть оружие против этого безумца, вернее, против его кипящей грязи, которой питаются его чудовища и которой он запугал всех жителей. Я, конечно, не знаю, что и когда они собираются предпринять, но ждать осталось недолго. Кэлленар слаб на Телларе, но все еще достаточно силен на Острове, а шиаллах, как ты знаешь, требует совсем иных источников силы...

«Опять островитяне замыслили какую-то пакость, — подумала она с ненавистью. — Все никак не наиграются».

Вельг замолчал, когда Койдр вручил Даллану меч и юный воин, совсем мальчишка, вышел на середину помоста, ожидая, когда приговоренный к смерти сделает первое движение. Даллан не торопился — медленно и спокойно он оглядел их всех, заметил Лейт, улыбнулся ей, потом с немыслимым хладнокровием принялся разглядывать своего противника, который, кроме молодости, к тому же оказался ниже его ростом. Хильд топтался на месте, ожидая, когда Даллан поднимет меч, но тот по-прежнему стоял, только на лице появилась ехидная усмешка. Вельг поспешил пояснить, что по правилам подобных поединков у хильдов противники приговоренного не имеют права нападать первыми, полагается дожидаться первого движения с мечом. Даллан, видимо, хорошо знал об этом, потому что стоял, не двигаясь, с хладнокровной усмешкой на лице. Хильд, а следом и его соотечественники рядом с помостом, начал нервничать, то поднимая, то опуская меч, топчась на месте под насмешки, полетевшие из толпы, и, не выдержав, сделал несколько неуверенных шагов навстречу Даллану. Тот повернулся к Койдру, усмехнулся, левой, свободной от оружия рукой, махнул Вельгу, который принялся что-то обиженно бормотать. Ропот и насмешки толпы становился все громче, хильд нелепо топтался на месте, и когда Койдр, находившийся на краю помоста, сделал шаг вперед, чтобы вмешаться, меч Даллана неожиданно сверкнул, худощавое тело метнулось вперед с неожиданным проворством. За

несколько коротких мгновений Лейт не успела понять, что произошло: тело хильда, разрубленное от плеча до пояса, уродливо осело на помост. Восхищенный вздох прокатился по толпе и сразу же стих в ожидании реакции командования хильдов.

Тело поспешно унесли, и против Даллана вышел следующий воин, на этот раз не мальчишка, а полноценный боец.

Даллан атаковал немедленно, и сразу же стало видно, что долго ему не продержаться. Хильд, сильный и опытный, сразу вынудил его отступать и защищаться, и очень быстро задел плечо старого иллара. Показалась кровь. Лейт, не в силах на все это смотреть, принялась шарить глазами по толпе в надежде отыскать знакомые лица. Вельг, заметив, что она кого-то высматривает, тоже принялся с любопытством оглядываться и в конце концов спросил, что ее так заинтересовало. Она процедила сквозь зубы, что ищет способ сбежать отсюда, на что он рассмеялся и заверил ее, что не позволит ей погубить себя, в Эргалоне сейчас так опасно... Она с трудом удержалась, чтобы не ударить его, и снова подняла глаза на помост.

Смотреть было невыносимо. Даллан устал и шатался, с усилием отбивая атаки. Казалось, еще немного, и все закончится. Лейт перевела глаза на группу рядом с помостом — верхушку хильдов и эргалонцев. Взгляд ее зацепился за высокую фигуру плакальщика в сером традиционном одеянии, стоявшем рядом, почти вплотную к ним. Вот мерзавцы, подумала она гневно, заранее подготовились... Что ж только одного притащили, несолидно это, плакальщиков должно быть несколько... Она глядела на нелепую, скрытую балахом фигуру, и что-то в его позе показалось ей неправильным. Приглядевшись повнимательнее, Лейт заметила, что руки он держит не в рукавах на груди, как положено, а опущенными вдоль тела, причем на разном уровне. Не сводя с него глаз, она заметила, как нервно подрагивают его пальцы... Вельг следил за поединком, азартно комментируя каждый удар, потом, оторвавшись, неожиданно уставился на Койдра, который настороженно оглядывался, словно выискивая кого-то, потом стал делать странные знаки своему помощнику, находившемуся на другом конце помоста.

— Что-то происходит, — встревожился Вельг. — Даже я чувствую движение сил, а уж они... — он кивнул на Койдра, затем замер и уставился на гигантскую скульптуру Хэллиха слева от помоста. Лейт заметила, что ярко-голубые глаза бога, сделанные из драгоценных камней, медленно наливаются кроваво-красным огнем, так же, как и его клинок. Глаза становились все ярче и ярче, и огненный свет кровавой полосой ложится на землю, растет, растет... пока не достигает помоста. Хильд, на которого пала огненная тень ожившего меча, с воплем ужаса отшатывается назад, а Даллан, не замечая, что ступает по огненной полосе, подается вперед и наносит удар...

Когда раненого и вопящего от ужаса хильда оттащили назад, Лейт отыскала глазами плакальщика и убедилась, что во всеобщем смятении он остался холоден и спокоен. И по-прежнему очень знакомо сжимает и встряхивает кисти рук. Чуть в стороне от тела.

Даллан оглянулся и с любопытством уставился на бога. Огненная копия клинка на земле неожиданно сместилась, острием указав на Койдра. Из толпы кто-то крикнул «Хэллих гневается! Вы прогневали собственного бога!», и волна ругани и проклятий поднялась с новой силой.

Оторвав взгляд от Хэллиха, Вельг снова принялся искать кого-то в толпе, на этот раз — позади себя, он подпрыгивал и расталкивал людей, которые лишь отмахивались и ворчали. Койдр совещался со своими помощниками, и в конце концов навстречу Даллану вышел

третий боец, тоже молодой и сильный, к тому же, как показалось Лейт, не обремененный интеллектом — огненный меч не вызывал у него никаких эмоций. Даллан устало поднял меч, собираясь продолжать смертельный поединок.

Огненный клинок разгорелся еще ярче, но хильд не обращал на него никакого внимания, Даллан пятился, отступаясь и пошатываясь. Он был ранен повторно — лезвие меча прошло по касательной по левому боку, разрезав одежду. Он отступал, редко парируя и старательно увертываясь от ударов, а его противник, не напрягаясь, гонял его по помосту, словно издеваясь. Огненный меч стал таять, потускнели глаза грозного бога... Вельг продолжал вертеться, и Лейт раздраженно пихнула его в бок, прошипев «Да успокойся ты уже!» Хильд в очередной раз замахнулся, нанося удар, да так и замер, словно статуя, не имея возможности шевельнуться. Лейт показалось, что на миг в воздухе вспыхнуло нечто похожее на густую паучью сеть, тоненькие ниточки которой сплелись над всеми, стоявшими поблизости от помоста. В это же мгновение на площадь обрушилась непроглядная тьма, волна ледяного ветра неистовой силы пронеслась сначала в один конец, затем — в другой, валя с ног всех, кто находился на площади, а статуя бога неожиданно вспыхнула огненно-красным светом. Раздалась череда панических воплей — и народ рванул во все стороны, прочь от кошмарного зрелища, не разбирая дороги и сшибая все подряд. В небо взлетело несколько тусклых знаков Небесного Огня, слегка рассеявших мрак, но судя по крикам, паника охватила не только эргалонцев, но и самих хильдов. Вельг, тоже засветивший небольшой огонек, схватил Лейт, которая только что поднялась на ноги, сбитая на землю ледяным порывом, и обхватил ее руками, стиснув и прижав к себе.

Разрываемая вспышками Небесного Огня искусственная тьма быстро рассеялась, но было уже поздно — на площади царил хаос. Даллана, естественно, на помосте не оказалось, а его третий противник лежал с отрубленной головой. Лейт искала глазами плакальщика, не сомневаясь, что не найдет его. Переполюющаяся радостью, она попыталась вырваться из хватки Вельга, но тот еще сильнее прижал ее к себе, стиснув руки так, что она не могла даже вздохнуть.

— Он все-таки пришел, — процедил он сквозь зубы. — Так я и думал. Эх, жаль, упустили... Ну ничего, — и он еще сильнее сдавил Лейт, которая и так уже бессильно обвисла у него на руках. — Еще не все потеряно. Пойдем, — он встряхнул ее и принялся выбираться из толпы по направлению к храму Хэллиха. — Теперь твоя очередь быть приманкой.

17. В плену

(Сезон Ветров. Риаллар, Эргалон)

Ночь Лейт провела, колотясь в двери своей темницы и проклиная Вельга всеми проклятиями, которые только сумела вспомнить. Комната — обычная келья илона или иллара, не предназначенная для содержания пленников, сухая и теплая, не имела решеток на окнах, однако находилась весьма высоко от земли. Загоревшись идеей побега, она внимательно осмотрела постельное белье и убедилась, что даже ее небольшого веса оно не выдержит, да и зацепить его не за что. Храм Хэллиха хорошо охраняется — заметят ее посредине стены, нелепо висящую на тряпках — вот смеху то будет...

Когда гнев изрядно поуменьшил ее силы, она вытянулась на кровати, размышляя над целью своего пленения. Хотел бы Вельг силой заполучить ее в любовницы — давно бы уже это сделал, но он обмолвился насчет приманки... Кого же он ждет? Холгойна? Вряд ли Джерхейн явится сюда сам только ради нее одной, скорее пошлет кого-нибудь на выручку, да и то — не скоро. Пройдет несколько дней, прежде чем станет известно, что она исчезла. Даже если он явится, то уж точно не безоружным. Сегодня хильды убедились, что имеют дело с хитрым и хорошо подготовленным противником, а значит, стеречь ее будут с особой тщательностью. Нет, риск слишком велик...

Промаявшись страхами полночи, к утру она все-таки заснула. Проснувшись только к обеду, она тщательно привела себя в порядок и съела все, что обнаружила на столе — вполне приличный по нынешним голодным временам обед. Что ж, отлично, что морить ее голодом никто не собирается... Немного воспряв духом, она забралась на подоконник и принялась наблюдать за улицей.

Окошко выходило на противоположную от площади Хэллиха сторону, раньше оживленную, теперь — пустынную. Зная, что именно в храме Хэллиха разместилось хильдское командование, эргалонцы старательно обхдоили его стороной. Лейт наблюдала, как дозор совершает регулярный обход святилища, отмечала, куда и в какую сторону направляются отряды и конные патрули. Складывалось впечатление, что хильды прочесывают город, видимо, пытаясь отыскать Даллана и его спасителей, и Лейт искренне пожелала им успешно скрыться от преследователей. Небо над городом было по-прежнему багровым, Остров Колдунов светился на нем тусклым золотисто-лиловым пятном, и только ночи теперь напоминали прежний Теллар: ночное солнце поднималось, светило и садилось, как и раньше — ярким белым диском на иссиня-черном небосводе. Наземный мир превратился в настоящий ад — раскаленный душный день сменялся ледяной ночью. К вечеру холодало до заморозков, мостовые и крыши покрывались колючими кристалликами инея. В домах, где имелись дровяные печи, сжигали последнюю мебель, заколачивали окна, утепляли двери. Лейт не знала, сколько дней осталось до конца. Но раз кйти выступила на поверхность — немного...

Вечером, уже после восхода ночного солнца, дверь ее каморки отворилась и Вельг, галантный и довольный собой, предложил ей разделить вечернюю трапезу вместе с ним и Койдром. Мгновенно разозлившись, Лейт хотела выдать ему очередное проклятие, но поспешно прикусила язычок и согласилась с милейшей улыбкой. Пора было провести небольшую разведку и вызнать, что хильдам от ее нужно.

Под куполом Служб святилища Хэллиха стоял хорошо знакомый запах благовоний. Изваяния и чаши были целы, пол чист, окна вымыты, факелы на стенах обновлены и не чадили. Еще бы, подумалось ей, Хэллих единственный бог, которому действительно поклоняются в это смутное время, бог войны, воинского искусства и отваги. Вельг ни на минуту не задержался здесь, хотя ей захотелось остановиться хотя бы ненадолго... Запахи трав и полумрак, освещенный живым огнем, живо напомнили ей прошлое, такое спокойное и благополучное, мирное, домашнее, то, о потере которого она теперь сожалела с неистовой силой. Миновав Купол Служб, они оказались в небольшом помещении со множеством выходов во внутренние части святилища; оказалось, все святилища устроены одинаково... Вельг свернул в сторону, уведя ее в просторный полутемный зал, освещенный двумя тусклыми факелами, и на этом сходство закончилось.

За столом сидело всего двое — Койдр, комендант Эргалона, и еще один хильд, чем-то напомнивший Лейт Джерхейна — такой же высокий, широкоплечий, с открытым надменным лицом. Вельг пригласил ее к столу, усадил, налил арали и сам принялся за трапезу.

Лейт, не стесняясь, разглядывала обоих. Полумрак мешал получше рассмотреть лицо Койдра. Привыкнув, она убедилась, что в нем нет ничего отталкивающего или злобного: обыкновенное мужское лицо, немолодое, худощавое и в чем-то даже красивое.

— Как Вас зовут? — мягкий баритон и душевность в голосе обезоружили Лейт. Она представилась.

— Лейт... я приношу извинения за то, что мы так грубо принудили вас задержаться в нашем доме, но вопрос очень важный, а вы вряд ли бы согласились добровольно, — сказал Койдр.

— Не согласилась бы, — подтвердила она и принялась есть. Мужчины подождали, пока она перекусит, и Койдр продолжил.

— В общем-то, и публичная казнь Даллана нам не была необходима, если бы мы не надеялись, что кое-кто попытается его спасти. Как видите, мы были правы.

— Вряд ли Холгойн лично придет сюда ради меня, — сказала Лейт с усмешкой. — Даллан — другое дело... Я всего лишь немного знакома с ним, не более.

— Джерхейн Холгойн, конечно, представляет собой серьезную угрозу, но нас интересует не он, — продолжил Койдр.

— А кто же? — удивилась Лейт, допивая арали.

— Тэйн Ройг.

Лейт со стуком поставила бокал на стол. Ройг?

И тут она вспомнила плакальщика на площади. Вот кого он ей напомнил! Конечно же, Тэйн... Именно его характерная манера держать кисти рук чуть на отлете, когда он работал с конструкциями урда, привлекла ее внимание. Конечно же, Тэйн не мог бросить своего наставника в беде. И конечно же, он был жив и никуда не пропал...

Вельг, внимательно следивший за выражением ее лица, схватил ее за руку и сжал изо всех сил, отчего она вскрикнула и выдернула руку.

— Ты что-то знаешь, — сказал он резко. — Ну?

— Не больше, чем ты сам, — огрызнулась она, — Вчера на площади был именно он, а не кто-то из отряда Холгойна. — Ты узнал его по почерку кэн-ли. Так же, как и я.

— Это уже не кэн-ли, — сказал тот, что сидел рядом с Койдром. — И не шиаллах. Это какая-то варварская, ни на что не похожая смесь. Многие из нас научились использовать

кэн-ли, опираясь на личный Огонь Жизни, да на силу, которой делятся с нами наши Следящие, но то, что творил Ройг... Это что-то дьявольское, — заключил он.

— Вы даже не скрываете свою связь с Агвалларом, — произнесла Лейт потрясенно.

— Зачем? — удивился Койдр. — Об этом и так все знают. Сознательный союз Следящего и иллара — это огромные возможности, сила и мощь, и знание...

— Между прочим, именно Ройг это доказал, — вставил Вельг. — Островитяне усвоили урок.

— Так зачем вам Ройг? — поинтересовалась Лейт, не надеясь, что они ответят. — Убить — не убьете, сами же понимаете, сил не хватит. Опытom он все равно не поделится — он упрямый. Что вы будете с ним делать?

— Лейт, а вы хотите пережить Пришествие? — с улыбкой спросил Койдр.

— Хочу, — кивнула она. — Но уже не надеюсь.

— А мы вот... надеемся. Вы слышали о втором небесном острове?

— О том, который ночное солнце? — спросила Лейт с любопытством. — Слышала. От Даллана, — пояснила она. — Там нет Кэлленара, а значит, нет и Пришествия. Но туда нет путей.

— Ройг там был.

— Откуда вы знаете? — ревниво спросила она. — Он же не отражается в хэльдах.

— Не обязательно наблюдать за ним самим, — сказал второй хильд. — Жрецы Агваллара наблюдали за самим Островом. Кроме того, есть другие способы установить истину...если знать, о чем спрашивать. Так вот, мы авторитетно заверяем вас, что Тэйн Ройг нашел туда дорогу. Или построил сам. И, как понимаете, второй небесный остров — наш единственный шанс выжить. Главное — поторопиться, времени у нас осталось немного. Нам очень нужно, чтобы он пришел сюда. Мы хотим с ним поговорить... Думаю, мы сможем найти аргументы, чтобы убедить его показать нам дорогу. Может быть, вы знаете, как его найти?

— Да лучше я из окна выпрыгну, — заявила Лейт со злостью. — Чем буду вам помогать. Я не знаю, где Ройг. Да, я видела его на площади. Но откуда он взялся и куда делся — это выше моего разумения.

Окно в ее комнате заделали решеткой — на всякий случай, чтобы действительно не выпрыгнула. Вельг, прощаясь, долго доказывал ей, как она не права, и что намерения у Койдра самые добропорядочные — переселить на остров женщин и детей, организовать эвакуацию, спасти оставшиеся книги, рукописи и знания. Она не слушала. Вернее, слушала, да не верила.

Она провела в каморке несколько очень длинных дней и ночей. От безделья было тоскливо. Она глазела на улицу, бродила вдоль стен, и каждый вечер ужинала в компании Койдра, Вельга и других хильдов, то и дело присоединявшихся к трапезе. Они вежливо расспрашивали ее на посторонние темы, но больше разговаривали о своих собственных делах, словно ее не было, из чего она сделала вывод, что в живых ее не оставят. Хотя Вельг пытался, как мог, поддерживать хорошие отношения. Неужели он на что-то надеялся?

Так прошло пять дней. На шестой они ужинали вдвоем с Вельгом, в том же холодном и полутемно зале. Вельг вел себя развязано, много болтал, выпил в одиночку кувшин арали и, провожая в комнату, полез целоваться. С трудом ей удалось вырваться из его рук и вытолкать вон. К счастью, у двери имелся хлипкий внутренний запор, она задвинула его и

поспешно отошла подальше, боясь, он начнет ломиться и стучаться. К счастью, он не стал, только пробубнил что-то неразборчивое и ушел прочь.

Тут она серьезно задумалась. Положение становилось все более угрожающим: во первых, не факт, что кто-то знает, где именно она находится, во-вторых, она единственная женщина среди множества мужчин, и рано или поздно все закончится вполне определенным образом. Когда им надоест ждать, а им надоест, Пришествие приближается с каждым днем, жажда жизни и страх перед неизбежностью возьмут свое. Ей не сбежать.

Полночи Лейт в отчаянии металась по комнатухе. Потом, успокоившись, осторожно открыла дверь — снаружи та оказалась незапертой — и выглянула наружу. Молодой хильд, стоявший на страже, казалось, дремал, но стоило ей сделать шаг вперед, как он сразу же повернулся к ней лицом. Бесплезно... Придумать, что ли, какую-нибудь душераздирающую историю? Ведь поверил же ей тот жрец на Острове?

Лейт отступила назад и в бессилии упала на кровать. Близилось утро, в окне уже появились ярко-красные проблески зари, но сон не шел. Она лежала, слушая шорохи в коридоре, так непохожие на обычные звуки шагов, приглушенные голоса хильдов, звон оружия. Потом насторожилась, услышав, как кто-то снаружи пробует ее дверь, пытаясь открыть. Вельг? Вряд ли, слишком уж тихо и аккуратно, Вельг здесь свой, ему все позволено. Кто-то из хильдов решил развлечься? Тогда он убедится, что она надежно заперта, и уйдет. Лейт ждала, на всякий случай подтянув к себе трехногий табурет и рассчитывая оглушить им непрошенных гостей, если дверь все же не выдержит их натиска, но звуки за ней не были похожи на грубое вторжение. Толчок, затем дверь осторожно потянули на себя, затем снова толкнули. Пауза. Осторожный, едва различимый стук.

Лейт встала, волоча за собой табурет, дернула задвижку и отпрыгнула назад. Дверь приоткрылась, но ей почему-то остро захотелось оглянуться назад, и она не удержалась, дернулась, зацепилась взглядом за некрасиво смятую кровать, почему-то потянувшись поправить подушку... А когда сообразила, что ее намеренно отвлекли, испугалась и вновь кинулась к табуретке, но ее гость уже закрыл дверь.

— Переодевайся быстрее и уходим, — сказал Джерхейн Холгойн, протягивая ей сверток с одеждой.

— Как ты сюда попал? — шепотом, полным изумления и восторга, спросила она. Разглядеть его не получалось — взгляд все время соскальзывал на что-нибудь постороннее. Лейт решила, что на нем лежит знаменитое ройговское заклятие невнимания.

— Потом расскажу, — сказал он, улыбаясь. — Давай быстрее, мы вошли не так тихо, как рассчитывали.

Пока Лейт переодевалась, Джерхейн через щель разглядывал коридор. Одежда превратила ее в мальчишку-подростка, волосы она завязала в узел и спрятала под шапку. Оглянувшись, Джерхейн взял ее за руку и бесшумно выскользнул в коридор.

Купол служб, который требовалось пересечь, чтобы выйти из святилища, оказался полон народу — хильды замерли в странных, неловких позах, словно заснули на ходу, но их глаза, живые, полные ненависти и злости, внимательно следили за каждым движением тех, кто пересекал зал.

— Что с ними? — испуганно спросила Лейт.

— Ловушка, — пояснил Джерхейн. — Это ненадолго.

Ройг появился откуда-то сбоку, одетый в точности как хильдский воин, таща за собой молодого парня, который выглядел избитым и нетвердо стоял на ногах. Лейт узнала в нем

самого молодого и очень талантливого иллара Ильфейна — его звали Тройвен.

— Быстрее, они скоро оживут, — бросил он, кивком приветствуя Лейт. — Да и те, кого я оглушил, вот-вот очухаются.

— Говорил же, не суйся сюда в одиночку, — буркнул Джерхейн.

Уже у дверей, обойдя все расставленные Ройгом ловушки, за их спинами раздались проклятия, топот ног и звон оружия. Хорошо знакомый голос Койдра выкрикивал приказы.

Тэйн обернулся и наскоро сплел ловушку, перегородив проход, но выйти они не успели — двери распахнулись им навстречу, впустив хильдов. Джерхейн схватился за меч, но те, не зная, что происходит внутри, растолкали беглецов и один за другим бросились навстречу застрявшим с той стороны воинам.

— Река кипящей грязи затопила улицы! — закричал один из них

— Она течет по двум переулкам прямо сюда! — добавил другой.

Тэйн отодвинул Лейт и Джерхейна в сторону и первый выбрался на улицу.

18. Кйти на улицах

(Сезон Ветров. Риаллар, Эргалон)

Там, на противоположном конце площади, за статуей Хэллиха, уже блестела знакомая золотистая жидкость. Казалось, она стоит на месте, но все уже знали, как быстро и незаметно она может двигаться.

— Подождите здесь, — велел Ройг, спускаясь по ступеням на площадь. Джерхейн и Лейт остановились, Холгойн поднял меч, готовясь, если понадобится, сражаться хоть со всей засеваемой в храме шайкой хильдов. Не доходя до края, Тэйн остановился, следя, как кйти медленно, но верно прибывает и подбирается к ногам статуи. Статуя может рухнуть, если кйти разьет основание... Он попятился, оглядывая крыши домов, но здесь они отстояли друг от друга на значительное расстояние. Вряд ли раненый и девушка осият такой путь отступления... Хорошо бы спрятаться в доме и соорудить нечто вроде плота, чтобы переплыть на не залитую часть улиц и отыскать нормальную лодку, но там, в храме, осталась целая свора одержимых, им не дадут такой возможности.

Кйти ползла по камням мостовой с удивительным для нее проворством, она уже вылилась из переулков и теперь медленно заполняла площадь. Чахлые деревца дейда и колюче кустики дивоки погружались в нее без вреда для себя, а вот ближайший хэльд Свеча распался прямо у него на глазах, растаяв, словно кусок льда. Лейт и Джерхейн пятились назад с ужасом и отвращением, Тройвен зачаровано глядел на маленькие многопалые ручки, вскинувшиеся там, где только что был хэльд, а Тэйн сделал несколько бестолковых шагов навстречу, оказавшись у самой кромки. Там, за спиной, он скорее почувствовал, чем увидел Койдра и еще одного хильда в синем ранде, оцепеневших на ступенях, и Джерхейна, прижавшего Лейт к себе, словно собираясь защищать ее от всех на свете, и неожиданная ярость бешеной волной нахлынула на него. «Ах ты гадина, да что же ты с нами делаешь! — он закрыл глаза и поддался невыносимому потоку отвращения — ему казалось, что золотистая вязкая субстанция уже обволакивает его, пожирает и переваривает, как тела погибших лайдов и людей, и он сам превращается в кйти и течет, течет по улицам Эргалона...

Он непроизвольно вскинул руки к лицу и почувствовал невыносимый жар, словно окунулся в жидкий огонь, который, казалось бы, стеной окружил и отрезал его от остального мира. Щупальца кйти змеями ползли по телу, жгли и душили, и он дико закричал, отбиваясь инстинктивно и бестолково, сбрасывая их с себя с удвоенной силой, и когда, наконец, ни одного из них не осталось, он пришел в себя и снова увидел площадь, дома, друзей, храм Хэллиха...

Но кйти на площади не было. Не было ее и на улицах, по которым она стекалась к святилищу. Лейт, Даллан и Тройвен смотрели на него с восхищением и ужасом, второй хильд на крыльце храма пропал, испуганный Койдр выглядел из-за двери, очумело глядя на опустевшую площадь.

— Что здесь... было? — выдавил из себя Тэйн, вспомнив стену огня и ползущие по телу щупальца кйти.

— Ты закрыл лицо руками и закричал, — прошептал Тройвен. — Потом она, — он кивнул на землю, — кйти... стала таять...

— Она впиталась в землю, — добавила Лейт неуверенно.

— И растаяла совсем, — закончил Джерхейн.

— Я не... не делал никаких движений?

Лейт покачала головой.

— Ты стоял неподвижно. Кйти так до нас и не дошла, остановилась вон там, — она показала на край постамента статуи Хэллиха, — а потом стала исчезать, словно впитываясь в землю. Как ты это сделал, Тэйн? С помощью Огня жизни?

Ройг медленно покачал головой.

— Не знаю. Мне показалось, что... — он бросил взгляд на храм, — потом расскажу. — Может быть, конечно, я сам не зная, применил какое-нибудь заклятие. Может быть, я...

Он не договорил — из распахнувшейся с лязгом двери один за другим вываливались воины, следом за ними вышел Койдр, лицо которого все еще носило следы пережитого потрясения.

— Живыми всех четверых, — раздался отчетливый приказ.

Холгойн сгреб Тройвена и подтолкнул Лейт в ближайший переулок. Ройг шел последним, на ходу сплетая и бросая за собой урд-знаки и простенькие ловушки-препятствия. Улица перед ними была удивительно чистой, здесь не осталось и следа кйти, не осталось даже специфического острого запаха, но бежать было тяжело — Тэйн осознал, что изрядно выдохся. Хильды же не чувствовали себя уставшими, они топали в нескольких шагах, Тройвен тяжело спотыкался, Лейт и Джерхейн поддерживали и тянули его за собой. Имевшийся в запасе план отхода провалился из-за потерянного по вине кйти времени, срочно нужен был новый. Поравнявшись с Холгойном, Тэйн шепнул ему «У Риан ал Джара» и отстав на шаг, неожиданно развернулся, сбил налетевших на него хильдов с ног и кинулся в ближайший переулок, к его великой удаче, тоже очистившийся от кйти. Он бежал, увлекая за собой большую часть погони, постепенно проигрывая им в скорости, затем принялся петлять, сворачивая в каждый попадавшийся на пути переулок, в конце концов заскочил в тупиковый дворик и оказался лицом к лицу с пятерыми разозленными хильдами. Его почти сразу же окружили, и тот, что казался старше всех, вежливо предложил сдаваться. «В ранде, — подумал Ройг, — значит, иллар» Он вытащил меч из ножен и осторожно вытянул его вперед, демонстрируя хильду клинок. Расчет его был прост — если Следящий смотрит, реакция последует незамедлительно.

— Клинок отчуждения, — сказал Ройг тихо. — Слышал о таком?

Иллар повторил свое предложение сдаваться.

— Коснешься его — выпадешь из Кэлленара, а твой Следящий умрет.

«Вряд ли им обоим известны подробности», — мелькнула мысль.

До Следящего, видимо, стал медленно доходить весь ужас ситуации, потому что лицо хильда-иллара задергалось, но он все еще пытался сделать все по-своему.

— Попробуй...

Ройг сделал выпад, который хильд легко отбил, и тут же закричал не своим голосом:

— Отойдите от него подальше!

Тэйн воспользовался секундным замешательством, оттолкнул ближайшего из воинов, заехал в лоб знаком Небесного огня другому и бросился к выходу из дворика, засовывая меч в ножны и на ходу пытаясь плести узлы ловушки. Свернув за угол, он выкрикнул ключевое слово, и трое из пяти запутались в невидимой паутине. Он бросился дальше, тяжело дыша и шатаясь, потом заскочил в пустой дом, дождался двух оставшихся преследователей, саданул одного стулом, поплутал по дому, найдя черный ход, выскочил во двор, из которого, к

счастью, обнаружился выход, выбежал на улицу, остановился, прислонившись к стене и пытаясь отдышаться, сплел еще одну ловушку, нечто вроде лабиринта иллюзий, дождался последнего из хильдов, прошептал три слова урда и убедился, что несчастный воин принялся бродить от стены к стене, кружимый иллюзорными людьми из своего прошлого, и сразу же кинулся прочь — все его ловушки были слабенькими, Огня жизни в нем совершенно не осталось... Даже бежать не было сил. Он побрел, надеясь, что запутал следы окончательно и хильды его не найдут.

Оказалось, кйти затопила далеко не все кварталы в городе. Или он странным образом уничтожил её всю? Ответа не было. Тэйн вышел к дороге на Риан Ал Джар, туда, где начиналась кромка озера, и, обнаружив там несколько аккуратно привязанных лодок и плотиков, присвоил одну из них и стал ждать. На другом конце озера лайды соорудили нечто вроде небольшой пристани. Там тоже нашлись лодки и плоты, вроде тех, что строили в подземном Лахлайде. Ройг разглядел лодку с лайдами, пересекающую блестящую гладь в направлении замка. Интересно, можно ли сейчас попасть в Риан Ал Джар, минуя центральные ворота?

Когда появились Лейт, Джерхейн и Тройвен, он уже начал беспокоиться. К счастью, все трое были цели и невредимы.

— Куда теперь? — спросила Лейт, взволнованно глядя то на Ройга, то на Холгойна.

— Пешком до Шераха, это маленькое селение недалеко от Эргалона, — начал Джерхейн. — Там у надежного человека ждут наши арриты. Это один день пешего перехода. Потом на арритах до лагеря — он в верхних пещерах Джар Ил, недалеко от Колодца. Кйти туда никогда не поднимается...

— Она и Эргалон никогда не заливала, — буркнул Ройг, перебив его. — Выходила на поверхность ниже столицы в местах разломов и глубоких трещин в горной породе, и все. Но чтобы в Эргалоне... Не было ничего подобного.

— Ты уверен? — с сомнением переспросил Холгойн.

— Даллан уверен, — сказал Тэйн. — Он очень хорошо изучил наследие Ордена Феоллона. — Кстати, я с вами не иду.

— А как же... — начала Лейт, но Ройг ее перебил.

— Арритов всего три.

— Но я могла бы...

— Мне надо прогуляться в Риан Ал Джар, — усмехнулся Тэйн. — Есть у меня разговор... к его нынешнему владельцу.

Лицо Джерхейна исказила болезненная гримаса.

— Я не понимаю, чего этому упырю надо, — прошептал он.

— Кельхандар — не упырь, — строго сказала Лейт, неодобрительно глядя на Холгойна. Тот почему-то смутился от ее строгой отповеди. — Он разумнее многих из нас.

— Ты не видела, что вытворяют его упырята в горных селениях, — вздохнул он.

— Ничего особенного, — отрезал Тэйн. — То же самое, что и твои воины — режут зарвавшихся хильдов и особо опасных островных прихвостней.

— Дьявол с ним, с Харриабертом, — гневно заявил Джерхейн. — У нас мало времени... чтобы вывести людей. Ты должен...

Тэйн бросил на Джерхейна т а к о й взгляд, что тот моментально осекся и замолчал, отвернувшись к озеру.

— Кельхандар Харриаберт — единственный в нашем мире мастер хэльдов, пусть и

начинающий, — сказал Ройг сухо. — Без него ничего не сделать. На Алуре нет пути, — и он, кивнув Тройвену и слабо улыбнувшись Лейт, повернулся и пошел по дороге на Риан Ал Джар. Джерхейн проводил его обеспокоенным взглядом и тяжело вздохнул.

— Что такое Алуре? — спросил Тройвен.

— Ночное Солнце, — ответил Джерхейн. — Небесный Остров, где нет Пришествия.

19. Новый хозяин Риан ал Джара

(Сезон Ветров. Риаллар, Эргалон)

Ворота Солнечной башни оказались закрыты. Подергав за кольцо, Тэйн убедился, что они еще и заперты. Он постучался и подождал. Через некоторое время из маленькой дверки в воротах высунулась лысая зеленоватая голова.

— Кто ты и зачем пришел? — спросил его лайд, быстро оглядев с головы до ног.

— Я к Караху. Поговорить.

Дверь закрылась и открылась снова, и Тэйн с трудом просунулся в пригодную только для лайдов щель.

— Зря запираетесь, вас все равно никто не тронет, — буркнул он, оказавшись в темноте, которую рассеивали только мерцающие глазищи подземного существа. — Хильдам не до вас, они меня ловят. Где Карах?

— Во дворце. Там, на самом высоком этаже под крышей, — когтистая лапа указала на шпили дворцовых башен. — Ты найдешь, — утвердительно закончил лайд.

Тэйн кивнул ему и выбрался из темноты башни в Дружинный дворик. Да, давненько он здесь не был... Как все изменилось. Замок выглядел зловеще безжизненным, словно его покинули не пару сезонов, а пару столетий назад. Миновав Птичью башню, он оказался в Дворцовом дворике, носившем следы тщательной, но нечеловеческой уборки. Лайды очистили его от мусора, но оставили без изменений разрушенные строения, искореженные сады и обгоревшие деревья. Идеальная чистота и уродство. Ройга передернуло от отвращения.

По пути он несколько раз натыкался на лайдов, которые, завидев его, здоровались на человеческий манер, не выказывая ни малейшего любопытства. Встречались и люди. Ройг спросил у одного из них, где найти предводителя, на что получил путаный и не совсем понятный ответ. В конце концов он обнаружил его в бывших королевских покоях. «Вряд ли Кельхандар знал, что именно эти комнаты принадлежали когда-то старшим Холгойнам, — подумал Тэйн с мрачной усмешкой, — просто они уютные и устроены со вкусом и любовью. Джерхейн не хотел занимать их, потому что чувствовал угрызения совести. Не отправься он со мной, не оставь отца одного, может быть, был бы он жив до сих пор. Хотя вряд ли. Островитяне все хорошо продумали...»

Кельхандар бродил по бывшему кабинету Холгойна, перекладывая с места на место попадавшиеся под руку предметы. Вид у него был утомленный, необычный облик, наводивший неискущенного человека на мысль о тяжелой болезни, лишь подчеркивал его усталость и озабоченность. Он ссутулился, щеки ввалились еще сильнее, под глазами легли зеленоватые тени.

— Ага, вернулся, — бросил он, завидев Ройга. — Долго же ты бродил... Я уж думал — все. Или хильды, или островитяне до тебя добрались.

— Нет, они только собираются, — усмехнулся Тэйн.

— Слышал, — кивнул Харриаберт. Потом неожиданно зевнул, извинился и пожаловался на усталость и бессонницу.

— Спать хочется, а заснуть не могу. Ничего не помогает, — он с каким-то странным, почти умильным выражением уставился на Ройга. — Полечил бы, что ли, колдун-самоучка...

— Тебе, наверно, мое лечение не поможет, — усмехнулся Тэйн, продолжая изучать только что подмеченные изменения в его облике — оформившиеся щели зрачков, углубившиеся залысины, более резкие, чем раньше, угловатые, порывистые движения. — Хотя можно попробовать. Хочешь?

— Хочу, — Кельхандар неожиданно улыбнулся и уселся за письменный стол, какое-то время нервно ерзал на стуле, потом постепенно успокоился. — Только сначала поговорим, так? Есть хочешь?

— Хочу, — кивнул Тэйн. — И пить. И выпить.

Они рассмеялись почти непринужденно, и когда лайд принес кувшин с арали и горячую еду, Тэйн, давно уже забывший, что такое нормальная пища, первое время молча ел, следя за Кельхандаром, который в одиночку выпил почти целый кувшин, по запаху — самой настоящей инты, закусывая чем-то своеобразно приготовленным — аромат от его блюд шел острый, но уж очень непривычный.

— Я туда все-таки попал, — сказал Ройг, когда они оба насытились.

— На Алуре? Как?

— Сам не понял. После Арта Син Рен во мне что-то изменилось... Я видел Алуре в книге, опять же, глазами того же мастера хэльдов. Помнишь, когда я ушел из Лахлайда, хотел податься к Даллану, поговорить? Так вот, до Эргалона я не дошел. На третью ночь я остановился в брошенной деревушке. Глядел на Ночное солнце, думал, что спастись от Пришествия можно только там. Стал прикидывать, можно ли создать Небесный столб. Начал экспериментировать со знаками ши-ала и сам не понял, как там оказался.

— И? — Кельхандар подался вперед, от волнения узкие его зрачки расширились.

— Очень красивое место, — вздохнул Тэйн. — Леса, реки, озера, зверье разное... Одно солнце на небе. Агваллар не виден. Людей нет. Только небольшая заброшенная хижина — то, что осталось от старого мастера.

— Как же ты вернулся?

— Просидел я там довольно долго, — усмехнулся Тэйн. — Не знал, как выбраться. Рыбу ловил, охотился... хозяйством обзавелся. Поначалу вообще не знал, что делать, думал, тут и подохну. Когда успокоился и привык, стал пробовать шиаллах — он же от Кэлленара не зависит, он сам по себе. Так и вернулся — после долгих попыток нашел, наконец, нужное сочетание знаков. Получилась не шайола, а нечто иное. Этакое... — Тэйн сделал жест, нарисовав что-то вроде спирали. — Попал, кстати, точно туда же, откуда ушел. Даже вещи мои лежали нетронутые. В Эргалон пришел недавно — ну и наткнулся ночью на лайдов... Пока разузнал, что произошло в мое отсутствие, оказалось, что Даллан схвачен хильдами. Я вытащил его и нашел Джерхейна, но оказалось, что с Лейт случилась та же беда. Ее мы выручали уже вместе с Холгойном. Пока он пробирался к ней, я успел мило пообщаться с Вельгом. Этот мерзавец сделал у хильдов успешную карьеру, — Ройг с отвращением дернул щекой. — Оказывается, островитяне прекрасно знают, где я болтался все это время и очень хотят попасть туда же за мой счет. Хотел я его зарубить, да противно стало...

— Мне бы не стало, — пробормотал хильд. — Ну и гнида!

— Да и некогда было. Я к тебе по делу, — Тэйн внимательно посмотрел на Кельхандара, и тот неожиданно смутился, отведя взгляд. — Для начала объясни мне, какого дьявола ты пугаешь людей, натравливая на них лайдов? И зачем тебе такое количество кйти на поверхности Теллара?

— Причина Пришествия — Кэлленар, ведь так? — задумчиво начал хильд.

— Возможно, — согласился Тэйн. — Точного ответа нет.

— Значит, его можно остановить, уничтожив то, что его порождает.

— Уничтожить сам Кэлленар, — кивнул Ройг. — Может быть. Только как ты собираешься это сделать? Расколотить каждый из существующих хэльдов? А как же те, что на Острове? Да и Тонхайр велик...

— Ты заметил, что когда кйти затопляет хэльд или Круг власти, они рассыпаются в пыль?

Тэйн кивнул.

— Ну затопишь ты кйти Эргалон, ну, допустим, Риаллар, Тонхайр, ну даже Ард Эллар... А дальше?

— Выходы Тонхайра есть везде, — с гордостью заявил Кельхандар, будто сам построил подземное государство. — И в пределах Хильдайра, и в Ахтане.

— И на Острове? — усмехнулся Тэйн.

— Я думаю, затопять весь мир необязательно, — сказал Харриаберт серьезно.

— Хвала Илбару, — буркнул Тэйн.

— Достаточно затопить Колодец на Илломайне.

— А как насчет твоей башки? Может проверим, что там — все еще мозги или, может, уже кйти? — злорадно поинтересовался Тэйн. — Ты хочешь сказать, что устроил это только из-за бредовой идеи затопить Колодец?

— Идея не бредовая, — упрямо проворчал Кельхандар. — Поразмысли сам — если Колодец рассыплется, связь между остальными элементами исчезнет. Не станет Колодца, не станет и Пришествия. Может быть и Кэлленар останется...

— Ты сам себе противоречишь, — устало вздохнул Тэйн.

— Это выход, — настаивал Харриаберт — Других никто не предлагает. Ни островитяне, ни хильды, ни Холгойн. Ни ты сам. Даже если ты позволишь людям добраться до Алуре, тот мир, что мы знали, погибнет. Каким он родится снова, и будет ли в нем Кэлленар, неизвестно, а так...

— А так ты утопишь добрую половину населения в кйти, попытаешь ускорить ее рост, — оборвал его Тэйн. — С ума ты сходишь, вот что. Ложись поспи, может, полегчает. Как ты вообще до подобного додумался?

— Идея разрушить Кэлленар с помощью кйти пришла ко мне во сне, — Кельхандар печально улыбнулся. — С тех пор я словно заболел ею. Иногда мне кажется, что со мной творится что-то странное. Кажется, я знаю то, что никогда не знал раньше. Видения Потокров, Круговорота, мест, где я никогда не был. Они находятся-то вовсе не на Телларе, а где-то еще, вроде Острова или Лахлайда. Другие люди, не люди вовсе, а существа, и боги, многоликие, но все время одни и те же. Я оказываюсь там, среди этих людей, живу среди них, а потом иду дальше, иду, не останавливаясь, иду куда-то, сам не понимая, зачем, и что толкает меня в это бесконечное путешествие. Потом просыпаюсь и обнаруживаю, что помню чужой язык, чужие имена, названия, помню странные вещи, которые видел там, и их еще более странное назначение. Знаешь, я видел во сне оружие, стреляющее огнем. Это очень страшно, поверь мне. Надеюсь, что никто больше не видит таких снов... Иногда мне кажется... — он взволнованно перевел дыхание. — Я не просто знаю, что это такое. Я мог бы сделать это...

Тэйн медленно кивнул. Это было похоже на его собственные сны, в которых он продолжал переживать судьбу старого мастера-телла. Эти сны словно вели его куда-то, к

ответу на вопрос, который он никогда не задавал. Или все-таки задал неосознанно, когда впервые взял в руки Арта Сач Сал, Книгу без названия?

— И ты решил попробовать? — спросил он сочувственно.

Кельхандар поднялся из-за стола и снова принялся нервно метаться от стены к стене.

— Я уверен, что это поможет. Я знаю, что это поможет. Пусть мир изменится. Зато он останется жить! Не так уж и сильны те изменения, что приносит кйти. Я сам, да и те люди, кто ее пробовал, чувствуют себя гораздо лучше, чем раньше. Мне кажется, Тэйн, я мог бы многое изменить к лучшему...

— А ты не сомневаешься в своей нормальности? — проворчал Ройг, пытаясь уследить за его быстрыми нервными передвижениями по комнате.

— Только иногда, — ответил тот шепотом. — Может быть, так и должно происходить с тем, кто медленно превращается в лайда. Тэйн, — сказал он после паузы, — я все равно это сделаю. Хочешь ты этого или нет.

— Я могу остановить кйти, — проговорил Ройг медленно, словно с трудом — он вовсе не был уверен, что Кельхандару стоит об этом рассказывать. — Сегодня я уничтожил кйти на нескольких улицах, и думаю, что смог бы и больше.

Кельхандар остановился, замер на месте, перестав метаться, уставился на него со странным, испуганно-обиженным выражением.

— Лайды говорили мне, что в районе святилища Хэллиха вся кйти неожиданно ушла в землю, но я решил, что там, вероятно, есть какие-нибудь пустоты под улицами... Ты.

Он опустил в кресло, откинулся назад и закрыл глаза.

— Ты должен мне помочь, — взгляд хильда стал сердитым и требовательным. — Почему ты все время отказываешься? Ты можешь сделать несравнимо больше, чем я, в тебе есть что-то особенное, только ты не хочешь этого понять, и мне ты не хочешь поверить. Послушай... Может быть, Колодец можно разрушить с помощью камней?

Тэйн пожал плечами.

— Я над этим не думал. Кстати, они прекрасно заменяют источник Огня жизни при использовании шиаллаха. Каждый по отдельности и все вместе. Я пробовал на Алуре... Именно благодаря им я сумел вернуться.

— Может быть, именно в этом их истинное назначение, — глаза Кельхандара расширились. — Если попробовать... — и он замолчал, уставившись куда-то в окно. Взгляд его застыл, лицо исказило безумие. На мгновение на нем появилось хищное выражение, но сразу же исчезло, сменившись усталостью и отчаянием.

— Кстати, ты так и не сказал, что у тебя ко мне за дело, — очнулся Харриаберт.

— Ты еще не забыл, как создавать хэльды? — спросил Тэйн.

— Нет, — удивленно ответил хильд. — Но не забывай, у меня было очень мало опыта. И я пробовал с самыми простейшими.

— Все они — простейшие, если знать — как, — хмыкнул Тэйн. — Я хочу, чтобы ты создал Небесный Столб, а лучше — Ворота, ведущие на Алуре. С моей помощью, конечно.

— Вряд ли у меня что-то выйдет, — вздохнул хильд после долгой паузы. — Это... слишком сложно.

— Тогда мы все обречены. Я не смогу таскать людей поодиночке туда-сюда, — сказал Тэйн, не сводя с него взгляд, видя, что Кельхандар ошарашен предложением, но первое удивление уже схлынуло и он, как настоящий мастер, задумался о том, как воплотить его в жизнь.

Они молчали, глядя друг на друга, один — растеряно, другой — устало.

— Как ты это себе... представляешь? — спросил Кельхандар после длительной паузы.

— Выберем место, которое Джерхейн смог бы охранять. Синхронно воспроизведем заклятие переноса и заклятие творения хэльда. Если у нас получится, Джер организует переселение людей. Чем скорее мы с тобой соберемся, тем больше будет для этого времени. Предлагаю выйти завтра. Тебе есть на кого оставить эту дикую семейку? — Тэйн кивнул на окно, имея в виду лайдов.

— Да, — кивнул хильд. — А почему не сегодня?

— Тебе нужно отдохнуть, — ответил Тэйн, зевнув. — И мне тоже. Кстати, почему ты не спишь?

— Я же сказал — не могу.

— Это не причина. Что именно тебя беспокоит?

— Пришествие... А как ты собираешься добираться? Проход между Риан Ал Джаром и Белым озером затоплен, если открыть дверь, кйти хлынет из нее в замок. Так что идти придется пешком...

— Или на арритах.

— Где ты их возьмешь? — горько усмехнулся Кельхандар. — В деревнях их всех съели с голодухи.

— Украду у хильдов, — ответил Тэйн, зевнув. — Это несложно. Именно так я привез Даллана к Джеру. Пошли спать, что ли?

Тэйн увел Кельхандара в покои за кабинетом. По их убранству было заметно, что хильд ни разу ими не пользовался, возможно, и впрямь не спал с тех пор, как попал сюда. Заставив друга раздеться и лечь, он принялся лечить его самыми обычными илларскими методами — отыскивая на теле нужные точки, находя нервные центры, успокаивая тревогу, боль, изгоняя усталость. Кельхандар заснул быстрее, чем Тэйн предполагал — видимо, человеческого в нем все еще было больше, чем чуждого. Ройг прикрыл за собой дверь, шугнул сунувшегося было лайда, и направился в спальню Джерхейна. Он был уверен, что она свободна, и что тот не станет возражать, если Ройг ей воспользуется.

20. Атака Острова

(Сезон Ветров. Риаллар, Джар Илломайн)

— Таких, как ты, очень мало, — сказал ему человек с нечеловеческими глазами. Что в них было нечеловеческого, мастер не смог сформулировать, и потому решил не торопиться с суждениями, понаблюдать и присмотреться. И, конечно же, послушать. Этот странный тип подсел к нему за обедом. Его чуждость бросилась в глаза сразу же — мастер вот уже год как обитал в этом мире, пытаясь разобраться, что же делает его столь непохожим на все виденные ранее — то ли молодость культуры, то ли низкий уровень цивилизованности обитателей, то ли неумная, жадная и страстная жажда жизни, материальных благ, счастья, в которое можно вгрызться зубами и не выпускать, пока оно не кончится; этот человек казался изящным и возвышенным, высокомерным и снисходительным. Мастер поначалу хотел отделаться от него, но быстро передумал.

Этот человек знал о нем все. Или почти все.

— Ты не бог. Боги — это всего лишь существа, родившиеся у Истока и получившие при рождении дар передвижения по мирам. В их руках — мастерство рожденных в уникальном месте, которое само по себе есть источник Огня жизни, но в них самих его нет. Как ты уже понял, существует некий изначальный язык, который, будучи применен в обычных мирах, становится языком творения — или разрушения, смотря для каких целей его использовать. Там, у Истока, это обычный разговорный язык. Только очень немногие изрожденных у Истока обладают даром превращать обычные его слова в магические конструкции — заклинания силы. Они и становятся богами. Есть роды и дома, в которых этому умению обучают с рождения, обычно они используют при этом ту или иную стихию. Отсюда и берется их своеобразная специализация — бог воды, бог света, бог земли... Как их не называй — Феоллон или Наджар, Хэллик, Марс или Вицлипуцли, Тармил или Исида, сущность от этого не меняется. Должен сказать, что немногие из них рискуют выглядывать за пределы Истока, и, поверь мне, хождением по Кольцу занимаются далеко не самые лучшие. Иногда они вселяются в человеческие тела, превращая их в аватары или в полубогов, обладающих частью силы Истока, обосновываются в мирах Кольца и воплощаются, меняя тела носителей и пытаясь как-то влиять на выбранные ими миры. Но большинство из них просто живут, как люди — любят, ненавидят, рожают детей и внуков, умирают от болезней или несчастных случаев. Магия изначального языка, та, что доступна им, гонит некоторых в другие миры, так же, как жажда знаний и приложения умений гонит по мирам тебя, и некоторые вполне удачно осваиваются на чужбине. Они очень похожи на людей в своих поступках, желаниях и целях...

Мастер растеряно смотрел в нечеловеческие глаза своего собеседника.

— Ты уже знаешь, что Потоки, образующие Великий Круговорот, омывают не только твой родной Теллар, но и еще множество других миров. Каждый из миров Кольца приносит в бесконечную реку времени что-то свое, особенное, тем самым придавая ей полноту и разнообразие. Каждый из Великих Потоков, таких, как Поток Разума или Поток Любви будучи изменен в одном из миров, через которые проходит его путь, понесет это изменение дальше, дальше, через все остальные острова жизни на его пути, и изменит их сам, или, приняв новое изменение, направит свои вечные воды дальше. Но изменить Потоки способен

далеко не каждый. Богам, например, этого не дано. Есть совершенно иные существа... Они рождаются на островах жизни с искрой истинного Огня в душе, и, если им удастся сохранить ее, эти люди меняют миры до неузнаваемости, тем самым меняя течение самих Великих потоков. Творя их. Создавая новые острова жизни. Или разрушая... Мы зовем их Творцами. Почему-то Творцы никогда не рождаются в Истоке. Они всегда появляются только на Островах жизни. Искра гонит их по мирам, заставляя стремиться к месту, где их мятежная душа могла бы успокоиться. Только там, у Истока, они могут остановиться и отдохнуть, чтобы потом снова уйти...вернуться опять, для короткой передышки, и потом начать новый путь. Всегда найдется мир, в котором мятежная душа Творца захочет задержаться на какое-то время. И так — пока не потухнет искра. Ты уже понял, о ком я?

Мастер уткнулся носом в тарелку — они беседовали, сидя в крохотном ресторанчике на берегу моря, и шум разбивающихся о каменистый берег волн служил аккомпанементом к странному разговору. Собеседник смотрел на него холодными нечеловеческими глазами, и в них мастер увидел глубочайшее почтение. И сочувствие.

— Ты — Творец. Ты ведь давно уже это понял, ведь так? Просто не мог признаться себе. Догадывался, но не мог осознать своего предназначения. К сожалению, никто не поспешил к тебе на помощь, чтобы вовремя объяснить, что с тобой происходит.

Мастер смотрел в окно. Море, беспокойное и хмурое, швыряло на берег волны с яростным ожесточением, словно хотело навсегда смыть с лица земли этот ресторанчик и двух собеседников, буднично обсуждающих основы мироздания.

— Возможно, ты и прав, — сказал он, с трудом выговорив слова. — Но тогда кто — ты? И зачем пришел сюда?

— Я — из Анклава Судей. Мы тоже существуем на земле Истока. У нас много обязанностей... Я пришел за тобой. В храме Творцов горит твой огонь, но никто из них так и не явился открыть тебе истину. Может быть, потому что с каждым витком их становится все меньше, и они так редко возвращаются к Истоку. Пойдем, — гость встал, оказавшись неожиданно высоким и величественным, и мастер, глядя на него, застыдился своего небольшого роста, некрасивой с точки зрения человеческих островов внешности, и седых волос. Разве он похож на Творца, обитателя бессмертного Истока?

— Пойдем, — повторил судья. — Я покажу тебе дорогу.

Джерхейн, Лейт и Тройвен добрались до Шераха уже в лучах Ночного Солнца. Жара и холод, сменившие друг друга к вечеру, сделали переход невероятно утомительным. К счастью, в маленькой хижине на окраине Шераха, у верных людей, для них нашлись и подходящая одежда, и арриты, и горячая похлебка с куском лепешки.

Они устроились на ночлег в крохотной камерке, на связках трав, веток и тюках шерсти — бесценный запас, драгоценность по нынешним временам. Юный Тройвен, которому было тяжелее всех, заснул сразу же, как только повалился на тюки. Лейт, у которой болело все, что только может болеть, долго возилась, устраиваясь поудобнее и поглядывая на Джерхейна, который соорудил себе роскошное ложе из тюков и теперь с наслаждением стягивал сапоги.

— Откуда вы узнали, где я? — шепотом спросила она, когда они оба улеглись и задули свечу.

— Каллед прислал гонца, — пояснил Холгойн. — Ройг и Даллан как раз только что добрались до нашего лагеря в горах. Мы пришли бы быстрее, если б могли, — виновато

проговорил он, подняв взгляд на Лейт. Если бы хэльды были целы...

— Спасибо, — с чувством ответила она.

— Не за что.

— Ты знаешь, что на самом деле им был нужен не ты, а Ройг? — спросила Лейт.

— Уже знаю, — усмехнулся Джерхейн. — Он побывал на Ночном солнце — оказывается, оно называется Алуре. Островитяне надеются, что он покажет им путь.

— Ты веришь, что у него получится?

— Я уже ни во что не верю, — вздохнул Джерхейн. — Соппротивляюсь по инерции, потому что так воспитан и не умею сдаваться. Да и люди... их не бросишь. Всем нам нужна какая-то цель, смысл, чтобы не превратиться в зверье от отчаяния. Я надеюсь, что в верхних чертогах Тонхайра, там, где Колодец, мы пересидим Пришествие. Мы знаем, что именно нас ожидает, мы готовимся. Запасаем продукты, инструменты... все, что может понадобится в первое время после катаклизма. В общем-то, никто на самом деле не представляет, как это будет выглядеть. Тэйн рассказывал, что видел в Книге ураган, сметающий все на своем пути. Даллан вычитал в летописях Ордена Феоллона описание землетрясений и огненного града. Может, в разных местах оно по-разному... Не знаю. И никто не знает.

— Островитяне знают, — сказала Лейт. — Тогда, в Зар Але... Глава клана Следящих говорил Тэйну, что произойдет, если у него получится.

— Их не спросишь, — отрезал Джерхейн. — А если и спросишь — не ответят, сволочи.

В путь они двинулись рано утром, пока было еще прохладно, однако воздух под багровым небом стремительно нагревался. Ехали медленно, жалея арритов. Труднее всего приходилось с водой. Джерхейн сказал, что все дорожные колодцы давно пересохли, а теперь в них и вовсе плещется кйти. Арриты шарахались даже от крохотных серебристых лужиц, выступавших в оврагах, ямах и трещинах пересохшей земли. Тройвен напомнил, что на развилке пяти дорог, где они планировали переночевать, есть не один, а несколько колодцев, и в последний раз, когда он проезжал тем путем, во всех на дне плескалась вода. Перекресток лежал выше по склону Илломайна, и оставалось надеяться, что так высоко кйти еще не поднялась.

К середине дня небо стало похоже на раскаленный в кузнице металл. Каждое движение причиняло боль и людям, и арритам, и маленький отряд был вынужден сделать остановку в тени двух старых хэльдов и высохшей рощицы кней. Тень от каменных арок принесла небольшое облегчение, и какое-то время Лейт и Тройвен дремали, а Джерхейн поливал арритов из баклаги с водой, взятой про запас в максимально возможном количестве. Потом заставил Лейт и Тройвена сесть в седло и ехать дальше — ему хотелось укрыться в Тонхайре как можно скорее. Недолгий отдых — обычное безвольное сидение в душевной тени развалин, несколько глотков воды и кусок лепешки неожиданно придали Лейт сил, и она с неожиданной легкостью взобралась на аррита.

Холгойна беспокоили не лайды, как поначалу думала Лейт, а банды местных разбойников, которые после захвата хильдами Эргалона разрослись, как грибы после дождя. Беженцы из столицы и местные жители сбивались в банды, грабя случайных путников и нападая на чудом выжившие поселения. Да и сами хильды в последнее время не брезговали разбоем, чтобы подкормиться. Дружина Холгойна старательно отлавливала и карала всех, промышлявших разбоем: Джерхейн считал, что опускаться до бандитизма нельзя ни при каких обстоятельствах.

Во второй половине дня жара начала стремительно спадать, и Джерхейн пустил арритов

рысью. Они мчались мимо перекрестков, разрушенных хэльдов, мертвых камней прежних Кругов Власти, сожженных поселений, пепел от которых до сих пор разносил ветер. Лейт глядела на агонию родного мира с удивительным равнодушием. Как быстро ко всему привыкаешь... Тройвен мотался в седле, вздрагивая каждый раз, когда взгляд его натыкался на что-то подобное. Лейт подумала, что по возрасту они с ним ровесники, но ей пришлось повидать несравненно больше. Взять хотя бы тот же Остров Колдунов...

Долгожданная развилка пяти дорог уже маячила впереди, до нее оставалось совсем немного, когда окружающая обстановка стремительно изменилась до неузнаваемости. Прямо на глазах небо, темно-красное, с проблеском солнца и ярко-лиловым диском Агваллара, стало заволакивать грязно-синяя дымка, словно кто-то опрокинул чернильницу; небо стремительно превращалось в черную грязную тряпку, разом исчезли не только видимые предметы, но и одновременно все звуки, а ощущения ослабли и притупились. Остался только страх, который в первую очередь обуял животных. Лейт едва не свалилась с аррита, ее спасло то, что Джерхейн, быстро спешившийся, перехватил поводья. Тройвен, кулем свалившийся на землю, встать не пытался — сидя он сумел засветить крохотную искорку Небесного огня, которая вспыхнула и сразу же потухла.

Сквозь завесу черноты прорвался огненный дождь. Горячие светящиеся брызги, словно град, валились сверху и гасли, как только касались земли. Темнота продолжала давить, словно пресс, огненный град с неба ничуть не рассеял ее, он только больно лупил по лицу, плечам, и укрыться от него было негде. Лейт испуганно закричала и Джерхейн прижал ее к себе, чтобы не потерять, потащил вперед по дороге, потому что стоять и ждать было не в его характере, а если это Пришествие, то им все равно не спастись, так уж лучше... Пришествие? Огненный град валил, не переставая, они бежали что есть сил, чувствуя под ногами гладкие плиты древней дороги и лишь интуитивно понимая, что не сбились с пути. Когда в конце концов Джерхейн налетел на долгожданную арку, целую и невредимую, они получили короткую передышку.

— Стой здесь, — выкрикнул он, поворачивая обратно, туда, где остался Тройвен с арритами, но Лейт, глядя, как падают и скатываются по крышам огненные градины, догадалась, где именно находятся строения постоянного двора, и, не дожидаясь возражений, бросилась туда, под крышу. Проскользнув в такое же темное помещение, она осталась в дверном проходе, ожидая остальных. Волна паники и ужаса схлынула. Если это и есть Пришествие, то ничего страшного... Хотя...

Джерхейн и Тройвен тащили за собой упирающихся арритов. Огненный град очерчивал контуры строений, и им чудом удалось загнать арритов в загон и запереть двери. Джерхейн ушел искать сырье для костра, а Тройвен, застряв в дверном проеме, знакомо взмахивал кистями.

— Это не Пришествие, — выдавил он после того, как слова урда застряли у него в горле. — Это... на атаку похоже. Помните, аш-чи, когда мы под Риан Ал Джаром были? Островитяне тогда шиаллах использовали. Похоже... очень.

В следующее мгновение, словно подтверждая его слова, огненный дождь прекратился, и прямо посреди черноты проступили контуры гигантского Окна. Величественный среброволосый жрец со строгими и правильными чертами лица взирал на Наземный мир с печалью и осуждением. Какое-то время он молчал, пока Окно, занявшее полнеба, обретало резкость, и, дождавшись тишины, заговорил. Голос его глухим рокотом разносился в воздухе. Лейт не сомневалась: его слышали везде — во всех землях Теллара.

— Вы прогневали богов, — заговорил он с печалью и укоризной в голосе. — Вы осквернили Кэлленар и его святыни. Вы усомнились в его чистоте и могуществе. Вы изгнали илларов, продолжателей нашей воли и нашего дела, вы осквернили храмы — и теперь вы прокляты. Грядет Пришествие Феоллона — справедливая кара за все несправедливо содеянное.

— Началось, — проскрипел Джерхейн.

— Он ступит на землю, и твердь содрогнется от ужаса, расколется, извергая огонь. Поднимет руки, и смерчи обрушатся на Теллар, сметая все на своем пути. Шагнет — и океаны выйдут из берегов, перехлестывая через горы. И раскалится, а затем — замерзнет небо и земля, и день поменяется с ночью...

— Интересно, а это правда? — хмыкнула Лейт, которой моментально надоела пафосная и бессодержательная речь. — Кстати, Джерхейн, Тройвен, знакомьтесь — это Менарт, глава Конклава Жрецов. Эх, жаль Тэйн его не пристукнул, — вздохнула она.

— Какая ты стала кровожадная, — улыбнулся Холгойн. — Где та маленькая добрая девочка, которая защищала островитянку Кианейт от злобного дикаря-муженька?

— Спряталась, — подумав, ответила Лейт. — Пришествия испугалась.

Они терпеливо внимали Менарту, который продолжал описывать нависшие над Телларом беды.

— Но есть путь к спасению, — сказал глава Конклава, выдержав паузу. — Мы готовы помочь.

— Ага, все-таки есть, — хмыкнул Джерхейн.

— Врет он все, — прошептала Лейт.

— В обмен на единственную услугу, — продолжил Менарт. — Нам нужен человек по имени Тэйн Ройг, телларианин, риалларец. Нужен живой и невредимый. У нас самих нет возможности его найти, и нам требуется ваша помощь. Тот из теллариан, кто передаст его в руки действующим илларам или сможет самостоятельно привести к Небесному Столбу и переправить на Агваллар, будет первым, кому откроется путь к спасению. Поторопитесь. Поступь Феоллона уже слышна... Вы видели своими глазами, как он приближается. Сегодня мы смогли задержать его пришествие, но с каждым днем он все ближе и ближе. Торопитесь.

Окно с Менартом еще долго висело в воздухе, тая и рассеиваясь, словно туман. Густая и плотная тьма по-прежнему держалась, к ней добавился невыносимый леденящий ветер. Тройвен что-то пробормотал и взмахнул кистями, пошатнувшись, но Джерхейн и Лейт вовремя его подхватили.

— Ветер тоже... ненастоящий, — сказал он, задыхаясь. — Какая... мерзость.

Джерхейн ушел вглубь дома и принялся разводить огонь в очаге.

— Давайте поедим, — предложил он, когда на скудных поленьях заплясал крохотный огонек. — И погреемся. И подумаем...

— Тэйну не выжить, — прошептал Тройвен. — Вокруг столько мерзавцев... И никто ведь на самом деле не знает, что Агваллару нечего им предложить. Жизнь одного в обмен на жизнь многих... А вдруг они и правда знают, что делать?

— Они не знают, — твердо ответила Лейт, чувствуя, что они оба смотрят на нее, ожидая ответа. — Там, в Зар Але, они сами в этом признались.

— Этот подземный демон его не сдаст? — поинтересовался Холгойн хмуро.

— Не беспокойся, — улыбнулась Лейт. — Вдвоем они не должны пропасть.

21. Ворота в спасение

(Сезон Ветров. Риаллар, Джар Илломайн)

Демонстрация силы Небесного острова застала Ройга и Харриаберта в пути. На арритах которых Тэйн благополучно увел у хильдов из храма Хэллиха, они уже подъезжали к срединному кольцу городов. Тэйн ехал обходными путями в сторону родного городка — оттуда вело несколько известных лишь пастухам троп на высокогорные пастбища, расположенные, как оказалось, недалеко от заброшенных ворот в Обитель Колодца.

С трудом успокоив обезумевших от страха арритов, они вынуждены были спешиться и под огненным градом тащили их в поводу, проклиная островитян. То, что тьма и град были искусственного происхождения, оба поняли сразу же.

Объявление Менарта застало их врасплох.

— Теперь тебе лучше не появляться в лагере Холгойна, — буркнул хильд. — Сдадут.

— Вряд ли, — ответил Тэйн задумчиво. — Ребята из дружины знают меня много лет. Зря ты так плохо о них думаешь.

— Не все же, — невозмутимо продолжил тот. — Обязательно найдется какой-нибудь упырь или просто дурак, который поверит.

— Я не собираюсь рассказывать всем подряд, кто я такой.

— По-моему, нам не стоит задерживаться в твоём городе, — сказал Кельхандар после очередной паузы. — Еда у нас есть, арритов найдем чем напоить... И тебе лучше присоединиться к общине лайдов, чем к своим сородичам.

— Я подумаю, — буркнул Ройг.

После выступления Менарта огненный дождь слегка ослаб, но не утих, да и искусственно наведенная тьма не рассеялась. Снова оседлав арритов, они с трудом засветили жалкую искру Небесного огня и поехали верхом, ориентируясь почти интуитивно. Городок показался на горизонте, но Тэйн, следуя совету хильда, решил в него не заезжать. Остановившись на развилке, он дождался Харриаберта, который съездил в одиночку к ближайшему колодцу, чтобы наполнить баклаги с водой.

Кельхандар вернулся обратно, когда перед Тэйном образовалось небольшое Окно, в центре которого оказался Кимр.

— Я не вижу тебя, но знаю, что ты здесь, — заявил тот, глядя в пустоту. — Нам нужно с тобой поговорить. Ты не спрячешься от всего мира — теперь за тобой будут охотиться все, кроме, может быть, самых близких, — циничная усмешка появилась на его лице, и Тэйн уже собирался ответить жрецу как подобает, но Кельхандар перехватил его, бесцеремонно зажав рот рукой. — Я предлагаю тебе сделку: ты приходишь сам, а мы обеспечим всем, кого ты назовешь, укрытие на время катаклизма, у нас на Острове. Здесь есть убежища, где можно благополучно пережить Пришествие.

— Постыдились бы, — буркнул Тэйн, освободившись от хильда. Слушать Кимра он больше не собирался. Пройдя сквозь изображение, он оседлал аррита, собираясь решить проблему самым простым способом — уехать от Окна подальше, пусть, если хочет, вещает в темноту. Потом, повернувшись, бросил со злостью. — Устроили тут цирк под названием «Конец Света». Сколько рабов вы убили ради этого представления? А, ну да, «темненьких» в тарсе много, до Пришествия хватит... Продержитесь. Только здесь, в Наземном мире, об этом теперь знает достаточно людей, чтобы устроить вам веселенькую жизнь после того, как

все закончится.

— Не думаю, — огрызнулся Кимр. — Ты плохо представляешь себе, что ждет вас во время и после Пришествия.

— А ты поделись, — съязвил Тэйн.

— Тогда ждем тебя в гости, — с той же злобной и ехидной интонацией ответил жрец.

— Я подумаю над твоим предложением, — сказал Ройг, разворачивая аррита в сторону гор.

Когда городок остался позади, Тэйн неожиданно затормозил.

— К Джеру я не поеду, — сказал он, дождавшись Кельхандара.

— И то верно, — кивнул тот.

— Не будем терять времени. Надо как можно скорее открыть путь на Алуре. Предлагаю сделать это сразу же, как только мы подъедем поближе к плато, где находятся ворота в Обитель Колодца.

— Лучше сначала подыскать подходящее место, — подумав, сказал Харриаберт. — Оно должно быть доступным и скрытым одновременно. В стороне от известных троп, но так, чтоб легко добраться.

Тэйн кивнул.

— Когда рассветет, поищем.

— Если рассветет, — сказал Кельх с нехорошей ухмылкой. — Есть у меня подозрение...

По ощущениям, утро давно должно было наступить, но оно не наступило. Неестественная тьма так и висела над Наземным миром, и в ее душной и липкой тяжести чувствовался кровавый привкус замешанных на чужой смерти шайол. Огненный дождь иссяк, но вместо него в воздухе разливался заунывный и тоскливый вой, словно тысячи одичавших аргов одновременно вышли на охоту. Арриты бесились и пугались, удержать их стоило теперь огромных трудов.

К счастью, темнота не сбила Ройга с пути, и в конце концов они оказались на плато, в глубине которого в полуобрушенном куске скалы угадывались очертания некогда величественных колонн, открывавших вход в Обитель Колодца. Обогнув плато, они оказались в распадке между горами, внизу которого лежало небольшое горное озеро. Вода оказалась чистой, нигде поблизости не было и следов кйти.

— Последний нетронутый уголок, — хмыкнул Кельх, спешиваясь. — Ну что, здесь и останемся?

Тэйн кивнул. Идти куда-то еще, искать другое место ему не хотелось. Да и сил не было.

— Давай передохнем немного, — предложил он. — Костерок запалим, жрать сварим. И я по ходу дела расскажу тебе, как я все это вижу. Открытие ворот, — уточнил он.

К вечеру запасы Огня жизни у островитян стали понемногу таять. И хотя темень по-прежнему держалась, голоса тварей разносились леденящими порывами ветра, тусклое багровое пятно Острова постепенно проступило сквозь наведенный мрак, а следом появился и серебристый диск Алуре. Кельхандар ежился, плотнее запахиваясь в плащ, и растирал замерзшие пальцы, готовясь к работе. Тэйн облюбовал себе один из камней и прислонился к нему спиной. Камни-защитники они поделили: Тэйн взял себе два, Кельхандар, на которого ложился основной труд по созданию хэльда — три. Оба опасались, что для задуманного собственного Огня жизни может не хватить.

— Если что, я надрежу руку, — сказал Ройг мрачно. — Кровь должна помочь.

— Хорошо бы без этого, — поморщился Кельхандар. — Наши предки творили хэльды без всякой дьявольщины.

Тэйн напряженно разглядывал Алуре, вызывая в памяти картины острова. Чувство, что он близко, совсем рядом, словно за мембранной дверью в Зар Але, появлялось у него при взгляде на серебристый диск. Все было уже обдуманно и подготовлено, каждое слово, каждый жест, и сейчас оставалось только вызвать их к жизни, преодолев сопротивление магической тьмы, чувствительно давившей на обоих.

Кельхандар выжидающе следил за ним. Бросив последний взгляд на долину, Тэйн кивнул ему. Положив камни перед собой и не отрывая глаз от Алуре, он медленно воспроизвел то самое заклятие, не заклятие даже, а мольбу, подкрепленную чем-то похожим на танец знаков ши-ала и страстным потоком Огня жизни. И сразу же, в тот же миг тьма перед ним разошлась в стороны, образовав небольшую щель, в проеме которой он увидел заросшую цветами опушку леса, голубое небо над ним, по которому проплывали тяжелые белоснежные облака. Его неистово потянуло туда, в образовавшийся проход, но он не шевельнулся, тщательно сконцентрировавшись на картинке. Главное — не дать ей исчезнуть. Вот он, проход в другой мир. Теперь дело — за Кельхом.

Краем глаза он видел, как медленно, с трудом загораются знаки небесного огня — изначальные элементы сложного заклятия. На мгновение он усомнился, что у них обоих хватит сил — слишком уж давит эта искусственная тьма. Потом он услышал, как Кельхандар вплетает в слабую, еле живую конструкцию нечто более мощное и властное, чем родной и простой Кэлленар. Взмахнув руками, он влил в заклятие весь накопленный Огонь жизни, и, тяжело дыша, перешел к следующему этапу: рисунок заклятия проявился в воздухе прямо перед щелью в пространстве, откликнувшись какофонией звуков, как когда-то Колодец, и зазвучал нестройным рядом разрозненных аккордов. Кельхандар добавил что-то еще, и поющая картинка свилась в огромный кокон, который по мере вливания в него Огня жизни рос и превращался в похожую на ураган воронку, и наконец, сдвинувшись с места, покатился по черному небосводу... Тэйн сконцентрировался на воронке и поймал ее, усилием воли толкнув прямо в щель между мирами. Она двинулась в нужном направлении, но потом вернулась обратно, завертелась на месте, и вновь принялась медленно дрейфовать по небу.

— Не так, — глухо отозвался Кельхандар, распластавшись по скале и глядя на вихрь, гуляющий по небосклону. — Она не хочет останавливаться.

— Давай вдвоем.

Вихрь упорно не хотел двигаться куда надо, хотя в конце концов приблизился к щели и почти закрыл ее собой. Тэйн, все еще удерживающий связь с Алуре, принялся вплетать в нее те же ши-ала, с помощью которых он открывал проход. Уже после первого знака его начало трясти, скала под ногами задрожала, а Кельхандар заорал что-то плохо различимое в усилившейся какофонии тонов и аккордов. Тэйн, почувствовав уверенность, один за другим вписывал недостающие знаки, гигантский вихрь крутился быстрее, звуки стали невыносимо громкими. Предельно сконцентрированный на воронке, он все же успел заметить покотившиеся по склону камни и жутковатое белое свечение, идущее от пальцев Кельхандара прямо в небо. Теперь все казалось правильным — щель исчезла, на ее месте сияло нечто очень похожее на Небесный столб, только не сиреневого, а нежно-голубого цвета, в переливах которого виделись опушка леса, цветы и бегущие по небу облака. Только теперь он не мог пошевелиться, намертво связанный с только что созданными воротами,

шайолой и Огнем жизни, который продолжал сочиться из него прямо туда, в небесно-голубой вихрь. Он попытался разорвать связь — не вышло, он словно стал частью созданной ими конструкции, и теперь уйди он — неизвестно, что случится. «Надо оторвать его от себя... — подумал он лихорадочно, чувствуя, как к горлу подкатывает знакомый комок, говорящий об истощении Огня жизни. — Кельх у нас творец... это его творение... вот пусть и идет первый». И, странно уверенный в правильности догадки, он поднялся с земли — столб двинулся за ним, как приклеенный — и толкнул ничего не ожидавшего Харриаберта в воронку.

Кельхандар, неловко взмахнувший руками, свалился в столб света и исчез. Столб мигнул, на мгновение потемнев, и засиял с прежней яркостью. Тэйн почувствовал, как что-то рвется, словно выбрасывая его наружу. Ощущение оказалось до того болезненным, что он закричал, не выдержав, хватаясь за голову, за грудь — рвалось именно там, в глазах помутнело, по губам потекло что-то теплое — из носа хлынула кровь. Обрушившаяся следом тишина оказалась не менее оглушающей, чем грохот от воронки... Он оглох, а от последующей вспышки еще и ослеп. Яркое огненное сияние сделало весь мир одним гигантским солнечным диском и, увидев, как из этого сияния вываливается Кельхандар с невероятно восторженным лицом, Тэйн почувствовал, как подгибаются ноги, и провалился в этот ослепительно чистый свет. Затем свет померк, сменившись темнотой.

22. Ловушка

(Сезон Ветров. Риаллар, Джар Илломайн)

Огненный дождь прекратился, но рассвет так и не наступил. Джерхейн разбудил своих спутников, снова развел потухший за ночь очаг, на котором Лейт по-быстрому сварила нехитрую кашу. Позавтракав, маленький отряд поспешно тронулся в путь.

К полудню на грязно-черном небосклоне стали проявляться багрово-фиолетовые очертания Острова Колдунов. Лейт подумала, что большинство, пожалуй, не подозревает, что до настоящего Пришествия еще далеко. Поделившись соображениями с Джерхейном, она выслушала поток нечленораздельной ругани — тот боялся за оставшихся в лагере людей.

— Лишь бы не запаниковали, — пробурчал он.

— Там же Даллан, — вступил Тройвен. — Он же разберется.

— Все равно плохо, — бросил Холгойн. — Все эти фокусы можно считать объявлением войны Наземному миру. Эх, был бы я дома, и если бы Пришествие не было так близко...

Холод переносился легче жары, быстрые движения лишь помогали согреться, но Лейт мучилась от боли в перетруженных накануне мышцах. К счастью, они достигли узкой горной дороги, ведущей к Нефритовым Воротам, необыкновенно быстро. Джерхейн позволил им передохнуть, перекусить, и пока Лейт дремала, прислонившись к обугленным останкам какого-то деревянного строения, сам он пристально разглядывал окрестности. На вопрос Тройвена, почему они едут к Нефритовым воротам, а не выше, к замаскированному входу в лагерь, он пояснил, что передвигаться по Тонхайру теперь безопаснее, чем по земле. Почти все ловушки рассеялись или ослабли, дорога выйдет длиннее, зато спокойнее.

В темноте то и дело возникали тоскливые монотонные голоса — то ли ритуальное пение, то ли голодные завывания неизвестных существ, то ли чей-то тоскливый плач. Иногда голоса прерывались воплями и стонами, и тогда в небесах вспыхивали красные и желтые зарницы, а из земли вырастали призраки. Тройвен сразу определил, что существа, возникающие вместе с воем — всего лишь иллюзия, они безвредны и недолговечны, несмотря на отталкивающий вид. Призрачные звери множились, шкуры и глаза их тускло мерцали, они бродили, кружили в темноте, но нападать — не нападали. Арриты на них не реагировали, словно не видели вовсе. Тройвен попытался сложить простенькое заклятие, чтобы прогнать призраков, но тяжесть кровавого шиаллаха словно придавила ему руки. Отогнать их палкой не получилось, они вереницей выстраивались в хвосте кавалькады и трусили, подвывая и ни на что не реагируя.

Джерхейн ругался, что из-за темноты потерял ориентацию во времени и пространстве. Сполохи на небосводе иногда вырывали из тьмы знакомые ему с юности очертания гор, ион убеждался, что движется в правильном направлении. Хотя, по его же заверениям, сбиться с дороги здесь было трудно... По его догадкам, оставалось еще полдня пути, когда на небе опять появилось гигантское Окно с Менартом. Жрец повторил те же слова, что и накануне, многозначительно повисел в воздухе и растаял. Лейт и Джерхейн молча переглянулись, но не остановились, продолжая путь.

— По крайней мере мы знаем, что Ройг все еще на свободе, — сказал Тройвен, догнав их.

Оказалось, что арка Нефритовых Ворот слабо светится в темноте, и Лейт с Тройвеном несказанно обрадовались, увидев издалика ровное зеленоватое мерцание. Лейт, уставшая до

изнеможения, с трудом держалась в седле, и даже выносливый, привыкший к изнуряющим переходам и частым ночным столкновениям Джерхейн признался, что устал. Тройвен и вовсе скис — он сильнее всех чувствовал тяжесть кровавых шайол.

На краю плато Джерхейн неожиданно остановился, сделав знак остальным.

— Там кто-то есть, — тихо сказал он.

Они глядели на него со страхом. Тройвен закрыл глаза, прислушиваясь и едва заметно шевеля пальцами.

— Люди, — пробормотал он. — Зрение усилить не могу, тьма мешает, а вот слух...
Вооруженные. Нас они, кажется, уже обнаружили.

— Возвращаемся, — приказал Джерхейн, разворачивая аррита, однако было уже поздно — один, второй, третий силуэт, плохо различимый во тьме, отделился от бесформенной громады камня. С другой стороны возникли еще четверо. Топот ног, шумное дыхание и отдаваемые шепотом команды...

— Скачите к Воротам, отпустите арритов и ныряйте внутрь, — прошептал Холгойн. — Трой знает дорогу. Я их задержу.

Но она не успела. Что-то темное ударило аррита и он стал заваливаться на бок. Лейт чудом успела вынуть ноги из стремян и спрыгнуть в сторону, неожиданно для себя самой сбив кого-то с ног и едва удержав равновесие. Джерхейн с громким боевым кличем направил аррита на кинувшихся к нему людей, Лейт услышала характерный свист и хруст, сопровождающий ударом меча, и со всех ног бросилась к светящейся арке. Тройвен отбивался неумело, меч был тяжел для его небольшого роста и рук, привыкших к чутким колебаниям урд-знаков, а не к тяжести стального клинка.

По пути Лейт всем телом врезалась в невысокого и плотного воина и с неистовой силой и яростью, не дав ему опомниться, ударила коленом в пах, что есть сил оттолкнула, чудом увернувшись от удара мечом, и бросилась дальше. Удачно проскочив мимо еще двоих, собиравшихся схватить ее одновременно и помешавших друг другу, она нырнула под арку и неожиданно провалилась в абсолютный мрак. Потеряв ориентацию, она в панике бросилась дальше, дальше — и через несколько мгновений-шагов оказалась в светлом и красивом зале. От неожиданного великолепия у нее захватило дух... Звуки битвы не долетали сюда, тишина окружила, обволокла, очаровала... Льющийся с потолка свет, чудесные колонны-деревья, каждый листик которых можно было разглядеть и потрогать, сложный и прекрасный узор на полу... Пораженная красотой и величием в самое сердце, она стояла, тяжело дыша, и оглядывалась.

К реальности ее вернула боль — тело, надорвавшись от непомерных усилий, требовало покоя. Она несколько раз вдохнула и выдохнула, думая, что там, снаружи, остались друзья, и решительно повернулась назад, к темному провалу. Она не воин и не маг. Что она может, кроме как не путаться у них под ногами?

Осторожно миновав кусочек мрака, она снова оказалась под сводом светящейся арки.

Арриты куда-то исчезли. Она увидела Холгойна, яростно защищавшегося от атак двоих очень умелых мечников. Еще один пытался отвлечь его со спины, но Джеру удавалось увертываться. Сияние арки немного рассеивало темноту на плато, и теперь она могла лучше разглядеть нападавших. Хильды. Уже было несколько убитых, двое молотили друг друга, катаясь по земле. Тройвен, поняла она, все еще чудом сопротивлялся. Чуть в стороне, у самых скал, Лейт разглядела скрытую тьмой фигуру — некто спокойно наблюдал за происходящим на плато, не вмешиваясь. Руки его были вытянуты вперед, кисти знакомо

двигались. Через мгновение с них сорвалось что-то темное и полетело в Джерхейна, ударив его в спину, отчего он упал, но удачно перекатился через бок и быстро поднялся на ноги. Схватка продолжилась, только Лейт видела, что движения Холгойна стали не такими быстрыми и ловкими, он потерял в скорости и оглядывался, ища источник атаки и рискуя пропустить опасные удары.

Иллар-хильд снова вытянул руки и она поняла, что нужно срочно вмешаться. С воинами Джерхейн справится, а с колдуном, пусть и слабеньким — вряд ли. В этот раз в Холгойна полетел огненный сгусток, но Джерхейн уже обнаружил колдуна и толкнул в его сторону одного из атакующих его хильдов. Того обожгло — он вскрикнул, неловко взмахнул руками и напоролся на меч.

Лейт поискала глазами Тройвена. Тот неподвижно лежал на земле, а хильд сидел рядом, держась за голову. Против Холгойна оставалось еще двое. Колдун сделал несколько шагов вперед и снова поднял руки, с них сорвалась серия знаков, прицельно ударивших Джерхейна в грудь и по ногам. Он упал, но снова перекатился, отшвырнул от себя одного из хильдов, второго сбил с ног и мгновенно подмял под себя. Лейт видела, с каким усилием, шатаясь, он поднимается на ноги. Оба его противника поднялись раньше него и теперь наступали, тесня Джерхейна спиной прямо на колдуна.

Лейт выскочила из-под арки и тут же споткнулась о булыжник. Набрав в подол куртки камней, она подошла сзади к сконцентрированному на заклятиях иллару и швырнула камень ему в голову, но попала в плечо, сбив рисунок заклятия. Швырнула еще один камень, попав в бок, но тот мгновенно нашел источник, откуда они летят, и, развернувшись к ней, стремительными шагами пошел навстречу, а она, уронив булыжники, бросилась обратно к пещерам, понимая, что ни тьма, ни свет его не задержат...

И упала на землю, сбита с ног кем-то стремительным и высоким. Один, второй, третий... Глядя снизу вверх, Лейт не поняла, сколько их, откуда взялись и на чьей стороне. Двое сразу же налетели на иллара, опрокинув его на землю, остальные ринулись на помощь Джерхейну. Глядя на них, Лейт сообразила, что оружия у неожиданных помощников нет, они нападают врукопашную, причем весьма успешно — длинные руки с цепкими когтистыми пальцами мгновенно дотягивались до горла, душили или ломали шеи. Через несколько мгновений все было кончено.

Джерхейн, тяжело дыша, отыскал ее глазами и кивнул. Лейт бросилась к Тройвену. К счастью, тот был жив, только оглушен и избит, кроме того, противник успел тщательно его связать.

— Живыми хотели взять, — прохрипел Холгойн, мечом распарывая веревки. Лейт попыталась привести парня в себя, и тот со стоном открыл глаза.

Неожиданные помощники — лайды — меж тем хладнокровно и методично обыскивали трупы. Их интересовало только оружие и меховые плащи. Собрав добычу, они, не говоря ни слова, развернулись и направились к пещерам. Один из них, видимо, командир, подошел к Джерхейну и коротко, на человеческий манер, поклонился.

— Спасибо, — сказал тот, глядя в круглые глаза лайда. — Долг за мною. Чем я могу его вернуть?

— Не трогай Караха, — ответил лайд сдержанно. Джерхейн медленно кивнул. Тогда лайд развернулся и догнал остальных, которые уже скрылись в темном провале Ворот.

Лейт помогала Тройвену подняться на ноги.

— Ничего, дойду, — прошептал он.

Холгойн, глядевший вслед лайдам недоуменно и растеряно, очнулся и подошел к ним.

— Давайте, пока другие не подтянулись, убираться отсюда, — поддерживая Тройвена, он побрел к пещерам.

Миновав темный провал, Приемную и еще несколько лежавших за ней чертогов, не менее прекрасных и величественных, чем самый первый, они остановились в уютном зале с ручейком, текущим прямо из стены, и исчезающем на дне небесно-голубой каменной чаши. Джерхейн, отцепив ножны с мечом, в первую очередь напился и сунул голову под ледяную струйку. Тройвен и Лейт последовали его примеру, а затем повалились без сил на каменные гладкие скамейки.

Лейт вытянулась на каменном ложе. От усталости и пережитого страха причудливый свод пещеры кружился перед глазами, и она закрыла их. Ну нет больше сил, совсем нет... Когда же наконец закончится этот кошмар... Пусть уже скорее. Неожиданно для себя она всхлипнула: слезы навернулись на глаза и высохли, невыплаканные.

Джерхейн сел рядом с ней, и она ощутила, как его тяжелая рука легла на ее лоб. Она открыла глаза и попыталась улыбнуться — у нее даже получилось. Но его взгляд оставался серьезен.

— Ты меня почти спасла, — сказал он хрипло. — Но лучше не рискуй так больше. Если с тобой что-то случится, я не переживу.

23. Новое убежище

(Сезон Ветров. Риаллар, Джар Илломайн, Обитель Колодца)

Пещеры Тонхайра, обжитые воинами дружины и обитателями срединного кольца, произвели на Лейт самое негативное впечатление. Люди устраивались, как могли, приспособляясь к непривычным условиям подземной страны — жгли костры в парадных залах, варили похлебку из местной жутковатой живности, завешивали тряпками и шкурами залы поменьше, обустроивая их по образу и подобию тех жилищ, что когда-то имелись у них на поверхности. Никакая вентиляция не спасала в таких случаях — тяжелый запах пищи, отбросов, которые некуда было девать, немых тел, испражнений, для которых не было ни оттока, ни ям, а если что и было приспособлено тогда, много тысячелетий назад, то нынешние обитатели Тонхайра об этом не имели даже понятия; чад от постоянных костров на угле, редко теперь приходилось использовать настоящие дрова... Лейт показалось, что здесь и вовсе нет воздуха. Джерхейн, впрочем, даже не морщился, а когда она пожаловалась, напомнил, что там, на поверхности, кроме свежего воздуха есть еще хильды, лайды и островные колдуны. А так же жар, пыль, кйти и прочие прелести.

Элементы шиаллаха, лежавшие в основе многих загадочных предметов Обители Колодца, светились теперь даже сквозь камень, а в некоторые места лучше и вовсе было не забредать — почти всегда случалось что-нибудь странное и пугающее. Традиционные хэльды замолчали, ловушки не выполняли своих функций, но конструкции заклятий все еще держались, и лишь причудливая, величественная красота этих мест оставалась неизменной.

Личные покои Холгойна и командиров его небольшого войска располагались в самой Обители Колодца. Здесь оказалось тихо, прохладно и пустынно. И гораздо красивее, чем в Риан Ал Джаре. Тогда, по пути в подземный лагерь, зачарованная Лейт то и дело отставала, спотыкалась, замирала от удивления и восторга, норовила свернуть не туда, и тогда Джерхейн возвращался за ней и с усмешкой выводил обратно, а однажды даже пригрозил закинуть ее на плечо и дотащить, как поклажу.

Их успешному возвращению были рады все от мала до велика. Джерхейн уединился с командирами и Далланом, Тройвена утащили воины дружины, требуя рассказать все подробности путешествия, а Лейт, воспользовавшись гостеприимным предложением занимать любой из малых чертогов, поспешно выбрала самый крохотный, в двух переходах от роскошного гигантского зала с чудесным каменным деревом по центру. Осмотревшись, она обнаружила, что ее очередное жилище — овальной формы и имеет маленькую нишу с глубокой каменной раковиной в полу, напомнившей ей сложенные лодочкой ладошки, и бесшумным крохотным ручейком чистой, чуть теплой воды. На уже хорошо знакомом каменном ложе с низким и покатым изголовьем были навалены шкуры. Дверей в тонхайрских лабиринтах не существовало, однако вход в пещерку был создан в виде плавного завитка с сужающимися стенами, отчего она казалась полностью изолированной от остальных залов.

Оставшись одна, она долго и с наслаждением умывалась и приводила себя в порядок. Напившись воды, ощутила безумный голод. Пожалев, что не расспросила, где здесь можно перекусить, Лейт выбралась на поиски еды.

Как ориентироваться в залах Обители Колодца она не имела не малейшего понятия.

Настороженно прислушиваясь, она уловила приглушенные, но хорошо различимые звуки, и, верная слуху, вышла к залам, обставленным в точности, как в домах Риаллара. Столы, стулья, ковры на полу, темноту освещали разбросанные по стенам хэльды, которые, хоть и потускнели, но работали вполне исправно. Здесь обнаружили Джерхейн, Даллан, Раммер, два иллара Ильфейна, которых она хорошо помнила по Эргалону — они сгрудились вокруг стола с картами и книгами, списками и свитками, пустыми тарелками и незнакомыми артефактами.

Лейт была удивлена, как обрадовались все эти люди ее появлению. Зашумели и засуетились, предлагая сесть, отдохнуть, расспрашивали о самочувствии, а когда она робко попросила поесть, один из илларов поспешно убежал и вернулся с целым подносом еды и кувшином с вином. Глядя на все эти блюда, Лейт поняла, что она лопнет от жадности. Она под села к Даллану — левая рука у него висела на перевязи, но выглядел он здоровым и энергичным, как и раньше. Джерхейн на другом конце стола о чем-то горячо спорил с Раммером, тот не соглашался, упыри и утопленники сыпались с его языка словно камни горного обвала, Даллан прислушивался краем уха, но не вмешивался, расспрашивая Лейт. Оказалось, день назад Обитель Колодца пополнилась еще одним обитателем — Иттой. Лейт безумно обрадовалась: когда ее полный страх и несчастий путь закончился, она испугалась, что не найдет себе применения в этом подгорном муравейнике, где каждый был подчинен одной цели — выжить. Теперь же у нее снова появилась забота...

Поблагодарив Даллана, она уточнила, где искать девочку, и уже собралась идти к своей любимице, когда в зал стремительно вбежал один из воинов дружины. Следом за ним ворвались еще двое.

— Там, на северном склоне... в долине у рухнувших ворот... там Небесный столб!!!
Новый!

— Два отряда в долину, склоны оцепить, прочесать, столб окружить, поставить илларов и людей с клинками отчуждения, — отчеканил Джерхейн, подавшись вперед. — При прорыве войск с Агваллара — убивать безжалостно, пленных не брать.

— Погоди, — требовательно прервал его Даллан и повернулся к гонцу. — Расскажи подробнее, как все произошло. И столб опиши.

Тот замялся, подбирая слова.

— Все началось с бури на небе. Сначала сполохи, потом — сияние, огненный вихрь... Вихрь швыряло через все небо. Потом он остановился и превратился в столб.

— Столб такой же, как агвалларский? — уточнил Даллан.

— Нет. Неяркий, но светится на всю долину. И не лиловый, а голубой.

Даллан повернулся к Холгойну.

— Иди туда сам. Это не островитяне. Ищите двоих — хильда и риалларца. Может быть, они без сознания, а может, сами идут сюда. Только осторожно, не спугните.

24. Мир без магии

Сезон Ветров. Небесный Остров Алуре.)

Белые пушистые облака, гонимые ветром, медленно и величественно плыли вдоль реки. Воздух вкусно пах травой и свежестью, пьянил, вызывая приступы безудержного немотивированного счастья. Тишина стояла такая, что закладывало уши. На много тагалов вокруг был только лес, да речка, да облака...

Постояв на берегу, Тэйн неохотно двинулся обратно к Воротам. Маленький отряд разведчиков разбрелся по опушке леса, и только одна Лейт сидела на крыльчке крохотной хижины, выстроенной когда-то мастером и недавно обжитой Ройгом. Джерхейн с Калледом и Далланом обсуждали наипервейшие шаги для организации колонии — необходимые инструменты и мастера, сроки, за которые можно переместить сюда как можно больше жителей и как поудобнее и побыстрее разместить их под открытым небом, кого переправлять в первую очередь, а кто может и подождать...

Ройга хозяйственные заботы не интересовали. Он свое дело сделал. Здесь, на Алуре, ему хотелось забыть обо всех проблемах Наземного мира. Он бы с удовольствием остался здесь надолго, но иррациональное чувство тревоги, давящее ощущение незаконченного дела требовало вернуться обратно.

Он пришел в себя в Обители Колодца, увидев перед собой взволнованные лица Даллана, Джерхейна и Лейт. Кельхандар исчез. Тэйн помнил, как Харриаберт выходил из только что созданных Ворот, видимо, именно он и отнес его сюда, но не пожелал связываться с Холгойном и вернулся к своим лайдам и к своей безумной идее с кйти. Тем не менее, путь на Алуре — это результат совместных усилий их обоих, они не просто создали хэльд, они открыли Ворота в другой мир, на другой остров жизни — так называли на языке Истока их маленькие миры. Возможно, и сам Теллар — такой же остров жизни, как Агваллар или Алуре, и где-то в других мирах он виден на небосводе ярким светящимся кругляшом. Пережив Пришествие, они вдвоем смогут возродить Теллар, и может быть, даже вернуть Кэлленару былое могущество, величие и силу. Только что делать с Островом Колдунов и одержимыми, засевшими там у власти?

Он подошел к Воротам, собираясь возвращаться на Теллар. С этой стороны столб света был меньше, чем дома, не требовалось никаких усилий или магических действий чтобы им воспользоваться. Джерхейн, заметив, что он собирается уходить, поспешил догнать его.

— Остался бы ты здесь, — сказал он с нажимом. — Так надежнее. Ты хотя бы местность знаешь...

— Ничего сложного, — хмыкнул Ройг. — Дальше по берегу есть пологий спуск, на берегу — лодка.

— Островитяне объявили за тебя такую награду, что выше уже некуда, — продолжил Джер.

Ройг махнул рукой.

— Как-нибудь выкручусь. Дел много... Кстати, кого ты поставишь главой колонии?

— Хотел тебя, но если ты уходишь... Даллана, — ответил Холгойн недовольно. — Куда делся этот подземный демон?

— Вернулся к своим демонятам, — улыбнулся Ройг

— Я так с ним и не познакомился, — буркнул Джерхейн. — Хотя бы одним глазом

посмотреть...

Тэйн пожал плечами. Встреча Кельхандара и Холгойна представлялась ему преждевременной, особенно, пока Кельх одержим идеей залить весь Наземный мир кйти.

— Ну, я пойду? — спросил он.

— Давай я дам тебе охрану, — предложил Джерхейн.

— Не надо. Никуда дальше Обитатели Колодца я не собираюсь. Пока. А там — видно будет. Надо бы проверить отметки на Белом озере. Можно попробовать определить точную дату Пришествия...

Джерхейн мрачно кивнул, всем своим видом показывая, что не согласен с Ройгом, но возражать считает бессмысленным. Тэйн хлопнул его по плечу и шагнул в голубое сияние.

Лейт, сидевшая на кривенькой ступеньке, задумчиво рассматривала бегущие облака. Поначалу у нее перехватило дыхание от необыкновенной красоты, представшей перед глазами. Голубое чистое небо, зеленый ковер травы, пестревшей цветами, лес вдалеке, такой, какой она не видела ни в родном Ард Элларе, ни в Эргалоне, золотистый маленький солнечный диск, чистый воздух, напоенный ароматом трав, ласковое, нежаркое тепло и легкий свежий ветерок... Недаром на этот Небесный Остров никогда не было пути. Проводив глазами Ройга, исчезнувшего в сиянии Ворот, она перевела взгляд на Джерхейна, хмурого и недовольного, который, постояв у перехода, двинулся в направлении хижины. Подойдя к ней, он уселся рядом и некоторое время так же задумчиво глазел на облака.

— Завтра же отправлю сюда первый отряд, — сказал он после паузы. — Для начала — мужиков с инструментом и походными шатрами, пусть хотя бы навесы соорудят. Потом — баб с детишками и скарбом, арритами и прочим скотом.

— Подростков отправь и юношей, — добавила она. — Нечего им там, внизу, болтаться. Тут от них будет больше пользы. И стариков.

— Ага, — согласился Джер. — Само собой. Ты вернешься или останешься?

Лейт задумалась.

— Я хочу вернуться к родителям, — сказала она неуверенно. — Несправедливо, что они там, а я здесь, в безопасности.

— Ты это заслужила, — резко ответил он. — И в конце концов, именно они отдали тебя замуж за этого дурня Ас-Вардена, который даже уберечь тебя не смог.

— Разве они в этом виноваты? — удивилась Лейт.

— Конечно. Разве твой отец не видел, что выдает дочь замуж за недалекого и жадного хвастуна? Почему он отпустил тебя в дорогу на другой континент в такое опасное время?

Резкий ответ чуть было не сорвался с ее губ, но она удержалась. Ссориться с Джерхейном не хотелось.

— У нас так принято, — возразила она спокойно.

— Они далеко, — сказал он твердо. — Они зрелые, сильные люди, у них есть взрослый младший сын, твой брат. Улле — спокойный маленький городок, иллары Ард Эллара знают о Пришествии и наверняка помогут своим подопечным пережить его. Тебе до них все равно не добраться, — заключил он.

— По подземным рекам — можно, — прошептала она. — Тэйн же приплыл из Дахара на Белое озеро...

— Кйти сильно поднялась, — возразил Джер. — Возможно, русла и пустоты залиты ею. — Если получится, я попробую узнать, что с твоими родителями. А тебе стоит остаться

здесь. Завтра я отправлю сюда Итту. Я хотел попросить тебя присмотреть за ней.

Ей опять захотелось возразить, просто, чтобы не соглашаться с ним так легко, но подумав, она молча кивнула. На самом деле там, в Наземном мире, ее больше ничего не держит.

— Я все же хочу иногда возвращаться на Теллар, — добавила она твердо. — Время от времени.

— Разве тебе здесь не нравится? — спросил он.

— Очень нравится, — сказала она с чувством. — Здесь так... спокойно. Но в последнее время я жила совсем другой жизнью. Мне будет ее не хватать.

— А мне уже надоело геройствовать, воевать, измышлять хитроумные ловушки и планы мести, — усмехнулся Джерхейн. — Я хочу жить, а не бороться со смертью. Я хочу носить шелковый пейер, а не тхон. И делить ложе с женщиной, а не с боевым мечом. Послушай, ты ведь не из-за Вельга хочешь вернуться? — вдруг встрепенулся он, и на его лице проступило отвращение.

— Кстати, а ты не знаешь, что с ним?

Джерхейн пожал плечами.

— Предполагаю, что жив и здоров. Такие живучи. При любой власти приспособятся.

Лейт не ответила. Дьявол с ним, с Андрианом Вельгом. Больше всего ей хотелось никогда больше его не видеть.

— Мой брак с Кианейт объявлен недействительным, — заговорил он, глядя, как Каллед с Далланом о чем-то бурно спорят, энергично размахивая руками. — Пока вы были на Острове, — пояснил он. — Если я переживу Пришествие, я женюсь. Надо возродить династию.

— У тебя есть кто-то на примете? — спросила она со старательным равнодушием. Почему-то мысль о том, что рядом с ним будет какая-то незнакомая, красивая и властная женщина, и никогда больше они не смогут поговорить вот так, запросто, сидя рядом на перекошенном крылечке, причинила ей неожиданную боль.

— Есть, — кивнул он. — Только сначала надо пережить Пришествие.

К ним большими шагами приближался Даллан.

— Ты подумал, как мы будем охранять переход? — спросил он требовательно, и Джерхейн, вскочив на ноги, принялся взволнованно, как мальчишка, излагать планы охраны лагеря внизу и поселения на Алуре. Они направились к Воротам, а Лейт, у которой неожиданно испортилось настроение, поднялась на ноги и побрела к реке, разглядывая по дороге незнакомые цветы и ярких бабочек.

Что ждет ее в будущем? Пришествие она переживет, теперь она в этом не сомневалась. Гибельный катаклизм не коснется этого чудесного мира. Люди придут сюда, построят небольшую колонию, которая постепенно разрастется в город. Многие захотят остаться тут навсегда. Начнется новый мир, с другим бытом, другой культурой и обычаями. Джерхейн с молодой королевой будут править там, внизу, а она останется здесь и никогда больше его не увидит. Возможно здесь она встретит кого-нибудь, кто возьмет ее в жены, вдову, до сих пор не знавшую мужа, даст ей почет, уважение, свою дружбу, а позже, возможно, когда она привыкнет к нему, то и детей...

Лейт схватилась за пылающие щеки и прикрыла глаза. «Вспомни Ард Эллар, милая, — раздался все тот же насмешливый голос, — где у себя на родине ты видела, чтобы девушка выходила замуж по большой любви? Вспомни, какая участь ждала бы тебя дома! Даже если

ты не найдешь никого, ты уже повидала достаточно, чтобы просто жить дальше...»

Слезы сами закапали прямо в ладони. В Ард Элларе не признавали Койе, ей не плели венков, не просили быть милостивой и даровать частичку своего щедрого пламени. Только Тармил, хранительницу домашнего очага. В Риалларе изображения прекрасной богини увивали самыми лучшими цветам, приносили обильные дары, слагали оды, пели песни, рисовали на предметах домашней утвари, вышивали на скатертях и покрывалах... Ее не стыдились, ей — радовались, восхищались, а пламя ее считали драгоценным даром. Она же, истинное дитя Ард Эллара, воспитана в строгости, если не сказать — ханжестве, ничего не знает о ложе любви и ничего не умеет. Быть другом и советчицей прекрасно и почетно, но, наверно, слишком уж тоскливо одинокими ночами наедине со своими собственными бедами, страхами, горестями...

Перестав всхлипывать, она запретила себе думать о будущем.

Вечером на Алуре поднялась первая группа переселенцев, из тех, кто бежал из опустевших селений срединного кольца и нашел убежище в пещерах Илломайна. Лейт, чтобы не беречь душу, осталась вместе с Далланом и Иттой и устроилась на ночлег в старой хижине. Сумерки надвигались постепенно, совсем не так, как дома. Солнце плавно и торжественно опускалось за горизонт, утопая в пепельно-фиолетовых тучах, как в перине, заливая небо расплавленным золотом. Кое-где лазурь неба и облака приобрели нежный розовый оттенок, и еще какое-то время после захода солнца небосвод переливался огненно-оранжевыми тонами. На опушке леса, вокруг хижины, уже всюду сооружали временный лагерь, дымились костры, и небольшой отряд воинов уже вернулся из леса с первой добычей — там обнаружили кролики и несколько птиц, похожих на шиаза, только без его роскошных перьев. Женщины разворачивали походные шатры, мужчины рубили ветки для подстилок, орава детей носилась по луговине с довольными воплями. Вот и все. Первый шаг, который так пугал Джерхейна и Даллана, сделан. Дальше все пойдет своим чередом.

25. Неожиданные гости

(Сезон Холода. Риаллар, Джар Илломайн.)

Следующие десять дней пролетели, как один. Слухи о спасительном месте, где нет ни катаклизмов, ни колдунов, постепенно расползались по Наземному миру, и в Эргалон потянулись беженцы со всех концов Теллара. К счастью, точное место расположения Ворот удавалось обнаружить лишь немногим. На плато перед Нефритовыми воротами образовался большой хорошо охраняемый лагерь: одержимые надеждой риалларцы собирали последние силы, чтобы добраться до своего правителя и попросить о последней милости — о спасении. Джерхейн никому не отказывал, но переправлял вновь прибывших не сразу: поначалу их селили в лагере перед входом в илломайнский лабиринт, в опустевших палатках, где специально обученные люди присматривались к новичкам. В конце концов их либо отправляли на Алуре, либо оставляли ждать дальше. Списки переселяющихся оглашали по вечерам, чтобы наутро начать отправку. Тех, у кого не было скарба, вели через чертоги Тонхайра к разрушенным воротам Обители Колодца, чтобы потом переправить через Ворота. Те, кто приходил с вещами и скотом, шли длинным путем, с ночевкой в горах. Воины Холгойна следили за порядком; надо сказать, навести и поддерживать порядок в этом полном горя, отчаяния и надежды лагере оказалось дьявольски сложно — то и дело вспыхивали конфликты, которые приходилось жестко пресекать, иногда даже путем казни зачинщиков.

Центральная часть пещер была затоплена кйити, и Кельхандар упорно поднимал ее уровень все выше и выше, пытаясь подобраться как можно ближе к Колодцу. Лайды вели себя как хозяева, но никого не убивали, только поугивали иногда, не позволяя беженцам углубляться в лабиринты Тонхайра.

С каждым днем все острее вставала проблема продовольствия. Воды пока хватало — маленькое горное озерцо, лежавшее в распадке у подножья плато, исправно снабжало лагерь чистой водой. Из беженцев Джерхейн сформировал охотничьи отряды, которые отстреливали всю попадавшуюся на их пути съедобную живность, и обыскивали брошенные селения в поисках остатков провизии. Иногда им удавалось обнаружить скудные запасы овощей и злаков.

Когда положение с едой стало совсем отчаянным, охотничьи трофеи и рыбу стали спускать с Алуре. Идея эта принадлежала Тэйну, который стал в наземном лагере универсальным заместителем Джерхена по всем вопросам — от поддержания уцелевших хэльдов в рабочем состоянии до разбора конфликтов между беженцами. Самой тяжелой проблемой для илларов Ильфейна, кто сохранил разум и умения, стало врачевание: запасы трав давно истощились, нужных хэльдов под рукой не было, а тонкости целительского искусства пришлось вспоминать совместными усилиями. Спасало их только удачное расположение лагеря, поблизости от которого обнаружилась брошенная деревня карны Келара со стандартной галереей хэльдов — Окно, Зеркало, Истина, Исцеление. Каждое утро Тэйн восстанавливал тамошний Круг Власти с помощью камней-защитников, и к вечеру тот снова превращался в мертвый камень. За это короткое время они успевали хоть что-нибудь, и только поэтому многие из них были еще живы.

Путешествие к Белому озеру отняло у Тэйна совсем немного времени: лайды, повинуюсь

приказу Караха помогать Ройгу во всем, проводили его короткой дорогой туда и обратно и показали нужные отметки. Судя по древним свидетельствам, у них еще оставалось около двадцати пяти дней в запасе, но сопровождавший Тэйна Шаух, предупредил его, что в ближайшее время уровень кйти на озере резко подымется — Карах-Кельхандар собирается продолжить свои эксперименты с кйти

Возвращался он уже без проводника, через илломайнский лабиринт, надеясь застать Джерхейна в Обители Колодца, а не в лагере беженцев, переговорить без свидетелей и затем хорошенько выспаться — он знал, что в лагере ему не дадут сделать ни первого, ни второго. Мысли по дороге приходили странные. Неужели нет никакого иного пути, иной возможности остановить Пришествие? Способ, избранный Харриабертом, не лишен смысла, вот только слишком уж он разрушительный — не хуже самого Пришествия. А бегство на Алуре спасет немногих — только тех, кто успеет до него добраться.

Проходя мимо зала-Усыпальницы, он задержался, отмечая его изменившийся облик. Знаки на древних камнях-тумбах, в которых он теперь узнавал символы ши-ала, обрели трехмерность и ярко светились в сумраке зала, а кольцо-надпись, мерцавшее, когда он шел искать Ясмина, сейчас превратилось в вертикальный огненный колодец-столб, чем-то напомнивший горящий Круг Власти. Ройг осторожно приблизился к надписи и попытался прочесть ее, с трудом разбирая символы, слепившие глаза. Знаки ши-ала складывались в нечто поддающееся осмыслению, и он зашевелил губами, пытаясь воспроизвести то, что пришло на ум. Знаки, что были начертаны на каменных тумбах, неожиданно откликнулись немелодичной какофонией звуков...

Тэйн резко прервался, отскочив назад и ругая себя за беспечность. Экспериментировать с шиаллахом, да еще поблизости от старых хэльдов, несмотря на их пассивность, было больше чем безумием — самоубийством. Подождав, пока разбуженные им силы успокоятся, он собрался было уходить, но с другой стороны зала, оттуда, где за гладкой нефритовой колонной начиналась внутренняя дорога, уводившая в обыденный Тонхайр, возник силуэт, поначалу показавшийся силуэтом лайда, но в ту же секунду Ройг сообразил, что для лайда он слишком высок ростом. Осторожно обойдя пылающий круг, человек остановился перед одной из тумб.

— Хотел бы я знать, что означают эти знаки... — усмехнувшись, он повернулся к Тэйну. — Мне иногда кажется, что они — теллы — тоже не знали. Смотрели, как они светятся, и гадали.

— Наши считают, что это что-то вроде склепа, — пояснил Тэйн. — Ты хотел поговорить?

Кельхандар медленно покачал головой и пригладил волосы, заплетенные сзади в аккуратную косичку. Черных волос в ней почти не осталось.

— Нет. Не совсем... Я вообще не собирался тащиться в такую даль, прямо к Джеру в лапы. Я поплыл с лайдами в одно из здешних мест, потом отправился бродить по верхним этажам, хотел посмотреть на знаки ши-ала, что еще сохранились, вспомнил про Усыпальницу... Совпадение, хотя и странное. Я не знал, что и ты бродишь где-то здесь. Знаешь, у меня ведь сын родился. Я еле успел тогда, после Ворот.

Тэйн хлопнул его по плечу.

— Прими мои поздравления. Жаль только, время не самое спокойное. Может, лучше переправить Киа и ребенка на Алуре?

Харриаберт покачал головой.

— Нет уж, здесь, под землей, спокойнее. Кстати, что островитяне? Все ловят тебя?

— Нет, заявлений больше не было, — ответил Тэйн. — Притихли. Мы думаем, что скоро они явятся сами, прямо к Воротам на Алуре. Что-то будет... — вздохнул он.

— Может тебе лучше остаться с нами? Лайдам наплевать на островные деньги, да и то спасение, что предлагает Агваллар, им не нужно. Мы тебя точно не выдадим.

— Мне и здесь хорошо, — хмыкнул Тэйн. — Да и среди твоих достаточно людей. Кстати, ты не передумал насчет кйти?

— Нет, — отрезал тот.

— Если не получится, — Тэйн пристально посмотрел ему в глаза, — не жди, пока грянет. Собирай народ и тащи всех к Воротам.

В обители Колодца Холгойна не оказалось. Выспавшись и вымывшись в чистом и прохладном подгорном источнике, он добрался до лагеря в долине. Ворота были в целости и сохранности и по-прежнему мерцали слабым голубым светом. Насланная островитянами тьма почти развеялась, явив ставшее уже привычным багрово-красное небо и удушливый жар оголтелого солнца.

На входе в лагерь его перехватил Каллед.

— У нас гости, — предупредил он быстро, кивнув на шатер неподалеку от Ворот, в котором обычно ночевал Джерхейн. — Очень неожиданные.

— Кто именно?

— Ард элларцы. Из Очага Солнца.

— Ничего себе, — опешил Тэйн. — Как они сюда попали? И что им нужно?

— То же, что и всем. Хотят переправить на Алуре библиотеку и книги Свода, и всю школу Кэлленара в очаге Солнца. Переселить туда илонов, илларов и учеников, а также тех людей, кого они успеют переправить до Пришествия.

— Быстро же они добрались, — раздраженно буркнул Тэйн. — Когда только успели разнюхать... Что, сами прямо сюда пришли?

— Нет, их сдуру кто-то из наших сюда притащил. Впечатлился рассказами, — вздохнул Каллед.

— А что Джер?

— Поселил их под охраной в соседнем шатре и приказал срочно разыскать тебя. Он хорошо помнит твои рассказы, — ответил Каллед с раздражением в голосе. — Я бы прогнал их взащей. Но он почему-то засомневался... Очень уж красиво они говорили — о Кэлленаре, традициях и мести Острову.

— Так вот оно в чем дело, — пробормотал Тэйн, останавливаясь. — Он о мести вспомнил... Дьяволы небесные и адовы облака! Ну уж нет... На Алуре не должно быть никаких колдунов, ни старых, ни новых.

Посланцев Ард Эллара было шестеро. Из них Ройг сразу же узнал двоих. Не узнать их было невозможно. К счастью, совет только начался, и он поспешил разместиться так, чтобы они его не заметили — спрятавшись за спинами командиров дружины и тех илларов Ильфейна, что находились сейчас в лагере. Даллан, заметив Ройга, как-то очень незаметно отодвинулся назад, за спины других участников совета, и, пробравшись к Тэйну, поспешно вывел его из шатра.

— Знаешь кого-нибудь? — поинтересовался он встревожено.

— Полный полуседой мужчина в возрасте, который сидит в самом центре — Ригойн, —

сказал Тэйн с отвращением. — Слева от него — Линара. Сейчас она, наверно, уже иллар.

— Та самая?

— Да.

— И как она насчет искусства?

Тэйн пожал плечами.

— Была не очень. Не знаю, как сейчас. Следящих у них нет, они сами по себе.

— Хоть это радует, — проворчал Даллан. — Плохо то, что они хотят протащить Кэлленар на Алуре, да еще неизвестно, что на самом деле замышляют. Джерхейн, конечно, молодец, держится по-королевски, и окончательное решение старается оттянуть. Сам-то ты не хочешь поучаствовать?

— Хочу, — ответил Тэйн серьезно.

— Тогда идем. Джер ждет именно тебя.

И Даллан откинул занавес шатра, предлагая Ройгу войти. Тэйн остановился на пороге, с удовольствием разглядывая резко меняющиеся выражения лиц Линары и Ригойна. Неторопливо обойдя остальных участников совета, Тэйн подошел к Джерхейну и уселся рядом с ним, поймав мгновенное облегчение на лице Холгойна, которое тут же стало прежним.

Ригойн, говоривший в этот момент о необходимости перевезти библиотеку, замер на полуслове. В глазах его появилась растерянность, однако он быстро взял себя в руки и продолжил с той же уверенностью и красноречием. Тэйн покосился на Линару не без тайного злорадства, однако она лишь молча отвела взгляд. Когда же она все-таки подняла на него глаза, в них светилось такое... Ройга обожгло ее страхом и радостью, желанием и вызовом — и тотчас же окатило холодной волной неприязни.

Он и не думал, что воспоминания об Ард Элларе до сих пор живы в нем, да еще так ярко. На фоне произошедшего те события казались теперь такими далекими... Словно в другой жизни, где он был моложе лет на сто и наивнее в тысячу, и Данира была еще жива.

Тем временем Ригойн, кажется, закончил свое пространное обращение к правителю Риаллара.

— Чем раньше мы начнем эвакуацию, тем лучше, — сказал он. — Книги и архивы будут переправлять самые достойные иллары Очага Солнца, которые потом возьмут на себя все заботы по их сохранению.

— А кстати, как Книги Свода отреагировали на Пришествие? — вмешался Тэйн.

Ригойн недоуменно замолчал, пытаясь облить Ройга презрительным взглядом, но Джерхейн величественно кивнул, ожидая ответа, и Ригойну пришлось продолжить.

— Выглядят они так же, но открыть и прочесть их с некоторых пор невозможно, — пояснил он. — Именно поэтому мы хотели бы...

— На Алуре нет Кэлленара, — перебил его Тэйн. — Вы уверены, что его длительное отсутствие не причинит Книгам вред? Вдруг они потеряют свои необычные свойства?

— Мы надеемся, что после Катаклизма Книги Свода немедленно вернуться домой, — сказал Ригойн уверенно.

— Если агвалларские жрецы не будут ждать вас у Ворот с распростертыми объятиями, — язвительно заявил Тэйн. — Кстати, как вы узнали о Воротах на Алуре?

Ригойн снова вопросительно посмотрел на Джерхейна, и тот снова величественно кивнул, требуя ответить.

— У нас остались некоторые хэльды... в рабочем состоянии, — вздохнул он. — С их

помощью мы узнали об открывшемся пути к спасению. Мы надеемся, что после Пришествия наша школа — кстати, единственная на Телларе — поможет возродить Кэлленар и противостоять Агваллару. Кроме того, мы считаем, что на Алуре можно было бы попробовать заложить основы привычного уклада.

Ройг и Холгойн многозначительно переглянулись.

— Мы считаем Алуре территорией Риаллара, — заявил Джерхейн, с трудом сдерживая раздражение. — В наши намерения не входит превращение уникального мира Алуре в еще один остров колдунов.

— У вас есть обученные мастера хэльдов? — поинтересовался Тэйн, глядя на Линару, которая как-то очень внимательно разглядывала Холгойна. Было в выражении ее лица что-то холодное и расчетливое.

— Мы планируем перенести те хэльды, которые доступны перемещению, на вновь открытый небесный остров, — сказал Ригойн. — Не торопитесь возражать насчет отсутствия Колодца, — оборвал он Тэйна, который уже собрался перебить его, — мы тщательно обдумали этот вопрос. Агвалларский Кэлленар функционирует за счет Колодца, находящегося на Телларе. Мы считаем возможным функционирование хэльдов на Алуре.

— Агваллар был создан как часть Теллара, — сказал Ройг, продолжая следить за Линарой — та улыбалась Джерхейну одной из своих самых обворожительных и загадочных улыбок. — Алуре — как мир, в котором никогда не будет Кэлленара. Не думаю, что у вас получится хоть что-нибудь. Кстати, для того, чтобы хэльды заработали, нужны малые колодцы. На Агвалларе их достаточно, чтобы поддерживать систему.

— Откуда вы знаете? — спросил Ригойн с раздражением.

— Я был там, — ответил Тэйн.

— Ваше величество, — Линара, которая сегодня изменила строгой традиции Ард Эллара покрывать волосы, взволновано поправила золотистые пряди, выбившиеся из гладкой прически. — Вы доверяете этому человеку? Некоторое время назад он был у нас в Очаге Солнца и запятнал свою честь поступками, недопустимыми не только для иллара, но и для обычного человека.

Лицо Джерхейна стало медленно краснеть, дрогнули ноздри — его терпение явно подходило к концу, но тут вовремя вмешался Даллан.

— Кажется, сейчас мы обсуждаем вопрос доверия вам, уважаемые гости, а не присутствующим здесь советникам его величества. Если он позволит, — Даллан поднялся на ноги, — я считаю необходимым сделать перерыв и обсудить некоторые вопросы узким кругом доверенных лиц.

Джерхейн резко кивнул. Даллан поклонился ему и первым вышел из шатра.

Холгойн медленно поднялся на ноги и, не проронив ни слова, направился следом за ним. Остановившись на пороге, он сделал знак Тэйну, предлагая присоединиться.

— Не могу понять, в чем именно они нас обманывают, — сказал Тэйн, когда они отошли подальше от шатра и остановились неподалеку от Ворот. — Не могли у них остаться целые хэльды. Неоткуда.

Джерхейн мрачно кивнул.

— Меня другое насторожило, — сказал он, оглядываясь на шатер, откуда один за другим выходили остальные участники совета. Ригойн и Линара пока не появлялись. — Как они так быстро сюда попали? Путь от побережья Ард Эллара до Эргалона по земле или морем через северные порты занимает гораздо больше времени. Арриты их не выглядят

усталыми, как если бы они скакали без остановок от побережья до столицы.

— Сколько их?

— Двадцать три человека, — ответил Даллан. — Здесь только шестеро, остальные — у Нефритовой Арки. Сколько среди них илларов — неизвестно. Клейм-то нет.

— Увидим, — усмехнулся Тэйн. — Если за ними понаблюдать, это станет заметно. Гораздо важнее, сколько среди них бойцов.

— У меня не так много воинов, чтобы уберечь беженцев от этих незваных гостей, — отрезал Джер со злостью.

— Можно обратиться за помощью к Харриаберту, — предложил Ройг, но Холгойн лишь поморщился. — Уверен, он не откажет.

Даллан улыбнулся, но промолчал.

— Только в самом крайнем случае, — сказал Джерхейн. — Я послал ребят проверить дороги... не идет ли кто следом.

Тэйн смотрел на Ворота. Каждые несколько минут они вспыхивали ярким голубым светом, пропуская все новых и новых людей.

— Не боишься, что они прорвутся туда силой? — спросил он.

— Я другого боюсь, — вздохнул Джерхейн. — Бунтов в лагере. А Ворота я уж как-нибудь защищу.

— Я возвращаюсь на Алуре, — сказал Даллан. — Распоряжусь насчет... возможных неожиданностей. А вы тут... поосторожнее с Ригойном. Что-то у него есть в запасе, иначе не пришел бы он сюда столь нагло.

С делегацией ард элларцев поступили со всей возможной вежливостью: Ригойна и его спутников разместили по соседству с шатром риана, остальных — тех, кто остался в лагере на плато перед Нефритовыми Воротами — расселили в свободные шатры только что отправленных на Алуре беженцев, накормили из запасов риалларской дружины и выставили рядом пост охраны, выказав опасение, что постоянные обитатели лагеря могут не слишком хорошо отнестись к неожиданным гостям. Несмотря на скудное пиршество, гости из Ард Эллара казались вполне довольными приемом. Ригойн сообщил, что должен отправить гонца в родной Очаг, чтобы сообщить об удачном окончании путешествия. Джерхейн согласно покивал головой... Ройг даже не спрашивал, выслал ли он следом за ним соглядатаев.

Линаре выделили отдельный шатер чуть в стороне от остальных. Тэйн старался избегать ее, но она упорно попадалась ему на глаза, впрочем, не пытаясь привлечь к себе больше внимания, чем нужно. Зато Джерхейном она явно интересовалась, ненавязчиво и умело, применяя весь арсенал женских хитростей. За несколько последующих дней, проведенных Ройгом в лагере перед Воротами, она весьма и весьма преуспела. Впрочем, Джерхейн тоже был не лыком шит.

— В один прекрасный момент я обнаружу ее у себя под одеялом, — заявил он Ройгу, провожая ее взглядом после совместной вечерней трапезы, на которую, как на военный совет, собирались все преданные Джерхейну командиры, иллары, старейшины селений и главы Карн — все, кто составлял сейчас верхушку Риаллара и пытался хоть как-то упорядочить нынешний безумный мир. — Только вот не уверен, вышвыривать ли ее вон, или объяснить, что значит настоящий воин...

Тэйн не выдержал и рассмеялся.

— Ты ее недооцениваешь. Сам не заметишь, как она начнет учить тебя, с какой стороны одеяло теплее...

Джерхейн перевел взгляд на сияющие голубизной Ворота.

— Пойду-ка я прогуляюсь на Алуре, — неожиданно заявил он. — Там как-то... спокойнее.

Каждый день Ройг совершал на остров кратковременные вылазки, больше для отдыха, чем для дела. Только там ему удавалось поспать. Лейт, которая неожиданно приобрела в новоиспеченной колонии значительную власть, всегда встречала его с неприкрытым искренним радушием, кормила, поила, выслушивала новости, делилась своими и, при необходимости, прятала его от жаждавших пообщаться соратников.

Колония очень быстро отстроилась, за счет бескрайних лесов и неистового трудолюбия переселенцев, чем-то напоминая юго-восточные риалларские деревни, вытянувшиеся вдоль берегов рек, с их деревянными постройками, высокими островерхими крышами, размеренным неспешным укладом. Шатров пока было больше, чем домов, но Тэйн каждый день подмечал небольшие изменения. Дом, где жили Даллан, Лейт и Итта, был уже почти закончен. Его за глаза называли Риан ар Айле — «дворцом правителя на реке». Поселение же иначе, как Новым Эргалоном, уже не называли.

Как-то само собой получилось, что на плечи Лейт лег круг проблем, который испокон веков считался женским. К ней шли, как раньше шли в храм Тармил — чтобы получить совет, напутствие, помощь. Неожиданно для себя она оказалась арбитром в бытовых спорах, возникавших ежедневно, и которые она пыталась решать по справедливости. Ее честность и беспристрастность быстро выделили ее среди прочих, а терпение и добросердечность — снискали любовь и уважение. Кроме того, ей приходилось решать множество хозяйственных вопросов. От Даллана она знала обо всех делах колонии, от Джерхейна, который тоже любил сюда наведываться, как только выдавалась свободная минута, — о делах Наземного мира, от остальных жителей — обо всех происшествиях и мелких событиях, о быте, проблемах и радостях жителей Алуре. Формально правителем Нового Эргалона считался Джерхейн, его наместником — Даллан, но на деле колонией управлял совет, состоящий из Даллана, Ахира — одного из самых верных холгойнских командиров, Маррена, возглавлявшего карну Быка Срединного кольца городов Риаллара, двух эргалонских старейшин, имевших богатый опыт управления городскими цехами, и ее, Лейт. Слушали ее, если она решалась высказать свое мнение, с большим вниманием и неприкрытым уважением.

Джерхейн с трудом выкраивал свободные часы, чтобы навестить свои новые владения, но уж если вырывался на Алуре — то возвращался оттуда счастливый и умиротворенный.

Проводив его глазами и с трудом подавив усмешку, Тэйн вернулся к своим повседневным обязанностям. Через Ворота шла большая группа людей, и, убедившись, что Ворота стабильны, он пошел к следующей, только что прибывшей из другого лагеря. Нужно было осмотреть их, найти больных, подлечить, обнаружить илларов или просто шпионов, заставить их замолчать... Когда стемнело, а Джерхейн так и не вернулся с Алуре, Тэйн, поужинав вместе с Калледом, ушел спать в его шатер. Что ж, он очень хорошо понимал Холгойна. Его притягивали на Алуре не только красивая природа, безопасность и спокойствие.

Сквозь щель в пологе он наблюдал, как Линара бродит по лагерю, поглядывая на Ворота. Ригойн сегодня так и не вышел из своего шатра. Остальные гости из Ард Эллара вели себя скромно, к Воротам не подходили, гуляли по окрестностям, осматриваясь, да

ухаживали за своими арритами. Складывалось впечатление, что они чего-то или кого-то ждут. Джерхейн предложил им оставить Книги Свода в Обители Колодца, и Ригойн, посоветовавшись со своими спутниками, согласился, с условием, что вместе с Книгами там останутся двое его илларов, которые будут охранять, заботиться и наблюдать за Книгами. Джерхейн не возражал, опять же, приставив к ним своих соглядатаев. Остальным было предложено перебраться на Алуре в качестве подданных Риаллара, предварительно принеся Холгойнам клятву верности. Ригойн подумал и заявил, что должен узнать мнение всех остальных прибывших вместе с ним людей.

Тэйн бросил взгляд на самодельный календарь, который они с Джером соорудили, чтобы отсчитывать дни, оставшиеся до Пришествия. Что-то около двадцати дней. Все меньше и меньше...

Вести с Эргалона приходили одна страшнее другой. Город, по словам разведчиков, почти опустел, в колодцах вместо воды плескалась кйти, часть улиц была ею затоплена. Остатки хильдского гарнизона грабили уцелевшие дома, их самих то и дело трепали сбившиеся в разбойничьи банды горожане. Резкие перепады температур уничтожили последнюю живность и растительность, чистая вода и скудная еда стали самой главной ценностью. Многие уже пробовали кйти. Результат Ройг знал от Кельхандара. Лайды, умеренно употребляющие кйти, жили долго и отличались особой выносливостью и силой, но люди привыкали к ней, как к наркотику, и, употребляя ее во все возрастающих количествах, стремительно мутировали и так же стремительно угасали. По словам все тех же холгойнских лазутчиков, сейчас по улицам Эргалона бродило немало людей с полуседыми волосами, белокожих и светлоглазых, совершавших дикие, не поддающиеся никакому объяснению поступки и не гнушавшихся, как одичавшие арги, хлебать кйти из придорожных канавок и лужиц. Ахтан, по слухам, вымер еще раньше, чем Эргалон. Земли Хильдайра, по рассказам Ригойна, лежали погребенные под слоем льда, а в Майре свирепствовали морозы и болотница. На севере Ард Эллара обитатели харранов еще как-то держались, прячась от холода и жары в тех пещерах Джар Дахара, которые еще не залило кйти, на юге Ард Эллара шла война: княжества воевали друг с другом за остатки ресурсов.

Он лег на постель и закрыл глаза. Шум в лагере утихал, голубой свет, исходивший от Ворот, рассеивал черноту и заливал плато, на котором разместился лагерь, торжественным сиянием.

Шелест отодвигаемого полога заставил его вынырнуть из предсонной дремы. Линара медленными и плавными движениями опустилась на одеяло рядом с ним.

— Ты простил меня? — спросила она шепотом, одними губами, пристально глядя ему в глаза.

— Почти, — улыбнулся он. — Хотя это было не так просто.

— Меня вынудили обстоятельства, — сказала она.

Он кивнул. Тонкая и грациозная, она положила руку на его запястье и слабо сжала его. Пушистые, распущенные по плечам волосы лучились в голубом отблеске Ворот, проникавшем сквозь щели в неплотно прикрытом пологе. От нее веяло сладким и терпким, очень приятным ароматом...

— Как там, на Алуре? — спросила она, наклоняясь ближе.

— Там хорошо, — прошептал он. Линара поцеловала его первая, в губы, и аромат, ставший неожиданно сильным, закружил-завертел его в сладостном предвкушении, он почувствовал себя легким и свободным от всего — от прошлого и будущего, от долга, обиды,

ненависти. Захотелось засмеяться, вскочить и выбежать на свободу, туда, где нет ни Пришествия, ни страха, ни боли, а есть только покой. Небо... трава и запах...

И темнота.

26. Противостояние

(Сезон Холода. Небесный остров Агваллар. Зар Изран.)

Мастер стоял в храме творцов. Странное это было здание — и не храм вовсе, а так, пещеры, выдолбленные в скалах, в которых везде, в нишах и углублениях, горели огоньки. Только камень скал был особенным, похожим на розовый лед, прозрачный и холодный, и вечный, как небо над миром Истока. От множества горящих в нем огоньков пещеры казались светящимися изнутри.

Огоньки — искры Творцов — тоже были разными. Яркими и пламенными, тусклыми, едва живыми, чадящими, столбами света и снопами искр похожими на фейерверки. Ниши и углублений было столько, сколько островов жизни насчитывалось сегодня в кольце великого круговорота. В каждой из них было нечто, позволявшее узнать тот остров жизни, которой она принадлежала.

Мастер задумчиво переходил от одного к другому. Огоньков оставалось так мало... Он печально оглядел очередную пустую нишу и вспомнил этот остров жизни — умиротворенный, уютный и спокойный, с особой философией и неторопливым течением жизни, с его древней культурой, старинными зданиями, печальной меланхоличной природой. Он ушел оттуда, потому что, несмотря на очарование, душа его не откликнулась ни на что. Он побыл там и ушел дальше. А вот еще одна ниша, тоже пустая. Здесь он прожил целую жизнь, насыщенную и бурную, оставил свой след и в конце концов был вынужден бежать, преследуемый теми, чья судьба из-за его появления повернулась в другую сторону, и кто не разделял те перемены, что пришли вместе с ним. Да, были времена... Он улыбнулся и двинулся дальше, к странной строенной нише — три небольших углубления словно перетекали одно в другое, образуя единое целое, разделенное тонкими перепонками. Его родной остров жизни и те два, что он сам создал... И тут он вздрогнул — там, на доньшке центрального, самого большого углубления, теплился крохотный, но очень яркий и уверенный огонек.

Вне себя от радости мастер глядел на него, умоляя не гаснуть. Потом, осознав, что произошло, и вспомнив, как это было с ним самим, решительно повернулся и пошел к выходу. Если его остров жизни создал еще одного Творца, то его обязанность — найти его, помочь как можно скорее разобраться в себе и не погибнуть раньше, чем он осознает свою силу и свое бессмертие.

Тэйн осознал, что не спит, когда образы из очередного сна о мастере-творце резко оборвались, оставив после себя нарастающие изумление и чувство, будто он вот-вот поймет что-то очень важное. Неужели где-то в Наземном мире блуждает новоявленный Творец, готовый сделать свой первый шаг и в очередной раз изменить течение жизни на Телларе? Возможно ли это? Или это всего лишь сон, бред, подсознательное желание и вера в спасителя?

Он попытался сесть и неожиданно понял, что не может шевельнуться. Тела словно не было — оно полностью потеряло чувствительность. Вспомнилась Линара, ее плавные, притягательные движения, обволакивающий аромат, и настороженные, тревожные глаза. Было ли что-то между ними или... Он с удивлением осознал, что ничего не помнит. Вот она наклонилась, поцеловала его... Дальше — темнота. Сон о мастере...

Тэйн зажмурился и открыл глаза. Несомненно, он был не у себя в шатре. Окружающий мир терялся в белом сиянии, в глубине которого играли множеством маленьких радуг кристаллы льда и объемные, похожие на трехмерные знаки ши-ала, узоры.

В тишине, по мере того, как он вглядывался в узоры, нарастала какофония не связанных мелодией звуков. Он попытался уловить мотив, но, казалось, его не было совсем. Он попробовал найти границу, где заканчивается свет и начинается твердь, и опять провалился в бред.

Мальчишка, играющий разноцветными камешками. Юный Кельхандар, экспериментирующий с ка-эль. Мастер-телл из снов, создающий свой первый хэльд. Мужчина, склонившийся над чертежом. Хрупкая девушка-подросток, сосредоточенно следящая за какими-то неведомыми зверушками. Опять Кельх, уже измененный, бредущий с огоньком света в руках по темным подземным лабиринтам.

Неоконченная фраза, недосказанная мысль опять резко оборвалась — и он снова вырвался на поверхность омута.

Неужели Кельхандар — тот самый? Новый Творец?

Он открыл глаза во второй раз. Сквозь светящееся марево проступали все те же узоры, но свет теперь был другим — зеленый с серебром, в хаосе пепельных теней. Тэйн пошевелился и наконец-то ощутил свое тело, тяжелое и неповоротливое, словно неживое, каждая клетка в нем ныла и болела, словно он умер и воскрес против своего желания. И тут в ноздри ударил тот запах — хорошо знакомый запах шайол, сотворенных на крови. Вонь.

Медленно, тем особым взглядом, позволяющим иллару видеть структуру магического языка, он стал рассматривать окружающие его конструкции. Сеть из шайол, наполненных чужой болью, образовывала плотный кокон вокруг него, несколько цепочек, к его ужасу, тянулись сквозь его тело. Дальние цепочки замыкали кокон, делая его непроницаемым изнутри. Он находился в невидимой, но достаточно прочной клетке, существовавшей, кроме чьей-то крови, за счет его собственного Огня жизни.

Все-таки нашли, подумал он с раздражением.

Осторожно и медленно поворачивая голову, Тэйн осмотрелся. Там, за пределами силовой клетки, виднелись светло-серые, чуть мерцающие стены. С усилием подняв руку, он уронил ее вниз и не нашел опоры, на которой держалось его вынужденное ложе.

Агваллар. Любопытно, как он все-таки здесь оказался? И кто, кто его предал?

Линара, вот кто. Последняя, кого он видел... Если быть честным с самим собой, все появление ард элларцев в Эргалоне было странным от начала до конца. Если предположить, что Ард Эллар и Агваллар договорились... становилось понятно, как именно Ригойн и его спутники сумели так быстро попасть в Эргалон. Там, в Очаге Солнца, в их распоряжении был Небесный столб, ведущий на Остров. Небесные столбы, в отличие от всех остальных хэльдов, зависели не только от колодцев Теллара, но и колодцев Острова, которые худо-бедно, но подпитывались Огнем жизни, пусть даже таким варварским способом, как человеческие жертвы, и до сих пор кое-как работали.

Видимо, два острова колдунов, небесный и земной, нашли точки соприкосновения, несмотря на многолетнее тайное противостояние. Если Кимр, к примеру, пообещал им спасение в обмен на жизнь Ройга, а в случае удачи — и земли Алуре, обиженные на него адепты ард элларской школы не могли не согласиться. Переправить их потом в предместья Эргалона, где никто давно уже не следил за Небесными столбами, ведущими на Агваллар, было фантастически легко.

А он опять попался, как идиот. Линара действовала все тем же проверенным способом — попыталась соблазнить и потом отравила. На этот раз это был запах. Запах... Терпко-сладкий, навязчиво ядовитый. Что-то очень простое и знакомое, но тем не менее, неожиданное настолько, что он даже не заподозрил ловушки.

На Алуре захотели, думал он со злостью. Не дождетесь... Не так уж много времени осталось до Пришествия. Он будет морочить им головы как можно дольше, а там... а там, может быть, получится выбраться. Чем ближе к катаклизму, тем сильнее жрецы будут нервничать, тем больше вероятность ошибки.

Прикрыв глаза, Тэйн принялся изучать структуру сплетенного вокруг него силового кокона, стараясь не обращать внимания на тяжелое, неподвижное, тупо ноющее тело. Первые результаты не слишком его обнадежили: Ройг понял, что, попытавшись ударить Огнем жизни по цепочкам шиаллаха, он лишь укрепит внешнюю оболочку кокона через те шайолы, что проходят через его тело. Можно было попробовать выпить энергию, удерживающую связки знаков ши-ала вместе, потянув ее через те же шайолы, что выполняли роль цепей. Эта идея вызвала омерзение — Тэйну казалось, что от них исходит тяжелый запах разложения.

И все же, видимо, это единственный способ.

Ройг продолжал терпеливо изучать переплетения узоров и паттернов. Под конец ему показалось, что связи между знаками слабее, чем в тот момент, когда он очнулся и их обнаружил. Возможно, конструкция выдыхается сама по себе, требуя постоянного вливания Огня жизни, и поскольку именно с этим компонентом Кэлленара нынче проблемы, то есть шанс, что она распадется сама или хотя бы ослабнет настолько, что можно будет рискнуть. Надо только подождать...

И он настроился на длительное ожидание. Ждать не получилось — его почти сразу же утянуло в сон, на этот раз без сновидений.

Проснулся он от резкой, неожиданной головной боли и яркого света, резанувшего по глазам. Там, за границей кокона, он увидел несколько нечетких фигур. Постепенно они оформились и обрели объем, и он узнал в одном из них Кимра. Он переговаривался с сопровождавшими его алареями, но слов Тэйн не разобрал. Кимр казался сильно осунувшимся и похудевшим, глаза, в которых усталость странно сочеталась с яростью, светились нездоровым блеском. Там же, на самом краю кокона, на пределе видимости, он разглядел некрасивое лицо Риварда, главы клана Следящих. Поймав его пристальный, оценивающий взгляд, Ройг съежился и мгновенно растерял часть своей уверенности.

— Слышишь меня? — гулко разнесся по залу голос Кимра.

Ройг кивнул. Отвечать не хотелось. Вообще не хотелось заводить с островитянами какие-либо разговоры.

— Давай поговорим по-человечески, — продолжил жрец, вздохнув непритворно тяжело. — Причину, по которой ты здесь находишься, ты и сам хорошо знаешь. Алуре — единственное спасение для всех нас. Одного пути — того, в горах Илломайна, недостаточно. Катаклизм сметет его, так же, как сметает каждый раз столбы, ведущие на Агваллар. Конечно, потом он восстановится... Но не сразу. Нужен второй, в более защищенном месте. Я предлагаю тебе создать его на Агвалларе. Мы точно так же, как вы с Холгойном, начнем переправлять туда наших людей — детей, женщин, больных и немощных. Ну и конечно, то, что считаем наиболее ценным для себя — книги Кэлленара и наших ученых. Ты причинил много зла всем нам, но сейчас не время сводить счеты. Мы забудем прошлое.

— Я вас не прощу, — выдавил Тэйн, с трудом ворочая языком. — За смерть Даниры. Я вам не верю. И вот еще что... жрецам и книгам Кэлленара нечего делать на Алуре. Я и своим-то не позволил... А уж вам тем более. Вас я не смогу контролировать.

— Почему? — удивление Кимра было вялым, как будто на самом деле причины его вообще не интересовали.

— Надо дать людям шанс не зависеть от магии, как от наркотика, — ответил Тэйн после долгой паузы. — Кэлленар — это цепи, которые нас связывают. Зачем совершенствовать ремесло, если до нас давным давно все придумано... Нужно только прийти в святилище и за малую плату взять ка-эль, махнуть ей... Зачем строить дороги и корабли, если есть Двери и Ворота... Кэлленар — тупик. Мы должны иметь возможность сами найти свой путь. А пока что мы способны только быть рабами дряхлой, умирающей системы, за которую мы почему-то цепляемся, как тонущий за бревно.

— Тем не менее, она живет и существует уже много тысячелетий, — буркнул Кимр. — И возрождается каждый раз, несмотря ни на что. Это ли не показатель ее истинности?

Ройг молчал. Дурацкий разговор, пустое сотрясение воздуха. Кимр не поймет, его не интересуют его мнение, потому что он считает свое собственное непогрешимым. Можно было бы и вовсе замолчать, но что-то толкало Тэйна к ответу, что-то раздражало его, вызывая желание высказаться.

— Мир Алуре должен быть свободным от колдунов. Этого хотел его Творец. Ах да, вы не знаете... — пробормотал он, вспомнив, что никто, кроме Кельхандара и Даниры, не знает о старом мастере-Творце. — Надо дать Алуре возможность развиваться естественным путем, своим собственным, а не тем, что навязали нам древние теллы много тысяч лет назад. Неизвестно, каким было бы сейчас ремесло и мастерство на Телларе, если бы не рабская зависимость от хэльдов и ка-эль.

— А было ли бы оно вообще? — усмехнулся Кимр. — Ремесло и мастерство? Без Кэлленара-то? Да после парочки Пришествий люди скатились бы в варварство!

— Люди — не животные, — огрызнулся Тэйн. — Выкарабкались бы. А Кэлленар — это тупик... Может быть, именно поэтому каждый раз все кончается катаклизмом... Словно мир сам пытается избавиться от него, как бы давая понять, что этот путь — ошибочен, а люди упорно восстанавливают его, и снова приходят к гибели.

Кимр долго не отвечал. Ройгу показалось, что тот погрузился в раздумья, и он немного приподнялся, пытаясь разглядеть его лицо, и снова наткнулся на внимательный взгляд Риварда.

— В твоих словах есть резон, — наконец заговорил Кимр. — Но подумай, неужели люди до тебя ошибались столько лет? Не ты первый задумался об этой проблеме. И все же Кэлленар существует. И выживает каждый раз. Неужели ты думаешь, что умнее всех тех, кто до тебя пытался найти выход?

— Нет... — прошептал Тэйн, падая обратно и закрывая глаза. — Но, возможно, придя к этим же самым выводам, они просто не знали, что с ними делать. Тот, кто найдет способ разрушить Кэлленар, навсегда изменит этот мир к лучшему.

«Кельх, — вспомнил он неожиданно, — с его бредовой идеей насчет кйти. — Творец в нашем мире... Он ищет путь, решение проблемы, он ищет... — лихорадочный страх, что истина была рядом, но он не мог разглядеть ее так долго, парализовала его решимость и желание что-то доказать жрецам. — Он такой же мастер, как тот старый телл... Если пришло время Творца, значит... мир изменится...»

Взволнованный этой мыслью, Тэйн замолчал, боясь сказать лишнее. Кельхандар должен сделать свое дело, каким бы бредовым оно не казалось.

— Хорошо, мы не станем создавать Кэлленар на Алуре, — неожиданно согласился Кимр. — Это действительно не так просто — переносить туда Круги Власти, устанавливать хэльды, тем более, что они всегда плохо переживают переезд с места на место... Мы просто переждем там Пришествие и вернемся домой. Но это ничего не меняет. Нам нужен путь, желательно в другую часть Алуре, подальше от подданных Холгойна.

«Кельхандар, — думал Тэйн. — Нужно отвлечь от него внимание. Возможно, мне нужно попытаться... изобразить согласие...»

— Допустим, я соглашусь, — выдавил он сквозь зубы. — Как вы это себе представляете?

— Опишешь подробно весь процесс создания шайолы и открытия пути. До последней детали, — сказал Кимр, подойдя к нему вплотную и глядя в глаза. — Творить открытие будут наши люди. Ты будешь рядом, руководить процессом под нашим присмотром, но участвовать в нем не будешь. Сам понимаешь, особого доверия к тебе нет. Кстати, сфера контроля вокруг тебя останется до самого конца. Мы ее ослабим, так, чтобы ты смог двигаться, но не снимем.

Тэйн задумался. Делиться плодами своих трудов с Кимром ему не хотелось. Кроме того, он сильно сомневался, что, получив желаемое, жрецы оставят его в живых.

— Где гарантия, что вы не прикончите меня после? — спросил он прямо.

— Окажемся на Алуре, тогда и поговорим о гарантиях, — улыбнулся Кимр. — А если что пойдет не так, у нас есть на тебя управа.

— Да ну? — хмыкнул Ройг. — Пытать будете, что ли? — Что помешает мне в этом случае морочить вам головы, каждый раз выдавая что-то новенькое? Пока вы будете пробовать, наступит Пришествие и все мы благополучно подохнем.

— Все гораздо проще, — Кимр вернул ему усмешку. — Ты догадался, как именно создана сфера, удерживающая тебя на месте? Каждую триаду мы приносим по жертве, чтобы удержать тебя. Знаешь, кто они? Люди из тарса. Мы переловили всех. Запас живой крови достаточно велик, чтобы спокойно продержаться до Пришествия. Потом, конечно, будет труднее, какое-то время, но шиаллах работает и после Пришествия, только слабее. Мы будем убивать их у тебя на глазах, питая твою клетку и свою силу, пока у тебя не проснется совесть.

— Никогда не сомневался, что ты мерзавец и сволочь, — с чувством сказал Тэйн. — Надеюсь, во время Пришествия ты сдохнешь.

— Вряд ли, — ответил жрец со спокойной уверенностью. — У нас есть убежища, полностью изолированные от внешнего мира. Так же, как и Тонхайр, кстати. И запас пищи и воды. Мы продержимся. Жители раканов, конечно, сильно пострадают, но постепенно, медленно, Кэлленар восстановится, и мы приложим все усилия, чтобы вернуть прежний уклад.

Тэйн в бешенстве стиснул зубы. Подонки. Какие тут, к дьяволу, переговоры?

— Вы не попадете на Алуре, — процедил он сквозь зубы. — Никогда.

— Кого принести в жертву на этот раз, чтобы ты перестал выделываться? — вздохнул Кимр почти буднично. — У нас там есть ученики из школы илларов. Подростки. Ты сам был таким. Есть женщины из тарса. С детьми, кстати. Правда, дети дают мало Огня... их невыгодно использовать, — он посмотрел на Ройга с насмешкой. — Лучшее всего — таких

как ты, злобных и неуступчивых.

Тэйн скрипнул зубами, потому что иных возражений, кроме нецензурных, ему на ум не пришло.

Так и не дождавшись согласия, Кимр выполнил свою угрозу, когда сфера контроля заметно ослабла. Тэйн заставил себя досмотреть ритуал до конца. Жертва оказалась пожилой женщиной, но не телларианкой, а алареем. Она не сопротивлялась и почти не реагировала на происходящее. В момент, когда один из жрецов приставил нож к ее горлу, Ройгу удалось подняться с ложа и ударить его по руке, но жрец успел податься назад. Движение, замедленное сопротивлением все еще живого кокона, не достигло цели. Его схватили и уложили обратно, на всякий случай застегнув черные браслеты на руках и на ногах, а необходимый ритуал был доведен до конца. Ройг сквозь пелену слез и дикой боли смотрел, как льется и сразу же испаряется в воздухе кровь, превращаясь в видимые объемные знаки, сливающиеся в цепочки и постепенно рассеивающиеся. Сфера контроля светилась, став видимой.

Когда они ушли, унося синее бескровное тело, он закрыл глаза и застонал. Легче не стало — и он закричал, давая выход ярости и боли.

Потом он долго лежал, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Боль от браслетов быстро утихла, поскольку он перестал шевелиться и лежал неподвижно. Вместе с болью ушла и ярость, и он снова обрел способность трезво мыслить. Пошагово воспроизведя в памяти ритуал, он увидел в нем крохотную лазейку. Главное — завладеть ножом до того, как они принесут следующую жертву.

Задремав, он очнулся, когда целая делегация жрецов явилась по его душу с одинокой миской чего-то, похожего на кашу. Усилий, чтобы это съесть, не потребовалось — он быстро проглотил полужидкую пищу и устался на визитеров с нескрываемым раздражением. К счастью, никто не стал его беспокоить — жрецы, удовлетворившись кормежкой, ушли.

Кимр появился через какое-то время, в сопровождении четырех человек и очередной жертвы — насмерть перепуганного телларианского подростка. Мальчишку явно вытащили из школы илларов во втором слое тарса, и он плохо понимал, что происходит, но жрецам доверял, хоть и с опаской. Тэйн, злой как дьявол и психологически готовый увидеть любую жертву, только сжал зубы, сохраняя неподвижность и внешнее равнодушие.

— Решил что-нибудь? — спросил Кимр будничным голосом.

— Убирайся, — ответил Тэйн тихо, неотрывно глядя на жреца, следя за его движениями.

— Тогда продолжим, — тот повернулся и кивнул своим спутникам. Мальчишку вытолкнули вперед, он увидел нож в руках жреца, но, все еще не веря происходящему, гордо выпрямился и сам сделал шаг навстречу.

Сейчас, подумал Тэйн. Не сводя глаз с Кимра, он всем телом рванулся к жрецу, державшему нож. От боли потемнело в глазах и на несколько мгновений перехватило дыхание, но не парализовало, а лишь вызвало волну злости, благодаря которой он и смог вцепиться в рукоять и вывернуть нож из рук. К нему сразу же бросились два крупных для Агваллара аларея, но Ройг успел полоснуть себя по руке так, что капли крови брызнули веером в разные стороны. В следующее мгновение он воспроизвел заранее подготовленную шайолу. Впитав его кровь, она стала зримой, повиснув перед ним громоздкой негармоничной конструкцией; он резко, изо всех сил потянул на себя весь Огонь жизни, вложенный в сферу контроля. Вонь мертветчины затопила сознание, но Тэйн ждал этого,

поэтому сразу же, быстро пропустив его через себя, создал следующую шайолу, опять брызнув на нее кровью из пореза на руке. Шайолы сплелись, образовав черную, угрожающего вида воронку, в которую сразу же затянуло ложе, на котором он только что лежал, и аларея, находившегося рядом. Задетый краем черного вихря, он закричал, лицо мучительно исказилось, и, судорожно сжав голову руками, он рухнул на пол. Остальные мгновенно отшатнулись, но воронка, медленно и неуклонно увеличиваясь в размерах, занимала все больше и больше места. Когда рост ее остановился, Тэйн, повинувшись приступу яростного безумия, снова полоснул себя ножом, по другой руке, добавляя изрядную порцию крови и бросая в воронку еще одну ши-ала. Мелко подрагивали стены комнаты, а ее очертания потекли и стали расплываться.

— Что ты делаешь? — заорал Кимр. — Эта твоя... штука... Она высосет из тебя жизнь... Да и из нас тоже! И разнесет все вдребезги...

— Именно, — пробормотал Тэйн отстраненно. — Она сожрет кусок пространства вместе с вами и со мной, насытится кровью и Огнем жизни, вырастет и пойдет жрать дальше. Пока не сожрет весь Остров. А поскольку в пространстве над Телларом, — он поднял глаза на Кимра, — жрать нечего, она выдохнется, как только Агваллар перестанет существовать. Процесс займет какое-то время, — он хрипло рассмеялся, чувствуя безумие от того, что только что совершил, и радуясь своему безумию. — Кто-нибудь успеет сбежать на Теллар. Ненадолго. Чтобы погибнуть во время Пришествия.

И он сосредоточенно принялся наблюдать за процессом формирования своего смертельного разрушительного творения, то и дело добавляя в него небольшие порции крови.

Кимр размахивал руками, отдавал приказания спутникам, но никто его не слушал — один за другим жрецы и алареи исчезали из поля зрения — видимо, бросались вон из помещения, спасаясь бегством.

В конце концов черная воронка оформилась в сферу диаметром в человеческий рост, переливающуюся разными цветами, в которых преобладали красный и фиолетовый. Оторвать взгляд от ее зловещей, завораживающей красоты было невозможно. Ройг чувствовал, как, наливаясь силой, она пульсирует в такт биению его сердца.

Осознание сути своих действий приходило интуитивно, словно всплывало откуда-то со дна памяти. Сфера разрушения — так называлась эта убийственная штука тогда, при повторном чтении Арта Аш Ар, а сейчас знание пришло с неожиданной легкостью, будто он знал о ней всегда, и только сейчас вспомнил на практике.

— Что дальше? — спросил Кимр, оставшийся наедине с Ройгом в пустой, заполненной голодным хаосом комнате. Голос его был до странности спокоен.

— Если я вступлю в нее, процесс активизируется, — ответил Тэйн. — Она ждет только жертвы.

— Ну, давай, — усмехнулся Кимр. — Хватит сил-то?

— Хватит, — отрезал Тэйн.

— Ты никогда не казался мне самоубийцей. Безумцем-да. Наглецом. Но не самоубийцей.

«Тянет время или провоцирует?» — подумал Ройг с раздражением. Кимр стоял по ту сторону воронки, достаточно близко, чтобы при желании утянуть его с собой. Неожиданно рядом с ним появился глава клана Следящих. Склонившись к Кимру, он принялся что-то негромко ему втолковывать, отчего на лице Кимра проступило выражение хмурого

недовольства. Тэйн напрягся. Ривард и раньше производил впечатление человека пронизательного, стоящего словно бы в стороне от интриг старших жрецов Конклава. Глядя, как злится и упрямо сжимает губы Кимр, Ройг, неожиданно решившись, шагнул в самый центр воронки.

Его сразу же пронзило тысячами раскаленных иголок. Сквозь пелену боли он увидел, как из пор по всему телу выступает кровь. Воронка распалась на множество стремительно вертящихся колец, ближние из которых прошли сквозь него — он ощутил, как весь набранный им Огонь жизни стремительно вытекает наружу, делая вращение колец все яростнее и хаотичнее. Сознание вспыхнуло и распалось на мириады крохотных огоньков, тело словно взорвалось и разлетелось множеством осколков, он сам будто бы перестал существовать... и совершенно неожиданно из этого хаоса боли, смятения и страха вынырнуло лицо Даниры. Возникнув словно бы ниоткуда где-то на самом краю воронки, она кинулась ему навстречу, сметая и разрушая на ходу жадные, напившиеся его жизнью кольца. Он испугался за нее, закричав что есть силы «Не подходи!», и, понимая, что не успеет выбросить ее из сферы разрушения, бросился навстречу, пытаясь вытолкнуть ее вон. Потом вспомнил, что ее нет в живых... Иллюзия, созданная никем иным, как Ривардом... Как бездарно он попался в ловушку простейшего обмана... И в этот момент тиски голодного хаоса, выпущенного им на волю, стали столь сильны, что он потерял сознание.

27. Арбонн Творец

(Сезон Холода. Небесный остров Агваллар. Зар Изран.)

— Вам ни за что не поверят, — вздохнул Тэйн печально. — Да и мне, скорее всего, тоже. Я уже пытался когда-то защищать Агваллар, и сами знаете, что из этого вышло.

Ривард кивнул. Отойдя от окна, из которого открывался редкой красоты вид на Зар Алу, он отпил из высокого бокала нечто мутное и белое, и, как Тэйн уже знал, слабоалкогольное, и неловко опустился на плавающий диван.

— И не надо. Не трать силы и время. Вопрос равновесия — это теперь вопрос отдаленного будущего. Теллар нас сейчас не интересует. Все силы брошены на защиту раканов от стихийных бедствий, на сбор пищи и воды. Тарс эвакуирован полностью, сейчас мы занимаемся переселением людей из дальних раканов поближе к Зар Але. Здесь, в тоннелях и укрытиях Зар Израна, безопаснее всего.

— Кто теперь глава Конклава жрецов? — спросил он, тоже дотягиваясь до своего бокала. Двигаться все еще было больно, несмотря на целую триаду, проведенную на ложе хэльда Исцеление, да и слабость, вызванная потерей крови, не желала быстро уходить. Хотя молодой жрец храма Тармил, занимавшийся его лечением после того, как голодный хаос, выпущенный им на охоту, разворотил подземелья храма Илбара почти полностью, обещал, что через пару дней рваные раны по всему телу затянутся, а силы — восстановятся. Ройгу хотелось ему верить. Уж больно мерзким было его нынешнее самочувствие.

— Я, — ухмыльнулся Ривард. — Состав Конклава сменился почти полностью, за исключением некоторых жрецов — тех, кто и раньше придерживался менее агрессивных взглядов. Тех же жрецов Тармил, например. Или Ильфейна, которые и на Агвалларе имеют схожие с вашими взгляды.

— Узнаю старину Ильфа, — буркнул мастер с другого дивана, — хвала Истоку, у него всегда хватало ума поддерживать прогрессивные начинания. И уж легкомыслием он никогда не страдал, даже в молодости, говорят.

— Хотите сказать, что это — божественное влияние? — уточнил Ривард почтительно, повернувшись к маленькому сутулому теллу с длинной белой косой, переплетенной множеством разноцветных ленточек.

— Отзвук, скажем так, — ответил тот. — Мы называем это Отзвуком. Кстати, нетерпимость илбарцев — это тоже Отзвук божественной сущности Илбара, воплощаемой им на тысяче различных островов жизни.

— Вы давно... готовили этот переворот? — спросил Тэйн, глядя на мастера. Потрясение от встречи до сих пор не прошло, он не был до конца уверен, что не бредит, видя вживую того самого старого Творца, персонажа и спутника своих странных откровений-снов. Ройг так и не признался, что знает о нем из очень необычного источника.

Мастера звали Арбонн. Когда Ройг пришел в себя, тот отругал его за опасные и беспечные эксперименты со стихийными силами, и кратко объяснил, что произошло, пока Тэйн валялся под сферой контроля, а потом — в хэльде Исцеление. Оказалось, политика Менарта и его приближенных давно вызывала раздражение у большей части жрецов, не видевших никакого смысла в агрессивных действиях Главы конклава в отношении Теллара. Кроме того, постоянный жесткий контроль над ведомыми сильно подорвал как физические

силы клана Следящих, так и доверие к власти. Менарта отстранили незадолго до того, как Ройг обратил сферу контроля в сферу разрушения. Арбонн, который изредка навевался на Агваллар, и хорошо знакомый со многими из тех, кто был против порабощения Наземного мира, торопился, чтобы вмешаться и помочь Риварду, и, к счастью, успел вовремя — без его мастерства истинного Творца от Агваллара вскоре не осталось бы даже пятнышка на небе, и уж тем более ничего не осталось бы от самого Тэйна Ройга. А так... Все закончилось почти мирно и благополучно, не считая самоубийства Менарта, нескольких раненых в храме Илбара и злобно рычащего Кимра, надежно запертого под такой же сферой контроля.

— Что с ним будет? — поинтересовался Тэйн кровожадно — очень уж хотелось отыграться на жреце за собственные мучения.

— Пока — ничего, — ответил Ривард. — Кимр не дурак и не трус. Хочется верить, что он остынет и пересмотрит свою позицию, когда поймет, что на самом деле его никто больше не поддерживает.

— А что с кланом Следящих?

— Давно пора было отказаться от этой глупости, — проворчал Арбонн.

— Следящие...пока что отозваны. Если ведомые начнут гибнуть, мы потеряем всех до единого, — вздохнул Ривард. — И так резонанс неизбежен.

— И что дальше? — настаивал Тэйн

— Скорее всего — ничего. Я сам, как бывший глава клана, считаю, что мои люди не заслуживают столь убогой и жестокой участи — жить чужой жизнью, не имея собственной. Клан и так не слишком велик, а уж во время Пришествия неизбежно уменьшится наполовину. Резонанс чужой смерти все равно нас накроет. Тем, кто останется в живых, найдется, чем заняться и без ведомых. Например, нам необходимы будут люди, хорошо знающие жизнь и обычаи Наземного мира, чтобы хоть как-то налаживать отношения.

— Да уж, — хмыкнул Тэйн. — Боюсь, мы вернулись к тому, с чего начали — вам ни за что не поверят.

— Сразу — нет, — заговорил телл. Голос у него был низкий, бархатный, с чарующей хрипотцой, в которой зачастую сквозила ирония. — Но со временем — возможно. И зависеть это будет не только от Агваллара, но и от Наземного мира.

— Смотря что от него останется после Пришествия, — вздохнул Тэйн

— Останется, — заверил его старый мастер.

— Скажите, — продолжил Ройг после паузы, — Кимр действительно договорился с ард элларцами?

— Договорился, — Ривард кивнул, разливая по бокалам белый напиток и протягивая Тэйну его бокал. Ройг с благодарностью взял его, радуясь возможности не вставать с кровати. — Это оказалось не так уж трудно. Они не слишком уж боялись Пришествия, у них под боком были пещеры Джар Дахара, зато за книгу Арта Кон Ла — вторую недостающую в их своде — они готовы на все. Ну и конечно — Алуре, маленький недоступный рай, где изначально все равны перед природой и людьми.

— А зачем Кимру был нужен союз с Хильдайром?

— А как же? Хильдайр — реальная военная сила и без илларов. Лучшее войско Наземного мира. Самые мощные корабли, самая боеспособная армия, жесткое подчинение вождам, неукоснительная вера в богов. В последние десятилетия влияние Конклава жрецов в Наземном мире сильно ослабло. Кимр нашел способ его поддержать. Не такой уж плохой, надо сказать.

Арбонн улыбнулся, видя, как Ройга перекосило от ненависти.

— Дайте мне Кимра, у меня руки чешутся что-нибудь с ним сделать, — зарычал он. — Пусть бы его дом завоевала толпа варваров...

— Не такие уж они и варвары, — парировал Ривард. Тэйн не ответил, залпом допил бокал. Питье ему нравилось — легкое, кисло-сладкое, оно слегка пьянило и приносило приятную расслабленность телу.

— Как скоро ты собираешься домой? — спросил его Арбонн.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Тэйн мрачно, вспомнив, что передвигаться ему все еще чертовски больно. — И желательно тайком, а то Данира собралась со мною.

Ривард поморщился.

— Если уж что-то втемяшилось ей в голову, переубедить ее сложно. Подмогой, конечно, она тебе вряд ли будет, но и обузой тоже не станет.

— Как вам удалось сохранить ей жизнь? — спросил Тэйн о том, что мучило его с самого начала. — Я же сам видел ее тело. Она была... мертва.

— Смесь яда и шайол, почти смертельная для человека, если вовремя не дать противоядие и не пропустить через хэльд Исцеление. Риск был огромным, но он того стоил. Кимр поверил, что она мертва, а я, как глава клана, успел забрать тело, пока не стало поздно, — пояснил Ривард.

— Ей, пожалуй, безопаснее будет остаться здесь, — сказал Тэйн. — Там, внизу... опасно.

— Не получится, — Ривард ухмыльнулся, видя его тревогу. — Не расстраивай девочку, ей и так достался... слишком уж беспокойный ведомый.

Тэйн молчал. Если Данира все-таки увяжется с ним, он отправит ее прямо к Лейт, на Алуре. Пожалуй, так будет лучше для всех — и для него самого, и для Риварда, который явно беспокоился за судьбу своей неугомонной племянницы.

— Как все-таки выглядит... Пришествие? — спросил он после паузы, неуверенно глядя на мастера. — И, самое главное — почему? Никто ведь так и не нашел ответа.

— То, что вы называете Пришествием — естественный катаклизм, — пояснил тот, задумчиво глядя в окно, на туманные очертания города. — Изъян системы. Жрецы Агваллара, при всех своих заблуждениях относительно реальной власти над миром, всегда пытались найти причину и устранить ее навсегда. Те камешки — всего лишь попытка, одна из многих. Очень многих. Я сам всю жизнь ищу ответ на этот вопрос... Тот Творец, что создал Кэлленар, кстати, его так и звали, автор множества систем подобного рода в разных мирах Кольца. Везде, где он прошел, остался след одного и того же конфликта, словно система, накопив множество ошибок по ходу работы, в какой-то момент саморазрушается и затем воссоздает себя заново, иногда — полностью, иногда — с ошибками и потерями. Ваше трехмирье — одно из многих, обреченных гибнуть и рождаться заново по одному и тому же сценарию.

— Если Творцы... бессмертны, так может, стоит спросить его самого? — неуверенно предположил Тэйн.

— Творцы не бессмертны, — печально покачал головой Арбонн. — Когда искра бессмертного огня гаснет, Творец еще долго может жить обычной человеческой жизнью в мире Истока, где время течет иначе, чем на островах жизни. Но в конце концов он умирает, как все живые существа.

Что касается Кэлленара... Я искал его. Уже тогда, когда я пришел в храм Творцов, от

него остались одни легенды, а Огонь его, по словам обитателей Истока, давно потух. Говорили, что он до сих пор чудом жив и бродит по мирам. Есть легенда, что он вернулся на тот остров жизни, что породил его, и до сих пор живет там в образе какого-то мелкого божества. Есть слух, что он давно умер от обычной человеческой старости. По правде говоря, я придерживаюсь именно последней точки зрения, — усмехнулся мастер.

— Есть одна любопытная теория, — заговорил Ривард, — что Пришествие — это роды Творца.

— Тогда все мироздание было бы заполнено Творцами, — усмехнулся Арбонн. — Хотя... возможно, все реально состоявшиеся Пришествия — это так и не ставшие Творцами потенциальные творцы. Кто знает? Возможно, истинный Творец может войти в силу и осознать себя только в шаге от смерти.

Тэйн снова подумал о Кельхандаре. Неужели?

28. Новая угроза

(Сезон Холода. Риаллар, Джар Илломайн)

Лейт еще раз окинула взглядом долину. Жаркий, наполненный гарью воздух с каждым вздохом жег легкие. Да, отвыкла она от такого в благословленном краю Алуре. Озерцо, видимое отсюда, из шатра Джерхейна, как маленькое сияющее пятнышко, стало совсем крохотным и мутным, остатки растительности, покрывавшей горные склоны, пожелтели и кое-где обуглились. Ворота на Алуре по-прежнему сияли чистым, ярким синим светом надежды, заменяя солнце на бардово-красном сумрачном небе. Остров Колдунов почти слился с небом и выдавал себя лишь редкими оттенками оранжевого и лилового.

Джерхейн вздохнул, переминаясь с ноги на ногу.

— Даллан пытался оживить Окно в долине, — он кивнул в сторону озера, за которым находилась маленькая галерея хэльдов. — Но, кажется, от камней теперь тоже нет проку.

— Да, он вернул мне камень матери, — кивнула Лейт. — Правда, без объяснений. Так что же случилось?

— Не знаю, — тяжело вздохнул Джерхейн. — Ройг просто исчез. И эти ублюдки тоже. Что говорит об их причастности.

— Кто именно?

— Линара и двое парней. Ригойн и еще двое остались здесь, клянутся, что понятия не имеют, куда делись остальные, и причем здесь Ройг. Но он не мог просто так взять и уйти, никого не предупредив, — с досадой воскликнул он. — Люди видели, как эта тварь ошивалась около него в тот вечер. Мои воины с пристрастием допросили тех ард элларцев, что сейчас сидят у Нефритовых ворот. Выяснились любопытные подробности...

Она повернулась к нему, так как голос Джерхейна дрогнул.

— Меня очень интересовало, как они сюда попали. Я привык за последние полгода путешествовать по земле, не пользуясь Дверьми-Воротами, и хорошо представляю расстояния и скорости. Но вот что оказалось... Те, кого мы потрянули, признались, что пришли сюда через два Небесных столба. Один располагался внутри Очага Солнца и привел их на белую землю в клубах тумана, через которую они шли, пока не стемнело, и пришли к Небесному столбу, ведущему в окрестности Эргалона.

— Они шли через тарс, — охнула Лейт.

— Вот и я так думаю, — кивнул Джерхейн. — Что Ригойн сумел договориться с островитянами. И как мне теперь вытаскивать оттуда Ройга, я не представляю.

— Попросить Харриаберта, — взволнованно предложила Лейт.

— Похоже, придется, — буркнул Джер. — Даллан очень обеспокоен. У нас осталось ровно семь дней до Пришествия. Если мы не успеем найти Тэйна за это время, считай, что Пришествия он не переживет.

— А ты сам не беспокоись? — поинтересовалась Лейт осторожно.

— Не знаю, — ответил Холгойн после паузы. — Если честно, то не очень. За последнее время Ройг так часто исчезал, что я привык. Но он возвращался... Всегда.

— Пока что — всегда, — поправила его Лейт.

— Это меня и пугает, — Джер напряженно вглядывался во что-то, движущееся со стороны озера, и Лейт, заметив его тревогу, тоже обратила туда свой взгляд. Два всадника на арритах стремительно приближались к лагерю. Еще немного, и оба они притормозили у

сторожевого поста, который без задержки пропустил их. — Свои, — сказал Джерхейн. — Вести из Эргалона. Что-то нерадостное...

Спешившись, оба воина почти бегом бросились к нему.

— На всех трех тропах к долине — хильдские войска, — выпалил первый, задыхаясь от волнения. — Пока еще далеко, но они определенно идут сюда.

— Мы докладывали о движении пеших войск по основным трактам, — начал второй более спокойно, и Холгойн кивнул, хорошо помня пришедшее два дня назад тревожное сообщение, в ответ на которое он приказал усилить посты вдоль троп и следить, не вмешиваясь, за всеми перемещениями хильдов.

— Вооружены как обычно, для ближнего боя. Снаряжение минимальное. По нижней тропе, через распадок, идет конный отряд. Они опережают остальных и продвинулись достаточно далеко. По остальным топам — пешие, но идут быстро, с короткими привалами.

— Количество воинов? — коротко спросил Холгойн, быстро осматривая лагерь и словно подсчитывая что-то в уме.

— Двадцать арритов. На южной тропе — сорок шесть пеших, — ответил первый, отдышавшись. — Позападной тропе пока нет данных, они только появились.

Джерхейн кивнул, велел гонцам отдыхать, но быть поблизости, и повернулся к Лейт.

— Найди Даллана, передай, что я жду всех у себя в шатре как можно скорее.

Пока собирался совет, прискакал еще один гонец, из лагеря на плато перед Нефритовыми Воротами. Ночью на них было совершено дерзкое и неожиданное нападение. Днем внимание сторожевых дозоров вокруг лагеря умело и ловко отвлекла группа новых беженцев, словно бы заблудившихся в горах, а как только стемнело, на лагерь напали, причем было неясно, где именно до этого скрывался отряд хильдов. После короткого боя, перебив больше половины хильдов, с минимальными потерями лагерь быстро свернули, переправив всех оставшихся беженцев внутрь пещер. После этого арку Нефритовых Ворот доверху заложили камнями, оставив в боковых нишах усиленные дозорные группы.

Джерхейн выслушал доклад, время от времени согласно кивая — все эти действия были тщательно спланированы и проработаны заранее.

— Что с отрядом ард элларцев? — спросил он, когда его военный совет полностью собрался, и когда прозвучали все тревожные новости.

— Кое-кто исчез, кого-то прикончили в бою, остальные присоединились к хильдам, — пояснил гонец. — Та часть отряда, что осталась в живых, отошла вниз по дороге и теперь следует по тропе, ведущей к Воротам в обход пещер.

— Быстро не дойдут, там в последнее время были обвалы, — сказал Каллед. — Они верхом?

— Не полностью.

— Так и должно было случиться, — сказал Даллан, глядя на расстроенное лицо Джерхейна. — Мы и так продержались дольше, чем я рассчитывал, и успели гораздо больше, чем казалось возможным. Хотелось бы, конечно, чтобы они не добрались до нас до самого Пришествия, но... У нас есть шанс продержаться, если грамотно спланировать оборону.

Джерхейн обвел всех присутствующих хмурым взглядом.

— Всех, кто остался — в Ворота. Ждать больше нельзя. Здесь останутся только воины. Все, кто хочет уйти на Алуре — не удерживать, пусть идут, потом разберемся. Защищать долину с Воротами останутся только те, кто сам этого захочет, но они должны осознавать,

что могут не успеть уйти и встретить Пришествие здесь. Все подходы к долине перегородить, организовать засады. Вырыть, где успеете, ловушки...

Когда обсуждение перешло в область тактики, Лейт, незаметно присутствовавшая на совете, так же тихо и незаметно покинула шатер.

— Ты должна уйти, — Джерхейн был в ярости, когда она сказала, что останется. — Ты не представляешь своей ценности. Ну подумай, чем ты можешь здесь помочь?

— Будут раненые, — ответила Лейт невозмутимо, словно и вовсе не заметила его гнева. — Кто-то должен помочь им добраться до Ворот.

— У меня достаточно людей, чтобы о них позаботиться, — рыкнул он. — Я отправлю тебя туда силой!

— Попробуй, — сощурилась она насмешливо. — Что помешает мне вернуться? Что, будешь таскать меня туда-сюда, вместо того, чтобы защищать лагерь?

— Ты... — но его ярость сломалась о ее спокойствие. — Упрямая, как сто небесных дьяволов.

— Упорная, — поправила Лейт сдержанно.

— Будь хотя бы осторожна, — буркнул он, отворачиваясь.

И тут она сделала то, что никогда не сделала бы в другой обстановке. Обойдя его и встав на цыпочки, Лейт поцеловала его в краешек губ. Хотелось, конечно, в губы, но она не дотянулась, а он, растерявшись, не успел наклониться к ней. И, мгновенно смутившись, поспешила выйти из шатра.

29. Последний рубеж

(Сезон Холода. Риаллар, Джар Илломайн.

Хильды ударили на вторую ночь, в самое темное время суток, когда свечение Алуре, и без того неяркое в нынешних условиях, тускнело сильнее всего. Скрытно и стремительно придя в долину с западной, самой труднодоступной тропы, они ловко обошли дозоры и почти сразу же прорвались в лагерь. С окрестных скал лагерь лежал как на ладони благодаря сияющим посреди долины Воротам, которые освещали окрестности, оставляя склоны гор в темноте. Положение спас Даллан, подоспевший вместе с Тройвеном и еще двумя илларами, которые сумели с помощью серии урд-знаков, применяемых горнодобытчиками, расколоть горные породы прямо под ногами у захватчиков, и вызвать сильнейший камнепад. Склон западной тропы завалило, часть хильдов погибла, тех, кто прорвался в долину, вырезал Джерхейн с группой лучших воинов, поднявшихся по тревоге.

Со стороны озера в распадке было организовано несколько засад, из тех мужчин-беженцев, кто не ушел на Алуре, оставшись защищать лагерь. Даллан поставил невидимые сети-ловушки, спуски троп в долину были тоже обрушены и завалены камнями, а по склонам рассажены арбалетчики и лучники. Разведчики доложили, что отряд хильдов, шедший нижней тропой, спешился, оставив арритов под охраной нескольких воинов в горном ущелье в самом начале тропы.

Следующим днем с южного склона прицельно полетели арбалетные болты. Стрелки засели так, что в сектор обстрела попали подходы к Воротам и центральные шатры, где находился сам Джерхейн и его командиры. Стрелков быстро вычислили и, осторожно подобравшись, сняли, но почти сразу же со стороны озера прорвался самый большой отряд. Засады и ловушки на пути поуменьшили число хильдов, но разведчики сообщили, что на нижней тропе появился новый отряд. Наспех сложенные каменные стены какое-то время удерживали хильдов, но в конце концов те проломали в них проходы и прорвались в долину. Одновременно последовал удар со стороны южной тропы, но крутой спуск в той части долины позволил риалларцам держать нападавших под обстрелом.

Лейт и еще несколько наиболее отважных женщин занимались ранеными. Число защитников Ворот уменьшалось с каждым часом. Бились за каждый кусок земли, за каждый шаг в сторону Ворот. Хильды с боевым безумием в глазах бросались под град стрел, камней, горящего тряпья, швыряемого укрывшимися за жалкими баррикадами беженцев. Своих раненых оттаскивали в сторону Ворот, где женщины по одному переправляли их на Алуре. Кто-то возвращался, перевязанный, чтобы снова кинуться в бой. К вечеру атака хильдов захлебнулась: оттащив раненых и бросив убитых, они отошли за озеро и, выстроив на месте каменных барьеров свой собственный маленький лагерь, устроились на ночлег.

— Еще пара таких атак, и не останется ни их, ни нас, — сказал Джерхейн, когда стало ясно, что хильды устроили передышку. На совет в его шатре собрались почти все, кто остался жив, кроме дозорных.

— Думаю, стоит попробовать поговорить с ними, — предложил Даллан. — По крайней мере, выяснить намерения.

— Их намерения ясны, как солнечный день, — буркнул Джер. — Что мы можем им предложить?

— Алуре, конечно же, — улыбнулся Даллан. — На наших условиях.

Ночь прошла спокойно, не считая пронизывающего ледяного ветра, поднявшегося ближе к рассвету. Лейт, ненавидевшая холод, натянула на себя все, что нашлось в шатре, и все равно так и не согрелась. Страх она не испытывала. Мысль о том, что в любой момент она может ускользнуть в безопасный и комфортный мир Алуре, согревала и поддерживала силы лучше теплых одеял и защитных укреплений. Только вот ни Даллан, ни Джерхейн не собирались спасать свои шкуры таким образом, и она считала себя обязанной оказывать любую, пусть даже самую скромную, помощь. Кроме того, она безумно боялась за них обоих. Об исчезнувшем Ройге она думала со смутной надеждой, но, скорее всего, на самом деле его уже не было в живых.

С утра в лагере противника были заметны какие-то передвижения, но, когда небольшой отряд переговорщиков рискнул приблизиться к озеру, им навстречу вылетел град стрел. К счастью, никто не пострадал — они успели быстро отступить под защиту дружины.

— Нужен кто-то, кто выглядел бы наиболее мирно, — сказал возглавлявший делегацию Каллед, когда они вернулись в лагерь. — Женщина, например. Или кто-то из беженцев постарше.

— Могу пойти я, — заявила Лейт. — Меня никто не тронет.

— Нет, — сквозь зубы прорычал Джерхейн.

— Да, — сказала она и повернулась к Даллану. — Вы ведь согласны?

— Конечно, — кивнул он с улыбкой. — Пойдем. Нас обоих не тронут.

Джерхейн пытался высказать свое несогласие, но у него от возмущения отнялся язык. Остальные воины дружины ждали его распоряжений, но под сурово-ироничным взглядом Даллана он смог лишь вымученно кивнуть.

Вдвоем, неторопливым шагом, перекидываясь шутливыми репликами, Лейт и старый иллар беспрепятственно добрались к озеру.

Хильды, успевшие за ночь устроиться всерьез и надолго, встретили их сдержанным почтением. Биувак командира отряда находился почти у самой кромки озера, их проводили к костру, на котором в объемистом котелке что-то равномерно булькало, испуская вполне съедобный запах. Лейт узнала в сидевшем на уложенных вокруг костра камнях одного из своих собеседников за столом, в бытность пленницей хильдов в эргалонском храме Хэллиха. Она с трудом вспомнила — его звали Реорг. Жестом он пригласил их сесть и, подождав, пока Лейт поудобнее устроится на камнях, и пока их окружают плотным кольцом воины его отряда, приветствовал их сдержанным кивком.

— Рад вас видеть в своем лагере. Предполагаю, что вас привела сюда необходимость обсудить некоторые... вопросы нашего совместного будущего, — витиевато начал он.

— Прежде всего, от имени риана Холгойна я хотел бы знать, какая цель привела подданных хильдского князя в его земли, — сказал Даллан с едва заметной усмешкой.

— Та же, что и подданных риана Холгойна, — вернул ему усмешку Реорг. — Надежда на спасение в виде Врат в Небеса.

— Своеобразное название, — прошептала Лейт.

— Мы знаем, что находится за ними, — продолжил хильд. — Мир без Кэлленара. Шанс выжить для всех, кто успеет добраться до Врат.

— Мы можем дать вам такой шанс, — сказал Даллан.

— На каких условиях? — голос хильда остался невозмутим и холоден.

— В качестве пленных. Каждому, кто пожелает сдаться и принесет клятву верности

Холгойнам, будет дана возможность подняться на Алуреи переждать там Пришествие. В дальнейшем, если они не захотят стать его подданными, мы позволим им поступить согласно вашей традиции: драться на поединке или быть выкупленными родичами.

Среди окружавших их воинов прокатился недовольный ропот, но Реорг жестом приказал всем замолчать.

— Таково предложение Холгойна, — утвердительно проговорил он. — Он хорошо рассчитал свои силы?

— Достаточно хорошо, учитывая скорое Пришествие и тот факт, что Агваллар вас больше не поддерживает.

Лейт с трудом сдержала удивленный взглас, но, видимо, Даллан знал, что говорил.

— Холгойн должен понимать, что за нами идут другие отряды. Он может не дожить до Пришествия, — в голосе хильда прозвучали угрожающие ноты.

— Так же, как и князь и его подданные должны понимать, что в любой момент он может подняться на Алуре и уничтожить за собой Ворота так же, как и создал их.

— Ворота создали Ройг и Харриаберт, — улыбнулся Реорг, проявляя удивительную осведомленность. — Только я не вижу ни того, ни другого в ваших рядах.

— Что ж, придется попросить их обоих заявить о себе, — ответил Даллан с неожиданной сталью в голосе. — Боюсь только, что для вас это будет иметь печальные последствия.

— Мы почти у цели, — сказал хильд, глядя ему в глаза с ледяным спокойствием. — И я не вижу причин для столь позорного исхода.

— Каждый шаг до этой цели будет полит реками крови, — Даллан чуть возвысил голос, так, чтобы его слова раскатились по всему лагерю. — Может статься так, что некому будет входить в эти Ворота.

— Возможно, — согласился Реорг. — Но условия, предложенные Холгойном, для нас унижительны.

— Предложите свои, — сказал Даллан мягко. — Возможно, так, шаг за шагом, мы найдем понимание.

— Возможно, — кивнул хильд. — Ждите моих послов за вон тем скальным выступом, — он указал на кусок отвесной скалы, немного сужающий проход к озеру, и находящийся между двумя лагерями, чуть ближе к риалларскому. Проводите их, — тихо приказал он тем же воинам, что привели их сюда.

На обратном пути, когда они уже подходили к шатрам, Лейт спросила Даллана:

— Почему вы уверены, что островитяне больше не поддерживают хильдов?

— А ты заметила, что они не использовали ни одного урд-знака во время нападения? Теперь, когда Огонь жизни неоткуда подчерпнуть, за исключением собственных сил, а сложные урд — конструкции даются только тем, кто долго учился этому, хильды стали беспомощны. Вся их сила была заемная, от их Следящих. Сила Следящих в их илларах почему-то исчезла. Мне кажется, на Агвалларе что-то произошло...

Пока Даллан пересказывал результаты их дипломатической миссии и свои наблюдения насчет расположения и укрепления лагеря хильдов, Лейт напряженно рассматривала окрестные скалы. Что-то мелькнувшее на краю сознания насторожило ее. Еще один отряд хильдов на подходе? Так наблюдатели давно бы обнаружили его. Иссохшая земля давно покрылась трещинами, с каждым днем становившимися все шире, ступать по ней днем было нестерпимо горячо. Сейчас, в самый разгар дня, стояла одуряющая духота, и только ветер,

чуть более прохладный, чем стоячий воздух долины, врывающийся со стороны озера, давал возможность хоть как-то дышать и двигаться.

Через лагерь цепочкой тянулись беженцы. Иллары прикрывали их заклятиями невнимания, которыми были исписаны все окрестные камни и скалы, но, к сожалению, держались они очень недолго: приходилось постоянно их обновлять, чтобы хоть как-то скрыть перемещения людей. Лейт казалось, что земля вздрагивает под их ногами, словно в преддверии землетрясения, трещины углубляются, а кое-где и проседают вширь. Подумав о том, что они могут и ошибиться с точной датой начала Пришествия, она поежилась и неожиданно решила вернуться на Алуре при первой же возможности: скорее всего, теперь здесь без нее действительно обойдутся. Джерхейн только нервничает, глядя, как она лезет под стрелы. Конечно, если он погибнет, у бедняжки Итты вообще никого не останется...

Гонец с письмом от хильдов прибыл очень скоро. Передав запечатанное по всем правилам дипломатии письмо, он поклонился и, не дожидаясь ответа, поспешил обратно в свой лагерь. Джерхейн быстро пробежал его глазами и передал Даллану. Собравшиеся вокруг него воины шепотом пересказывали друг другу его содержание.

— Что ж, я считаю их предложение вполне приемлемым, — сказал Даллан, вернув Джерхейну письмо. — Клятва верности тебе и нейтралитет в отношении риалларской колонии, с последующим возвращением на Теллар сразу после Пришествия, но без унижительного для них рабства.

— Невозможно, — отрезал Джерхейн. — Там, на Алуре, люди, у которых они убили родных, разрушили дома, чью жизнь они сделали невыносимой. Наши будут мстить, и им не удастся удержать нейтралитет. Они развяжут войну.

— Вряд ли. Если хильды не станут отвечать ударом на удар, если наоборот, попытаются наладить дружеские связи с Новым Эргалоном... Смотри, — ухмыльнулся Даллан, провожая глазами вереницу переселенцев, — там, наверху, уже налажена другая, мирная жизнь, и там достаточно хорошеньких девчонок, которые станут заглядываться на молодых и сильных мужчин, добытчиков, воинов, защитников. Когда придет время, многие из них уже обзаведутся семьями и сознательно не захотят возвращаться в свои холодные, суровые земли.

Джерхейн отвернулся. Лейт знала силу его неприязни к хильдскому князю, захватившему его страну, и видела, чего ему стоит сейчас попытка прислушаться к разумному совету старого иллара. Угрюмое его сосредоточение было прервано одим из командиров, сопровождавшим отряд беженцев, шедших сейчас через Ворота, и Холгойн переключился на его доклад.

— Сколько людей еще остается в Тонхайре? — спросил он, глядя на ежесекундно вспыхивающие Ворота.

— Около трехсот в Обители Колодца и более двухсот в Джар Ил. Я знаю, что на днях из Эргалона вышла еще одна большая группа, но, боюсь, они уже не успеют до нас добраться. Я послал им навстречу гонца, чтобы они или торопились, или прятались... Все зависит от состава группы — много ли больных, детей, есть ли арриты и прочий скот.

— Скота давно уже не осталось, — перебил его Джерхейн. — Поторопи их. Запрягите телеги, может хоть так успеют. Эта группа, скорее всего, последняя. Не нравится мне обстановка, — он нервно огляделся. — Мне только что доложили, что с обеих троп приближаются большие группы хильдов, а нас осталось тридцать два воина и десять мужиков-добровольцев. Так что лучше всего сейчас заложить ворота в Обитель Колодца и ждать окончания Пришествия. И вот еще...

Лейт, одолеваемая смутным беспокойством, перестала их слушать. Яркая пульсация работающих Ворот освещала противоположные склоны гор и в ало-багровом полумраке ей виделись странные живые тени, ползущие вниз по склонам. Чуть выше входа в Обитель Колодца, на пологом скальном выступе, она заметила странный, черный и резкий человеческий силуэт. Она долго не могла оторвать от него взгляда. Он стоял неподвижно, словно следя за лагерем. Потом медленно поднял руки...

Ей показалось, что земля под ногами вздрогнула. Джерхейн с Далланом оторвались от обсуждения насущных проблем. Среди группы беженцев, торопливо двигавшейся к Воротам, раздались испуганные вскрики, а Лейт в очередной раз ощутила, как дрогнула и просела под ногами почва. К Джерхейну уже бежали воины, указывая на склоны гор, где теперь уже отчетливо были видны стремительно спускающиеся по ним фигуры.

— Хильды с южной тропы атакуют, — крикнул один из гонцов, и тут же на них обрушился град стрел. Лейт юркнула под чей-то щит, но стрелы быстро иссякли. Крики со стороны озера говорили о том, что и оттуда началась очередная атака. Она подняла глаза к фигуре на скале и в ужасе вцепилась в первого попавшегося воина: по отвесным склонам гор на четырех конечностях ловко спускалась стая тварей, одетая в человеческую одежду. Достигнув ровной поверхности, они выпрямлялись, и Лейт неожиданно узнала в них лайдов. С того же склона, но уже человеческими, проходимыми тропами, шли люди, одетые в такие же темно-коричневые, хорошо знакомые лайдские плащи. Она отыскала глазами Джерхейна, который уже командовал, организуя оборону, и, обратив на себя внимание, показала на человека на скале.

— Харриаберт, — воскликнул Холгойн и грязно выругался. — И неизвестно еще, на чьей стороне. Он же хильд княжеского рода... Дьяволы его заешь!

Тут землю снова тряхнуло, на этот раз с такой силой, что многие, не удержавшись, попадали с ног. Лейт, с трудом увернувшись от ринувшихся к воротам последним беженцам, вытащила из-под одежды камень-защитник. Даллан говорил, что когда начнется Пришествие, все пять камней засветятся. Не обнаружив видимых изменений, она снова огляделась и тут же отпрыгнула назад. Глубокие трещины, зазмеившиеся по земле после этого толчка, засветились знакомым бело-золотым сиянием.

С воплями боевой ярости прорвавшиеся в долину хильды смешались с толпой беженцев, с защитниками Риаллара, настигаемые валяющимися со склонов лайдами, бросавшимися на них с остервенением голодных животных. Где-то впереди, в направлении озера, мелькнула рыжая шевелюра Джерхейна, и безумно испуганная Лейт услышала голос Даллана «Я сам в нему поднимусь! Тебя он не будет слушать, займись тем, чем умеешь — сражайся!» Она видела, как Даллан поспешно рисует на себе заклятие невнимания, одновременно пробираясь через хаос обезумевших людей в направлении восточного склона. Вот он уже ступил на тропу, ведущую к воротам Обители Колодца, ловко оттолкнул от себя шального лайда, удачно прыгнул вперед, избежав удара очередной стрелы... и взгляд Лейт соскользнул с него, зацепившись за яростную схватку риалларцев и хильдов в узком проходе между озером и долиной.

Кто-то сгреб ее в охапку и потащил в сторону Ворот, но в этот момент земля снова дрогнула, и огромная трещина расколола долину на две неравные части. Почва под ногами просела, из трещины стремительно, тоненькими ручейками просачивалась кйити. Она едва успела отпрыгнуть, чтобы не попасть в нее ногами, и тут же оказалась на земле, придавленная телом своего спасителя — арбалетная стрела пробила ему грудь. Лейт

попыталась поднять его и подтащить к Воротам, но сил у нее не хватило, да и жить бедняге оставалось всего ничего. Поднявшись на ноги, она огляделась и обнаружила, что змеившиеся по земле трещины образовали посреди долины небольшую речку кйити, от которой отходило все больше и больше тоненьких сияющих ручейков. Хильды, лайды, люди Лахлайда, воины Холгойна и беженцы смешались в бешеную толпу, в которой уже никто не разбирал своих и чужих в единой безумной попытке добраться до Ворот. Осознав, что ее затопчут при малейшей попытке приблизиться, Лейт кинулась вслед за Далланом, намереваясь укрыться в Обители Колодца. Карабкаясь по крутой тропинке, стараясь не смотреть вниз, чтобы не ужасаться происходящему там смертоубийству, она снова отыскала глазами Кельхандара. Он по-прежнему стоял на скале, время от времени резко взмахивая руками.

Одолев первый подъем и очутившись на маленьком плато, она невольно оглянулась и в очередной раз захлебнулась ужасом. Весь распадок был теперь пронизан светящимися ручейками, кое-где слившимися в маленькие озерца кйити. Полуразумная субстанция вздувалась огненными пузырями, всплесками брызг, которые фонтаном разлетались в разные стороны. Убитые и раненые падали в ручейки и озерца, кто-то из последних сил выбирался из них, кто-то тонул, погружаясь в кйити целиком, отчего ее всплески становились все сильнее и ярче.

Лейт отступила и спряталась за камень, увидев, как рядом с ней пронесся лайд, следом за ним — два хильда из пришедшего только что подкрепления. Свистнуло несколько стрел, и в общем хаосе лязга мечей, криков ярости, боли и страха ее обостренный инстинктом самосохранения слух выхватил горестный вопль знакомого голоса, пришедший откуда-то сверху, и следом, словно отзыв, яростный крик из самой гущи боя. Она выплянула из своего укрытия и увидела совсем недалеко от нее появившуюся из красного сумрака фигуру Даллана, медленно оседавшую на землю. Из его спины торчало несколько арбалетных стрел...

Растеряв последний страх и остатки соображения, Лейт на четвереньках поползла к нему, но тут над ее головой снова засвистели стрелы. Переждав атаку, явно направленную сверху вниз, потом — топот и ругань с хильдским акцентом, лязг мечей и сочное хаканье, глухие удары тела о камень и снова лязг оружия, она в конце концов подползла к нему и вцепилась в безжизненно тяжелую, еще теплую руку. Жизнь уже ушла из его тела. Глаза Даллана, требовательно строгие, смотрели не вверх, а куда-то вбок. Проследив его посмертный взгляд, она увидела Ворота... Вся долина вокруг Ворот была изрезана потоками кйити. Ворота были отрезаны отзапертых на небольших клочках суши людей, яростно пытавшихся перебраться к ним поближе, падавших и тонувших в неожиданно глубоких ее руслах. Как зачарованная, продолжая стискивать ладонь Даллана, Лейт глядела, как ширятся потоки кйити вокруг Ворот, как быстро уменьшается часть суши под ними... Она моргнула, морщась от стекающего по лбу пота, глядя, как падают в поток мертвые тела, как бурные всплески светящейся субстанции захлестывают основание небесно-голубого столба, жадно протягивают к нему свои многопалые тонкие ручки, растекаясь, проникая, сливаясь с этой драгоценной синевой... Небесный столб мигнул, тускнея. Кйити хлынула со всех сторон, ручейки переплелись, погребая под собой оставшиеся островки земли, земля снова дрогнула, словно давая выход бурному потоку, бившему из ее недр, и в это же мгновение синее сияние Ворот иссякло. Истошный, мучительный стон пронесся над нею, и захлебываясь слезами, она увидела, как истаял последний след прохода между мирами.

Ворот на Алуре больше не существовало.

Лейт положила голову на тело Даллана. Какая-то часть ее сознания, словно отделившаяся от измученного тела, наблюдала, как в долине снова вскипает яростный бой всех со всеми, как карабкаются по склонам уцелевшие, как вслед им свистят еще оставшиеся у кого-то стрелы. Она слышала голоса, странно знакомые, нереальные, голоса людей, которые давно мертвы, проклятия и крики о помощи. Прележав в оцепенении неизвестно сколько, она все-таки сумела сесть. Что ей теперь делать с телом Даллана? Не бросать же его здесь без погребения... Плохо соображая, что творится вокруг нее, Лейн поднялась на ноги и снова попыталась отыскать Кельхандара, но того уже не было на скале. Бросив взгляд вниз, она увидела в багровой тьме, слабо подсвеченной мерцанием образовавшегося озера кйти, карабкающихся вверх по тропе людей. Бой перенесся на чистые от варварской субстанции склоны гор.

Поцеловав Даллана в лоб, она по обычаю своей родины накрыла его лицо платком и на четвереньках поползла вверх по тропе. Еехватило всего на несколько шагов — кто-то, возникший рядом, отшвырнул ее ногой и, не удержав равновесие, она сорвалась с узкой тропки и покатила вниз по склону. Попытавшись зацепиться за скальные выступы, она неловко ударила всем телом обо что-то острое и почувствовала, что летит. Потом был удар и блаженная, долгожданная тишина.

30. Долина кйти

(Сезон Холода. Риаллар, Джар Илломайн..)

Изломанную фигуру на скале Тэйн заметил издалека, еще когда только подъезжал к долине. Вернее, ее заметила Данира и обратила его внимание. Ройг торопился: на горных дорогах встречались большие отряды хильдов,двигающиеся от Эргалона к Илломайну. Они свернули с проезжих дорог на потаенные тропки, но и там Тэйну чудились голоса хильдов, долетавшие с неожиданных сторон. На верхней тропе к долине, где располагались Ворота на Алуре, обнаружили недавние следы военного отряда, что немало насторожило их обоих и заставило поторопиться. В некоторых местах приходилось спешиваться и вести арритов в поводу.

Заветная мечта Даниры увидеть Наземный мир обратилась жестокой насмешкой — Теллар лежал в руинах, сожженный зноем, измученный междоусобицами, обозленный и обезлюдевший. Путешествие превратилось для нее в настоящую пытку — она не умела ездить верхом, но после двух дней кое-как приспособилась держаться в седле и поладила со своим арритом. Жара действовала на нее отупляюще: до сих пор она не знала, что такое резкие перепады температуры, не представляла, каким иссушающим может быть жаркий ветер в лицо, каким колючим он становится ночью, когда жара стремительно превращается в холод. Для нее были в новинку сильные запахи, зачастую оглушающе неприятные, пыль, забивающая нос и глаза, а главное — бессилие при обращении к такой родной и привычной магии Кэлленара, приходящей в мире Теллара лишь на несколько мгновений, и то — ценою больших усилий. Но, несмотря ни на что, она терпеливо сносила все тяготы пути и была счастлива, о чем не уставала повторять Ройгу, словно заклинание.

Когда землю сотрясли первые толчки, они подумали, что Ривард ошибся со сроками Пришествия. По агавлларскому счету у них было в запасе еще три дня. Потом Данира, прислушавшись к беспокойной тишине гор, заявила, что слышит крики и звон оружия. Тэйн не слышал ничего: наоборот, ему казалось, что в воздухе разлита напряженная, удушающая, неестественная тишина...

Выйдя к распадку, где находились лагерь и Ворота на Алуре, он усомнился в реальности происходящего. Кйти тоненькими огненными ручейками заливала долину, на уцелевших островках суши без разбору убивали друг друга люди и лайды. Фигура Кельхандара была отчетливо видна издалека, движения его рук, тела, головы показались Ройгу настолько неестественными, что он заподозрил друга в безумии. Данира зацепила поводья аррита за камень и требовательно повернулась к Ройгу:

— Он же сошел с ума! Надо его как-то остановить!

Тэйн сунул ей поводья аррита и принялся карабкаться вверх по склону, туда, где находился Харриаберт. С ним явно творилось что-то неладное: взмахи рук сделались бессистемными и истеричными, он несколько раз падал на колени и с трудом поднимался на ноги. С каждой минутой кйти в долине становилось все больше, а островков суши — все меньше, она уже почти окружила Ворота. Тэйн очень хорошо понимал, чем это может грозить. В какой-то момент, бросив взгляд вниз, он на мгновение увидел Даллана, тоже карабкающегося вверх, и с тревогой подумал, что ему не одолеть этот рискованно опасный подъем. Ройгу оставалось совсем немного, когда, при очередном взгляде вниз, он увидел, как падает с уступа пронзенное стрелами тело наставника. Ему захотелось броситься вниз,

перехватить, попытаться что-то сделать, но холодная частица разума подсказала, что его вмешательство уже ничего не изменит. А вот Кельх...

Он сбил Харриаберта с ног, когда вскарабкался на маленькое, удивительно ровное плато над долиной. Где-то рядом виднелась изящная каменная арка, украшенная хорошо знакомыми узорами — еще один неизвестный вход в Обитель Колодца. Кельхандар бросился на него с рычанием дикого зверя, и они покатались по плато в рукопашной драке без правил. Кельх явно был не в себе. Он остановился, когда Ройг прижал его к земле на самом краю плато и яростно встряхнул, всем телом ударив о камень:

— Посмотри, что ты наделал!

И в этот момент оба они увидели, как неожиданно исчезло голубое сияние, освещавшее распадок. Сдавленный вопль боли и ужаса прокатился по долине. Тэйн, осознав, что именно это означает, отпустил Кельхандара и тот, поднявшись, ошарашено уставился вниз. В багрово-красном сумраке светились теперь только озеро кйти, полностью залившее долину. Уцелевшие люди и лайды карабкались на склоны, переместив туда попытки уничтожить друг друга.

— Я хотел ее остановить, — пробормотал Кельхандар жалко. — Я собирался только припугнуть обе стороны... Расколоть долину с помощью всего одного ручейка, и спустить свои отряды, чтобы они вмешались и остановили бойню... Но все как с цепи сорвались... Я пытался остановить движение кйти, чтобы она больше не росла, но... она меня больше не слушается!!! — закричал он.

— Она питается тем же Огнем жизни, что и Кэлленар, — устало бросил Тэйн, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. Данира стояла внизу, держа арритов, потрясенно глядя на светящееся озеро. — И плотью тех, кто в нее упал. Раненых, убитых. Конечно, она будет расти независимо от твоей воли.

— Ты... тогда, в Эргалоне, ты смог ее остановить, — выкрикнул Харриаберт, хватая Ройга за плечи и тряся. — Ты... и сейчас можешь?

— Наверно, — равнодушно сказал ТЭйн.

— Останови ее!

— Зачем? Она остановится сама, когда некого будет есть.

— Мы откроем новые Ворота на Алуре, — растерянно ответил Кельхандар, потрясенный равнодушным ответом друга. Отпустив его, он отступил назад и отвернулся.

— Для кого? — спросил Тэйн шепотом. — Там, внизу, мало кто выживет. Уцелевшие переждут Пришествие в Обители Колодца. А если не будет Ворот, не будет и повода напасть на нас снова. Может, нас хотя бы теперь оставят в покое...

И он стал спускаться вниз, к неподвижному, изломанному телу Даллана. Лайд, карабкавшийся снизу вверх, чуть не сбил его с ног, но Ройг удержался и удержал за полу плаща обезумевшее во всеобщей резне существо.

— Отзови их, — крикнул он Харриаберту. — Пусть хоть они... спасутся.

31. Усыпальница

(Сезон Холода. Риаллар, Джар Илломайн.)

Погребальный костер развели на узкой кромке плато перед входом в Обитель Колодца. В распадке, на месте лагеря, образовалось большое озеро кйти, которая, насытившись, остановила свой рост. Оставшиеся в живых — тринадцать риалларцев, шестеро хильдов, четверо людей Лахлайда — укрылись в Обители: им было уже все равно, на чьей стороне они были до бойни. Джерхейн, к счастью, уцелел, хотя и его зацепил хильдайрский меч. Ард-элларцев не обнаружили: то ли они успели прошмыгнуть в Ворота во время всеобщей паники, то ли все погибли. Лейт чудом уцелела: Тэйн нашел ее, едва очнувшуюся, неподалеку от тела Даллана, и сразу же вытащил наверх, в пещеры.

Лайдов выжило гораздо больше, благодаря вовремя отданному приказу отступить. Сейчас, когда связь с Алуре была прервана, опять встал вопрос о снабжении уцелевших продовольствием; воды в Обители Колодца, к счастью, пока хватало на всех. Кое-какие запасы провизии в подгорном лагере еще оставались. Они позволяли продержаться в режиме жесткой экономии дней десять, но не больше. Люди надеялись, что после Пришествия все вернется на круги своя, но Джерхейн и Ройг, прикинув реальное положение дел, сильно сомневались, что в разрушенной, иссушенной стране что-то быстро изменится к лучшему в короткие сроки. Тэйн был готов снова создать Ворота на Алуре, но только после того, как хаос Пришествия утихнет. Кельхандар, второй создатель Ворот, молчал, угрюмо кивая. К счастью, лайды слушались и почитали Кианейт не меньше, чем его самого. Именно благодаря ей лайды поделились с людьми накопленными ими самими запасами продовольствия, и показали людям несколько неизвестных ранее чертогов Тонхайра, удобных для жилья, и безопасных путей во внешний мир.

У Кианейт неплохо получалось находить общий язык и с лайдами, и с людьми. Джерхейн нехотя признал, что теперь, когда они не связаны ничем, кроме общей беды, они прекрасно ладят на деловой почве. Сын Кельхандара и Кианейт, названный Келлиахаром в честь какого-то героического предка хильдской княжеской династии, крепкий и здоровый мальш, засыпал на руках своей няньки-лайды гораздо быстрее, чем на руках родной матери.

Когда ритуал был окончен, Тэйн собрал пепел в урну, заявив, что собирается положить прах учителя в Усыпальницу, находящуюся в срединной части Джар Ил. Там частичка Даллана обретет бессмертие вместе с древними тумбами. Тонхайр переживет еще множество Пришествий, и Даллан — вместе с ним. Потомки будут гадать, глядя на светящиеся в темноте надписи, об их истинном назначении, и вряд ли кому придет в голову простая мысль, что это всего лишь кладбище... Просто кладбище тех, чьи родственники, друзья, последователи и ученики хотели сохранить частичку памяти о них в веках.

Урна с прахом уместилась на самом краю второго кольца тумб — там словно бы умышленно было оставлено место для еще одного камня-надгробия. Его сделал один из выживших ремесленников Эргалона — простой камень с отрогов Илломайна, аккуратно обточенный, с выбитым внизу именем и годами жизни, с узким стаканом для праха внутри. Ройг закрепил его в небольшом углублении, равноудаленном от остальных тумб, и камень словно врос в пол, идеально войдя в нишу, словно именно это место ждало его в течение многих веков. Завершив дело, Тэйн отошел назад, глядя на пылающие огнем объемные знаки внутри третьего кольца, издававшие тонкую и печальную мелодию. Если вслушиваться, если

внимать этим едва слышимым переливам печальной и вместе с тем светлой темы, казалось, что они рассказывают ему какую-то сложную печальную историю — словно чью-то жизнь, длинную, полную перипетий, пришедшую к величественному и справедливому финалу, но в то же время незаконченную. Перед его внутренним взором появился человек — или телл? Кто-то, похожий на телла, но с узнаваемыми человеческими чертами, брел по такому яркому, полному жизни, но в то же время безлюдному миру. Где-то там, позади, остались только что созданные Ворота, впереди лежал новый мир, невинный, неискушенный, такой чистый и прекрасный. Человек — или телл? — обернулся, улыбаясь, глядя на величественные горные вершины, на нетронутые, еще не обжитые долины, зеленые, цветущие, столь прекрасные в своей первозданной чистоте... Камень, плоский грубый камень, светлеющий от его слов, повиновался одному только его искреннему, неистовому желанию.

И город, встающий на этом самом месте. Прекрасный, наполненный жизнью и магией, принесенной желанием Творца и прижившейся здесь, словно родная... И он сам, человек — или уже телл? — нет, все-таки человек — поднимающийся обратно в горы, туда, откуда он пришел, туда, к самым первым своим Воротам в этот мир — далеко не первым на самом деле, но здесь — здесь... есть всего один путь извне, туда, дальше, меняя один за другим великие Потоки, бродя по мирам, задерживаясь в них надолго, чтобы потом снова, снова продолжить путь...

Ворот не было. Там, в глубине гор, в странных, источенных древними тварями подгорных пещерах, не было ничего, кроме тьмы, и тварей, и отчаяния.

Вздвогнув, Тэйн вырвался из водоворота видений, навеянных Усыпальницей. Очнувшись, он ощутил отчетливое подрагивание пола под ногами и вибрацию стен. Мелодия, издаваемая камнями Усыпальницы, стала нарастающе тревожной.

— Тэйн! — обернувшись, он увидел Даниру, испуганно-встревоженную, в проходе между залами. — Джерхейн просит тебя прийти. Кажется, оно началось.

— Что? — не понял он.

— Пришествие!

— Вы уверены, что это оно?

— Да... Кельхандар ушел с плато над распадком, говорит — небо и земля исчезли, смешались, горы дрожат... С неба упал ураган, он принес с собой снег и огонь одновременно... И земля дрожит... Там, снаружи, дышать нечем!

— Ну так пусть не сидят снаружи, — раздраженно буркнул Тэйн. — В пещерах достаточно места.

— Так ты идешь? — спросила она осторожно, видя его странное, безумно-отстраненное состояние. — Что мне передать Джерхейну? И Кельхандару?

— Что хочешь, — ответил он, неистово желая вернуться в круг Усыпальницы. — Впрочем, я приду. Попозже.

Он даже не заметил, как она ушла. Пройдя в круг, в самый центр Усыпальницы, туда, где яркими объемными фигурами висела надпись на шиаллахе, он неожиданно понял, о чем именно она говорит. Медленно и четко, словно по тексту книги, он повторил ее с точностью до малейшего завитка. На самом последнем знаке и звуке тумбы задвигались — отъехали назад, оставляя в центре ровный круг, который неожиданно вздыбился полусферой плит, открывая нечто вроде хрустального саркофага. Там, под переплетением радужных арок, он увидел тело человека — или телла? Нет, все-таки человека... почти как живое, словно бы

уснувшее. Человека, который по каким-то странным причинам не смог покинуть этот мир и уйти дальше по Кольцу миров, реализуя свое предназначение. Который, создав одно из самых прекрасных своих творений, почему-то перестал быть Творцом, навеки оставшись в этом не родном, но таком близком, прекрасном и понятном мире...

Со страхом и благоговением Тэйн приблизился к нему. Тело не распалось — оно казалось живым, как будто уснуло глубоким, близким к смерти сном. Внезапно он понял, что тело Кэлленара-Творца действительно мертво, но дух каким-то образом жив. Но как? Почему? Тэйн чувствовал частичку сознания в воздухе, окружавшем Усыпальницу, и само осознание присутствия повергло его сначала в трепет, потом — в хаос неверия.

«Знаешь, я хотел бессмертия, — неожиданно услышал он шелест, похожий на отдаленный шепот. — Они не хотят. Старые Творцы, те, чей огонь давно горит в храме. А я — хотел. Мне хотелось... Мне хотелось, чтобы люди — и не только — знали обо мне. Чтобы помнили мое имя. У меня тогда еще было имя... У них — уже нет. Все они безымянные. А я не хотел...»

«У Арбонна есть имя, — возразил Тэйн, вспомнив старого мастера. И тут же усомнился в своих словах. Кто на самом деле помнит его имя? Никто. Он ведь просто представился ему и Риварду для удобства общения. Он ведь так и сказал «Можете называть меня...» Даже в воспоминаниях Ройга, навеянных Книгами, на самом деле он был безымянным.

«Они смирились с безликостью, — продолжило эхо. — Они смотрели на вещи — на весь мир, на смысл своего существования совсем по-другому. Я же хотел величия. Я хотел, чтобы меня узнавали, помнили, чтобы повторяли мое имя. Они — Творцы — давно потеряли свои имена. Мое, к несчастью, осталось. Я понял это только спустя века, лежа здесь в неподвижности и забвении. Имя привязало меня к этому миру, извратив саму идею бессмертного Творца. Я перестал им быть. Я не могу умереть, я не могу жить, я не могу вернуться, я не могу идти дальше...

«Я... чем тебе помочь?» — спросил Тэйн, потрясенный до глубины души ужасом положения этой бессмертной тени.

«Творец и корысть — вещи несовместные, — донесся до него глухой шепот. — Никогда нельзя жалеть, когда отдаешь. Нельзя ждать благодарности или награды. Ошибка... Моя ошибка. Творец не может быть тщеславен по определению, иначе он не Творец — он обычный смертный. Творец отдает душу, всю до последней капли и черпает ее снова и снова в окружающем мире и в его людях. В красоте мира, в осеннем листе, падающем на землю, в каплях дождя, в улыбке любимой, в громе небесном, в печальных глазах старика, в беспричинной детской радости. Я слеп и глуп... Я жаждал признания, я давал имена вещам, которые должны оставаться безымянными... Я любил возвращаться в те миры, где творил, чтобы увидеть свое величие и память обо мне. Я ждал благодарности за то, что создал, но слышал только проклятия. Величие и гибель, замкнутые в кольцо, словно само мироздание, преследовали меня. Прости меня..."

За что? — оторопело спросил Тэйн, глядя, как ярко вспыхивает пульсацией контур тела под хрустальным саркофагом.

«Никто не знает обо мне, и все каждый день повторяют мое имя. Я бессмертен — и мертв. Я понял свою ошибку, — он услышал смешок. — За столько лет. Творца судят по делам его. Не по имени. О настоящем Творце вообще... не помнят. То, что он сделал, не имеет словесного выражения. Это как воздух, как огонь, как сама жизнь... Прости меня от лица всех вас. И сотри, уничтожь мое имя."»

Плохо понимая суть происходящего, но испытывая величайшую растерянность и жалость к существу, удерживаемому здесь множество веков, Ройг нарисовал и бросил в саркофаг простейший знак Небесного огня. Сотворить его оказалось невероятно трудно... Там, где-то за каменными стенами пещер, бунтуют и беснуются стихии. Жалкая искра, рожденная гигантскими усилиями, вспыхнула, упала и исчезла в свечении радужных арок, и тело на воздушном ложе, казавшееся невесомым, словно сделанным из тонких нитей паутины, вспыхнуло и сгорело, как сухая щепка. Свечение стремительно потухло, саркофаг растаял, оставив после себя жалкую горстку пепла в самом центре Усыпальницы, прямо на голых камнях, словно и не было никакого саркофага бессмертным обитателем.

Просто горсть пепла. И не более...

Тэйн, постояв в растерянности, приблизился к нему, собрал прах в ладонь и, не зная, что делать, вынул камень Даллана, смешал прах Творца Кэлленара с его прахом. Потом, повинувшись странному душевному порыву, вытащил из кармана все камни-защитники, кроме камня-талисмана, оставшегося у Лейт, и бросил их в ту же самую урну. И поместил могильный камень на место.

Вот и все. Свечение Усыпальницы исчезло, знаки ши-ала потухли, унеся с собой все загадочное волшебство этого места. Теперь это был один из множества залов Тонхайра. Даже хэльдов здесь не было. Никаких. Даже самых простейших.

Неожиданно его разобрала злость. Неужели все так глупо и просто? Гордыня Творца, не позволившая ему должным образом завершить собственное творение? Уродливое посмертие, извратившее идею истинного бессмертия? Эх, шарахнуть бы чем-нибудь по этому гнусному месту, чтобы следа от него не осталось... Чтобы навсегда стереть из памяти этого мира гордыню его самого первого творца, избавить от ошибок, и найти, наконец, тот единственный путь — выход — для всех...

А потом, словно повинувшись чему-то извне, чему-то, идущему из души, он понял, что и как именно он должен сделать.

...И он принялся за работу, не зная, в какую форму выльется его творение потом, после, но вкладывая в то новое, что рождалось под его рукой, всю свою душу, свою любовь, ненависть, страсть и блаженный покой, и в особенности — свою мечту о будущем, мирном и свободном, со множеством дорог и возможностей, и главное — с возможностью счастья для каждого, кто решится пройти своим путем. Призывая на помощь все силы вселенной, он что-то выкрикивал — то ли отдельные слова, то ли целые заветы, то ли настоящие сложные конструкции из гармоний, символов и стихий — на самом деле он и сам не понимал, что делает; и в какой-то момент он неожиданно осознал, что там, вон, за его спиной, за надежными каменными стенами вокруг него что-то неумолимо и безвозвратно переменилось. Музыка Поток, прекрасная, всесильная, разрушительная для одного маленького и слабого человеческого тела, звучала в нем с нарастающей мощью и совершенной, невыносимой гармонией, и он запретил себе отвлекаться, продолжая работу, повинувшись не разуму и не памяти, а какому-то постороннему чувству, побуждавшему его воспроизводить те самые, забытые мирозданием, неясные, а по сути — никогда и никем не понятые слова. Слова, порождения странных, на грани безумия образов, которые теперь, повинувшись некоей силе, льющейся прямо из сердца, становились реальностью...

Многоцветная и неожиданная вспышка перед глазами, а может быть, и в глубине сознания, ослепила его. Камни падали сверху, он плохо понимал, что происходит, содрогания свода, стен, пола, из слабых стали резкими и ритмичными, и он, неожиданно

осознав, что свод Усыпальницы рушится прямо над ним, то ли от его неосторожных и безрассудных действий, то ли в результате Пришествия, вошедшего в этот момент в полную силу, — он рванулся наружу, за пределы круга тумб, но не успел, сбитый с ног очередным камнем, придавленный остальными, даже не успевший по-настоящему отделить сон от реальности...

Он очнулся в той же самой каморке в Обители Колодца, где жил когда-то еще до создания лагеря у Ворот. Тут до сих пор лежали его вещи, книги, оружие. Рядом, на низенькой табуретке около стены, закутавшись в лайдский плащ, сидела Данира, с каким-то рукоделием в руках. Зрелище было до того необычное, что он решил, что еще не проснулся, но, заметив его удивленный взгляд, она отложила в сторону одежду, которую зашивала, поднялась и присела на край ложа рядом с ним. Глаза у нее были усталые, но спокойные, словно она не слишком волновалась за его самочувствие.

— Как ты? — улыбнулась она, глядя, как его рассеянный взгляд блуждает по потолку и стенам.

— Не очень.

Голова и ребра болели: видно, тот камнепад ему не привиделся, и камешками его приложило основательно. Он осторожно сел, обнаружил, что двигаться не так больно, как он боялся, и, спустив ноги, уперся требовательным взглядом в Даниру.

— Что со мной было?

— Часть пещер вокруг Усыпальницы неожиданно начала рушиться. Случился обвал.

— Я бы сказал, что это сама Усыпальница начала рушиться, — перебил ее Тэйн.

— Тебе виднее, — кивнула она. — Потом все неожиданно прекратилось. Тебя оглушило, но не завалило. К счастью. Там, где были тумбы, теперь куча камней и провал в соседнюю пещеру.

— Жаль, — вздохнул он. — Я хотел, чтобы к могиле Даллана можно было бы приходиться... — тут он вспомнил о Кэлленаре-Творце, но рассказывать Данире пока не стал. Потом. Успеется еще. — А что снаружи?

— Ничего.

— То есть?

— Понимаешь, примерно тогда же, когда обрушилась Усыпальница, хаос снаружи резко пошел на убыль и постепенно исчез совсем. Сейчас там... Я даже не знаю, как это описать. Может быть, ты сам посмотришь? Только возьми куртку потеплее.

Отыскав куртку, он, встревожено оглянувшись на Даниру, побрел по направлению к выходу из пещер.

Там, на плато над долиной, была ночь. Тэйн обнаружил Кельхандара, стоявшего на самом краю с неподвижностью статуи. Озера кйти не было. Распадок был девственно чист, там не осталось ни следов лагеря, ни следов сражения, даже окрестные валуны были сглажены, словно на морском берегу. Темноту ночи рассеивал свет Алуре, ночного солнца Теллара, и Небесного Острова Агваллар, привычно сиреневого с серебристыми разводами. В чистом морозном воздухе кружились большие, искристые снежинки, медленно падали вниз и застилали землю ровным пушистым слоем снега. Тэйн неожиданно вспомнил, что по обычному календарю сейчас где-то начало сезона Холода. Воздух был чист и вкусен, дышалось легко, словно не было никакого Пришествия, не пылало жаром небо, не горела земля, не дули адские раскаленные ветра.

— Так оно было или нет? — спросил он раздраженно, ни к кому не обращаясь.

— Не знаю, — откликнулся Кельхандар, пятясь от края. — Но то, что оно началось — я уверен. Сам видел, своими глазами. Кажется, оно закончилось, едва начавшись. А может быть оно такое и есть... В общем, что бы ни случилось, нам повезло.

Тэйн долго молчал, переживая догадку, которая возникла сразу же, как только Данира связала камнепад в Усыпальнице и прекращение хаоса. Потом все-таки отважился пересказать им все, что произошло с ним, когда он хоронил прах Даллана.

— Кэлленар-Творец... — задумчиво проговорила Данира. — Арбонн рассказывал мне о нем, но я не придала значения, если честно. Получается, он был жив?

Тэйн пожал плечами.

— Теперь-то он точно мертв. Неужели все было из-за него? — спросил Кельхандар. — И Пришествие? Нет, я ничего не понимаю, — решительно заявил он. — Пришествие прекратилось, едва начавшись, как только рухнула Усыпальница. Мы с Киа так и решили, но... — его взгляд требовательно уставился на Тэйна. — Что именно ты сделал с ним и с ней?

Ройг долго молчал, глядя на заснеженную долину.

— Если бы я понимал, что именно.

32. Эпилог. Десять лет спустя. Королева

(Сезон Холода, за день до Рождения Илбара. Риаллар, Эргалон, Риан Ал Джар)

— Потрясающая женщина. Такая маленькая, такая милая и...

— Каменная.

— Вот-вот. Точеная статуэтка. Куда там королеве Аурелии... Должен сказать, двор Тар-Наридов вообще не блещет утонченностью. А вот Холгойны всегда славились умением выбирать красавиц.

Вельг поморщился. Его спутник, крупный делец из Карры, успел надоесть ему излишней разговорчивостью и бурными восторгами. Его собственная свита застряла где-то в самом начале Зала Приемов, но Вельгу повезло — его вынесло вперед вместе с толпой гостей, прямо следом за делегацией Майра, от которой отстал этот восторженно разговорчивый купец.

Пришлось пропустить делегацию Агваллара — их было аж двенадцать, и Данира скромно затесалась в самом конце. Вельг знал, что после официального приема в честь прибытия гостей на праздник Рождения Илбара состоится заседание Конклава Сил, несмотря на то, что глава Конклава до сих пор не вернулся в Эргалон. Заседание будет кратким: алареи, алурийцы и теллариане коротко обменяются новостями и пойдут отдыхать. Риан Джерхейн Холгойн еще не прибыл в Эргалон, его ждут сегодня ночью или завтра утром. Вельга, к сожалению, на Конклав не допустят: Агваллар и Ард Эллар до сих пор не подписали мирный договор, а к школе Очага Солнца все остальные представители школы Искусства Сил относятся с плохо скрываемой враждебностью.

Вельг усмехнулся, провожая взглядом главу школы Лах с женой. Никаких серьезных вопросов на Конклаве поднимать не будут, пока не вернется его глава. Впрочем, информации и так достаточно, надо только потолкаться среди гостей во время праздничного арраса в честь Рождения. Усиленный с помощью простейших приемов слух хорошо помогает разбирать любые разговоры, не предназначенные для чужих ушей.

Харриаберт, однако, весьма популярен, подумал Вельг, наблюдая, как Кельхандар и Кианейт сердечно беседуют с членами агвалларской делегации и с эргалонцами. У него репутация человека опасного, непростого, с сумасшедшинкой. И кстати, не совсем человека... Крепость Лах, которую он выстроил на северном склоне Илломайнского хребта, говорят, постепенно обрастает ремесленными кварталами и слободками, и скоро превратится в полноценный город. Школа илларов, опять же... Учение Лах нынче не менее популярно среди молодежи, чем традиционная школа Кан. Говорят, адептов Харриаберт отбирает лично, да еще устраивает такие испытания, что мало кто доходит до конца целым и невредимым. И как Конклав не запретит ему играть... Хотя школа Шиал тоже проводит испытания среди илларов, желающих стать ее адептами. И только Кан берет всех, кто хочет научиться Искусству Сил, не выдвигая никаких особых требований, кроме прилежания и усидчивости.

Да, времена изменились, сильно изменились за прошедшие десять лет. Адептов Искусства Сил по-прежнему называли илларами, только вот учений о силах теперь стало три, а школ, где обучали их применению — и того больше. Учение Кан строилось на традиционных основах исчезнувшего вместе с Пришествием Кэлленара — на триединстве

урда, хэльдов и ка-эль на основе Огня Жизни, накапливающегося в малых колодцах — Кругах Власти. Его адепты начинали с изучения истории и основ урда, потом, как и раньше, в агвалларской школе илларов, читали Книги Сводаи учились применять урд на практике. Полный Свод теперь был в Эргалоне, в святилище Ильфейна, которое стало первой телларианской школой илларов учения Кан. Свод собирали по частям: что-то нашлось в хранилищах Зар Израна, что-то — в хранилище Ордена Феоллона. Только Арта Сач Сал Книга без названия, теперь не открывалась никому. Жрецы Агваллара предположили, что она наполняется смыслом только тогда, когда перед миром стоит угроза гибели. Пока что Арта Сач Сал молчала: потухли знаки на ее форзаце, книга не откликалась даже на призывы зрелых и опытных адептов.

Учение Лах, основателем которого стал Харриаберт, занималось исключительно созданием новых хэльдов, ка-эль и прочих артефактов, так необходимых всему миру после Пришествия, всяческими экспериментами с кйти и вообще — нетрадиционными способами применения сил.

Адепты учения Шиал набирались исключительно из илларов, уже имеющих начальную подготовку. Они изучали шиаллах и его практическое применение, и, поскольку этот язык требовал огромных затрат энергии, заодно работали над созданием новых способов накопления и концентрирования нужных объемов силы.

В храмах богов теперь служили адепты самых разных школ. Ритуалы поклонения остались прежними, и карны сохранили свои традиционные связи со святилищами, и только школа Целителей вышла из-под пяты храма Тармил, добавив к Искусству знахарское мастерство.

Народ начал расходиться, и Вельг поспешил смешаться с толпой. Ему не хотелось, чтобы королева заметила его. Конечно, ничего ему не сделают, и вон не выставят, он — официальное лицо, представитель делегации Ард Эллара, но лучше не афишировать свое присутствие. Королева его недолюбливает, хотя всячески это скрывает. Что ж, у него и так достаточно дел в Эргалоне. Надо повидать старых друзей, кое с кем связаться, да и от главы Очага Солнца у него есть несколько особенных поручений, знать о которых не должен никто, кроме его самого и его партнеров.

Приятно вернуться в Эргалон после столь длительного отсутствия и убедиться, что, несмотря на годы, здесь по-прежнемулюдно, празднично и весело. Город неплохо отстроился после Пришествия... Хотя и пострадал-то он не сильно. Пришествия-то почти что и не было, неизвестно почему. Закончилось, фактически не начавшись. Агваллар, где он пересидел эти неприятные моменты, почти не задело. Ураган повыбивал пленочные перегородки в раканах, да всколыхнул сиуровы болота в тарсе, после чего сигнальные хэльды, предупреждающие о Пришествии, благополучно потухли, а затем и вовсе разрушились, что не бывало еще ни разу за множество предыдущих Пришествий. Странно... Если и были тому объяснения, Ривард, глава Конклава жрецов, держал их при себе.

Тем не менее, он замешкался и очутился посреди зала прямо напротив ее величества. Время только прибавило ей красоты и строгости. Темные волосы уложены в сложную прическу, фигура, округлившаяся после рождения троих детей, казалась еще более женственной и зрелой. Высокая грудь, приоткрытая ровно настолько, чтобы притягивать завистливо-жаждущие взгляды, красивое платье из тонкой материи, изящные и бесценные украшения. Строгие и серьезные карие глаза, полные и нежные губы... Вернувшись в Эргалон после Пришествия, Джерхейн подтвердил расторжение брака с Кианейт и через два

сезона женился повторно, а в положенный срок у него родился первый наследник. Королеву — точнее, рианессу в Риалларе почитали едва ли не больше риана. О ее красоте, рассудительности и мудрости ходили легенды.

Низко поклонившись, он поспешил убраться с ее глаз. Незачем Холгойну и его приспешникам знать, когда и с кем он прибыл в Эргалон.

Когда все церемонии закончились, Лейт поспешно оторвалась от свиты, торопливо укрылась в личных покоях, и там в изнеможении упала в большое уютное кресло в кабинете за спальней. Еще в первый год жизни в Риан Ал Джаре ей приглянулась эта комната на самом верху северной башни, и привычка глядеть из окна на лежащий у подножья замка Эргалон доставляла ей удовольствие вот уже много лет. Она помнила, каким он был десять лет назад, когда они вернулись из Обители Колодца в опустошенный, иссушенный и замороженный город, она наблюдала, как постепенно в столицу возвращалась жизнь. Сейчас ничего уже не напоминало о прошлом. Сияла Алуре на вечернем небосводе, переливался Агваллар, пылали хэльды, освещавшие столицу в темноте, мерцали огоньки-урд-знаки, которыми нынче было модно украшать дома в праздники, в приоткрытое окно тянуло холодком, буйным весенним цветением, залетали шальные запахи с кухни. Есть ей не хотелось, но она пообещала себе, что поужинает с Данирой — у той всегда был хороший аппетит и вкус к еде и выпивке. Данира скоро освободится, и они вдоволь наговорятся...

Настроение у нее чуть-чуть улучшилось. Муж обещал вернуться к Рождению, но она все равно беспокоилась. Лейт знала от старшего иллара замка, что дружина во главе с рианом, успешно отразив очередной набег хильдов на северо-восточное побережье, уже в пути к ближайшей Двери. Знала она, что серьезно никто не пострадал, есть несколько раненых, которых уже ждут целители, чтобы поставить на ноги в самые короткие сроки.

Риан Холгойн, встревоженный новостями с севера, в этот раз самолично возглавил выезд боевой дружины, не столько, чтобы помахать мечом и развеяться, сколько оценить все своими глазами и допросить пленных на месте. Шесть лет назад война с хильдами закончилась, риан Холгойн и князь Харрадиаргон подписали хартию о столетнем перемирии. Война длилась почти два года. Хльды, рассеявшиеся по Риаллару после Пришествия, никак не проявляли себя первые два года после него. Потом на восточное и северо-восточное побережье неожиданно высадилось множество хорошо подготовленных отрядов, вооруженных последними изобретениями оставленных без контроля хильдских илларов — взрывчатым порошком, новыми видами боевого и осадного оружия. Разведка пропустила сей факт, и только предупреждение Кельхандара, поддерживавшего в Арберте кое-какие связи, спасло Джерхейна от серьезного разгрома в первые дни войны.

Хильды захватили Дарнейт, Дардан и Карред, крупный порт, лежащий на северо-востоке страны, но Джерхейн не дал им закрепиться на побережье, быстро выбив из Дардана, ценного тем, что под ним находились самые мощные Ворота в Эргалон, а затем и из Карреда, откуда в столицу вело множество Дверей. Здесь ему сильно помогли крепнувшие адепты школы Шиал. Князь, лишившийся поддержки Следящих, полагался теперь только на воинское мастерство и поддержку тех хильдов, что обосновались в Риалларе за прошедшие годы. Укрепив Дарнейт и обосновавшись в нем, хильды двинулись вглубь страны, перемещаясь в основном по центральной артерии срединного Риаллара — реке Пейре, и один за другим захватывая и укрепляя небольшие города на ее берегах. До Эргалона они так и не дошли. Ройг, научившийся создавать Двери и Ворота в любые концы Теллара, открывал

для риалларских дружин пути прямо в лагерь врага, и постепенно с хильдами на риалларских равнинах было покончено. Точно так же вернули и Дарнейт, но восточное побережье и долина реки Пейре жестоко пострадали от развернувшихся на ее землях сражений.

А через год после победы над хильдами опомнился давний враг Риаллара — Ахтан. Здесь Холгойну пришлось гораздо тяжелее, поскольку опыт, приобретенный в войнах с хорошо вооруженными, но пешими, передвигающимися по воде хильдами, в приахтанских степях никуда не годился. Джерхейн предпочел отдать поначалу часть спорных территорий, позволив сильной, но немногочисленной коннице шаха рассеяться по захваченным землям и осесть в многочисленных плодородных долинах юга. Выждав чуть больше года, он стремительной атакой через все Двери и Ворота восстановил границы и безжалостно вырезал небольшой ахтанский гарнизон. Мирному населению, переселившемуся из Ахтана на захваченные ранее риалларские земли, было все равно, кому платить налоги, лишь бы их не притесняли.

Джерхейн пошел дальше: не дав шаху опомниться, он, во главе дружины с адептами школы Шиала, появился в Ахтамаре, прямо во дворце шаха, через специально созданные для этих целей Двери. Дружина захватила дворец, не пролив при этом ни капли крови и взяв в заложники двух малолетних сыновей шаха. Шах подписал мирный договор, отказавшись от захваченных территорий, а его дети на пятнадцать лет отправились воспитываться в Эргалон.

Когда-то Лейт была возмущена этим политическим шагом до глубины души, и даже какое-то время не разговаривала с Ройгом, автором жестокой идеи, но потом убедилась, что это было не самым плохим решением: дети шаха росли, воспитывались и получали образование в Риан Ал Джаре, среди эргалонской знати и вместе с сыновьями Холгойна, окруженные заботой и симпатией; меньше всего, вернувшись домой, они будут видеть в Риалларе врага. У шаха же после поражения в войне рождались почему-то исключительно девочки.

А теперь и хильды оправались от поражения и изменили тактику, учиняя краткие набеги на побережье на своих драккарах. Этот был уже не первый за год. Ситуация снова становилась тревожной...

Данира, сопровождаемая двумя слугами, сама принесла ей ужин.

— Конклав Сил уже закончился, — сказала она, выгоняя слуг и сама разливая сахди и накладывая кушанья. — Так, обменялись новостями, и разошлись. Кстати, почему я не вижу Итту?

— Она с братом, — вздохнула Лейт. — Сама знаешь, адептка она очень сильная, шиаллах дается ей играючи. Это уже не первый ее боевой поход. Я давно махнула рукой, — видя, как неодобрительно Данира качает головой, сказала она. — В конце концов, если ей это нравится... Пусть.

Данира пожала плечами

— Надо было в детстве оставить ее на Алуре.

— Джер не захотел. Она часто болела, он все время переживал из-за нее, баловал... Когда подростком она тайком сунулась к первой книге Свода, было уже поздно отступить: инициировавшись, у нее оставался один путь. Ну, да что я тебе говорю, сама знаешь.

Данира кивнула и подняла бокал.

— Ждешь? Открыть для тебя Окно?

Лейт отрицательно покачала головой.

— Не надо. Я никогда этого не делала, не буду и сейчас, иначе это будет похоже на слезку. Он скоро будет здесь, я это чувствую. Все в порядке.

Они выпили холодного, искрящегося напитка, и не торопясь, перекусили.

Замужество ничуть не изменило Даниру: живая, насмешливая, прямолинейная, она живо интересовалась делами Наземного мира, часто от имени Зар Израна посещала Эргалон представляя интересы Острова на Телларе. Лейт знала, что у нее есть дочь, воспитание которой брошено на плечи отца, и о которой Данира очень редко упоминала. Серебряная, сияющая ее красота со временем немного поблекла, уступив место типичной аларейской бледности и худощавости. Рождение ребенка не добавило ей округлостей, наоборот — то ли от слишком насыщенного образа жизни, то ли из-за особенностей агвалларского климата, она еще больше похудела. С Кианейт они соревновались дороговизной и изысканностью нарядов и язвительными замечаниями. Время от времени Лейт приходилось выступать в качестве миротворца в мелких женских войнах, то и дело вспыхивавших между ними. К счастью, они редко пересекались.

Я бы не смогла так легко оставить детей нянькам, подумала она. Двое ее сыновей то и дело по очереди заглядывали в комнату, но видя, что мать занята, корчили удрученные рожицы и исчезали. Старшему было восемь, младшему — шесть. Трехлетняя дочь, подчиняясь строгому распорядку дворцовой детской, уже лежала в кроватке, отходя ко сну, и Лейт мучилась угрызениями совести, что сегодня малышке досталось слишком мало материнского внимания.

— В толпе гостей я видела Вельга, — задумчиво сказала Данира, когда, насытившись, они отодвинули тарелки. — Опять он растолстел, — в ее усмешке чувствовалось презрение. — Тогда, во время войны на Острове он был диво какой стройный и энергичный. Подонок, — добавила она с чувством.

Лейт недовольно покачала головой.

— Наши люди в курсе, — сказала она. — Он в ард-элларской делегации. От Очага Солнца.

— Да-да, знаю, правая рука Ориса, — отвращение в голосе островитянки усилилось. — Принят при дворе Владыки Ард Эллара, пользуется влиянием, несмотря на неудачу в Островной войне. Князя Гераниона, возглавлявшего войска, казнили за неудачную военную кампанию, а Вельг как-то выкрутился, да еще и положение укрепил.

— Выставить его нет повода, — продолжала Лейт. — Но за ним следят, и очень внимательно. Линара здесь не появляется — знает, что Джерхейн до сих пор не снял награду за ее голову.

Данира медленно кивнула.

Линара и Ригойн успели спастись, удрав на Агваллар, как только узнали о приближении хильдов к долине. Вельг, чудом уцелевший в Эргалоне, тоже сбежал туда незадолго до Пришествия. Там, в первом слое тарса, в большом, хорошо обустроенном телларианском поселении добытчиков сура они и встретились. Понимание нашлось быстро — все трое сильно не любили Ройга, а вслед за ним — Даллана и династию Холгойнов. Во время Пришествия порыв ураганного ветра сорвал переправы, да взбаламутил сиуровы болота, отчего дышать первые несколько дней после него было не слишком приятно из-за специфической вони, однако жизнь там очень быстро вернулась в обычное русло.

Побродив по раканам и понаблюдав за жизнью островитян, они с Линарой вернулись в

Очаг Солнца. Орис и Ригойн, быстро сообразившие, насколько беззащитны и беспечны жители раканов, и что именно сейчас у них есть шанс открыто заявить о своей школе, утвердить ее положение и по возможности сделать ее единственной на много лет вперед, выложили перед Верховным Владыкой готовый план военной кампании против ослабленного внутренними распрями и Пришествием Агваллара. Разведка местности не составила труда: Небесные столбы никто не охранял, наблюдение через еще не до конца восстановившиеся хэльды пока не велось. Хорошо обученное, закаленное в пограничных стычках войско Владыки повторило тактику, описанную в записях, сохранившихся в Очаге Солнца после прочтений Арта Сач Сал: отряды прошли одновременно через все имевшиеся в Ард Элларе Небесные столбы, и, проникнув в санар тем же путем, что и когда-то Тэйн Ройг, напали сразу на несколько густо населенных раканов. Жители раканов и Зар Алы, совершенно беспомощные перед сильными и наглыми телларианами, долго, с переменным успехом вели позиционную войну.

Перелом в войне произошел благодаря вмешательству Риаллара: Ривард обратился за помощью к Ройгу. Тэйн, которому Холгойн дал две дружины, предложил Харриаберту и отряду людей Лахлайда принять участие. Они быстро выбили ард элларцев из Зар Алы, а затем постепенно вытеснили их из раканов. Война длилась три сезона и изрядно истощила Остров. Несколько лет после войны на Агвалларе было очень неблагоприятно: ард элларцы пронюхали, что если перерубить стебель ракана, пузырь сиуры чах, сох и постепенно увядал. В ракане пропадала вода, жители задыхались от нехватки воздуха, сиура темнела и засыхала. Ард элларцы погубили немало раканов, нарушив тем самым необычную экологию Агваллара. Конечно, со временем ученые Острова нашли способ сращивать перерубленные волокна, некоторые раканы удалось спасти, но это не решило проблему в целом: очень много алареев после войны остались не только без крова, но и без тверди под ногами.

— Как дела у твоего мужа? — поинтересовалась Лейт с искренним любопытством. — И почему он не с тобой?

Данира вздохнула.

— В последнее время мы так часто ссоримся... Мне иногда кажется, что он никогда меня не поймет. Наверно, я вообще не создана для брака, — она снова вздохнула, запив огорчение бокалом сахди. — Я тебе так завидую, Лейт! Как ты умудряешься жить в ладу со своим?

Лейт улыбнулась.

— Мы тоже часто спорим, и очень даже энергично. Но не ссоримся... Получается как-то, я сама не знаю. Так почему Арен не с тобой?

— Остался дома с родителями и дочерью, — ответила Данира с обидой. — Он, видите ли, им обещал...

Лейт подумала, что и ей тоже надо было остаться, но Данира, как всегда, выбрала то, чего больше хотелось ей самой, а не ее семье.

— А где Тэйн? Странно, что его не было на Конклаве Сил. Глава Конклава не явился на Конклав, — усмехнулась она. — Он же всегда такой принципиальный... Ничего не хочет выпустить из-под контроля.

— Скорее всего, на Алуре, — ответила Лейт, про себя отмечая ревнивые нотки в голосе Даниры. — Он должен был открыть новые Ворота из Майра, и были еще у него какие-то дела в Карре. Я не знаю подробностей.

— Застрял на Алуре, — фыркнула Данира. — Ему там всегда нравилось, насколько я

помню. У него там кто-нибудь есть? Ну, ты понимаешь, о чем я, — бросила она с деланной небрежностью.

— Не могу сказать точно, — улыбнулась Лейт. — Кто-то был, но я, знаешь, ли, в Окно за ним не подглядывала.

Данира, заподозрив намек на ее бытность Следящим, обиженно надула губы.

— Жалеешь, что расстались? — задала Лейт вопрос, который давно уже терзал ее любопытство.

Та откинулась на спинку кресла и долго молчала, задумчиво разглядывая пузырьки в бокале.

— Не знаю. Наверно... Он был все время занят, — с горечью воскликнула она. — Все время где-то далеко. Я ждала его с хильдской войны, затем — с ахтанской, он появлялся и исчезал, озабоченный всеми проблемами мира, кроме проблем нашего с ним маленького мирка. Были моменты, когда я думала, что он погиб. Когда же он наконец появлялся, то не мог понять, почему я так злюсь, обижаюсь, переживаю за него. Чего я так страшусь... почему я так хочу, чтобы он был рядом, а не где-то там, на шхуне в Северном море, в очередном горном форте, в ахтанских степях. Или на этом дьяволовом Алуре! Искусство Сил, война, политика, ползание по лесам и болотам этого куска небесной грязи оказались для него важнее, чем моя любовь! — обиженно закончила она.

Лейт вздохнула и промолчала. Ей было жаль Даниру. Мужчина не может отдавать женщине всего себя, подумала она, это главная женская ошибка. Они должны уходить, чтобы воплотить себя в деяниях, и счастье, что они возвращаются к нам. Ей и в голову не приходило удерживать Джерхейна, когда он, зачастую стремительно приняв решение, срывался в очередной поход, когда днями пропадал в Совете Карн, обсуждая экономические новшества, или с членами Конклава Сил, испытывая новое оружие. Но он всегда возвращался — к ней одной, и делился всем, что пережил и испытал в период разлуки. Все эти десять лет она была единственной его женой, он так и не взял вторую, у него не было наложниц в замке. Возможно, в походах кто-то и делил с ним ложе — темперамент у него был еще тот, но она об этом не знала, да и не хотела знать. Она верила в то, что она — единственная.

— Я хотела, чтобы он остался в Зар Але, — продолжала Данира с той же обидой в голосе. — После войны с Ард Элларом Риварду был очень нужен помощник из числа теллариан. Он бы стал вторым в Конклаве Жрецов Агваллара, правой рукой моего дяди. Но он отказался... Дядя до сих пор жалеет. Он каждый раз уговаривает его остаться, когда они встречаются! Но только я теперь этого не хочу! — гневно закончила она.

Зато он вернулся на Теллар и создал свой собственный Конклав Сил, подумала Лейт. Объединил и примирил все три одновременно возникшие вместо Кэлленара школы. Фактически, школу Кан он создал заново, а для школы Шиал разработал методики обучения и до сих пор лично экзаменует всех адептов. Итта — лишь одна из его учениц. Данире лучше не знать, что девушка до сих пор влюблена в своего учителя и лелеет надежду на взаимность. Зря лелеет.

— Думаю, Тэйну было очень важно остаться у себя на родине, — миролюбиво сказала Лейт Ильне Холгойн, прислушиваясь к тяжелым, резким, таким знакомым шагам где-то в самом начале коридора. — Возможно, если бы ты сама захотела остаться в Наземном мире...

— Мне здесь жарко, — раздраженно заявила Данира. — Солнце жжет. Ветер, опять же, дождь, снег. Я не привыкла к этой гадости!

— Когда-то ты хотела увидеть и испытать именно это, — напомнила ей Лейт, отмечая на грани слышимости тихий скрип двери в ее покои. Ну, еще несколько шагов...

— Мне не понравилось! — фыркнула островитянка.

Тяжелая старая дверь распахнулась. Джерхейн, огромный, лохматый — буйная рыжая шевелюра до плеч была его гордостью — ввалился в комнату, гремя ножнами, стягивая с себя тхон, обдав их резким запахом дороги, арритов, костра. Протянув руки вскочившей ему навстречу Лейт, он сгреб ее в объятия и, не обращая внимания на гостью, поцеловал долгим и жадным поцелуем.

— А, Данира, привет, — вскользь поздоровался он, отпустив жену. Упав в кресло, он окинул островитянку долгим внимательным взглядом, в котором постепенно проступило раздражение, и которое он быстро, но неохотно подавил, насколько был способен. — Ты на праздник Рождения или по делам?

— Совмещаю, — ответила та, взяв себя в руки после предшествующей гневной отповеди.

— Супруг с тобой? Или дома, деток нянчит? — ехидно осведомился его величество правитель Риаллара. Он не простил Данире расставания с Ройгом, и мужа ее недолюбливал.

— Дома, — подтвердила она и поднялась, вежливо прощаясь и собираясь уходить. Что бы ни связывало ее с Лейт, она понимала: теперь она здесь явно лишняя.

33. Эпилог. Странник

(Рождение Илбара, Алуре, Новый Эргалон)

Тэйн вспомнил о празднике Рождения Илбара, когда выбрался из своих покоев и сразу же попал в объятия девушек в цветах, которые, пользуясь своим правом вестниц Илбара, по очереди и без малейшего стеснения его целовали. Это был чисто местный обычай — здесь, на Алуре, Рождение Илбара праздновали совершенно не так, как дома.

В Королевских Палатах — так называли здесь дом правителя Нового Эргалона, места заседания Совета Карн, Совета Старейшин и Конклава Сил — всегда было шумно и многолюдно. Совсем недавно Палаты перестроили, превратив в настоящий королевский дворец, но Тэйн жалел, что жилище не осталось деревянным: в нем лучше и легче дышалось, было теплее и уютнее.

Вырвавшись из веселой суতোлки, он побрел на кухню, и, отмахиваясь от поварих, норовивших выставить его в парадную трапезную и накрыть подобающий завтрак для главы Конклава Сил, поел, с унынием глядя на царившую вокруг суету. Разыскать Ахира — правителя Нового Эргалона и наместника Холгойнов на Алуре в этой праздничной суете казалось ему задачей посложнее открытия очередных Врат.

Новый Эргалон вырос на высоком берегу реки, окруженный роскошным сосновым бором. Часть его зданий уже оделась камнем, медленно, но верно поднимались крепостные стены, строились башни и ворота, а под ними появлялись одна за другой ремесленные слободки. Тэйн провел немало времени, путешествуя по Алуре вместе с разведчиками, открывая новые пути-Ворота в разные части Теллара и Агваллара. Решение открыть Алуре для всех далось им с Джержейном мучительно трудно, однако оно было единственно верным. Пять лет различных войн — сначала с хильдами, потом — с окрепшим и опомнившимся Ахтаном, — показали, что вернуть в Риаллар мир и покой можно только одним способом: позволив всем, кто захочет, осваивать этот райский уголок. Просторов там хватало. За прошедшие десять лет разведчики обнаружили, что река Ариона, на которой стоял город, впадает в огромное пресное озеро, которое наполняли еще несколько рек. Командир разведчиков предложил Тэйну назвать озеро его именем, за что Ройг предложил утопить командира и назвать озеро в его честь. Судьбу Кэлленара-творца он запомнил на всю жизнь. В конце концов озеро назвали в честь Даллана — Далларским, а землю вокруг Нового Эргалона — Далиаром.

По договору с Майром он открыл очередные Ворота на полпути от Карры к Ард Эллару, неподалеку от Дьявольского Каньона, который несколько мгновений Пришествия превратили в обычный, ничем не примечательный овраг. Тем не менее, название осталось. На обратном пути он завернул в гости к Ивору Нар-Геллейну, который так и не вернулся в Майр, пережив Пришествие в загородном имении, и после него успешно занялся разведением арритов. Его дочь Райна, выйдя замуж за молодого талантливого архитектора, ученика школы Лах, собиралась за ним на Алуре: он готовился строить там крепость для сына королевы Нэллы, Асахара Тар-Нарида, после Пришествия взошедшего на Майрский трон. Столица будущей Майрской колонии была заложена в верховьях реки Хирра, в двадцати днях водного пути от Нового Эргалона — достаточно далеко, чтобы интересы Риаллара и Майра не пересекались в ближайшие сто лет.

Ивору затея не нравилась, он гневно возражал, не желая терять связь с единственной

дочерью. Тэйн зазвал его с собой в Новый Эргалон, после чего Ивор не только дал свое согласие, но и выразил желание основать там хозяйство по разведению арритов. Ездовые животные на Алуре были нужны больше, чем на Телларе.

Ройг договорился с Кельхандаром, что как только майрское поселение разрастется, Харриаберт создаст между городами хотя бы одну Дверь. Хильду, ныне — мастеру хэльдов, создателю собственного направления в Искусстве Сил, удавалось открывать Двери даже на Алуре, где не было ни Колодцев, ни Кругов. Он делал это на собственном Огне Жизни с помощью энергетических кристаллов, на выращивании которых специализировались лайды. Исходным материалом служила кйти. Кельхандар и его последователи научились заключать ее в оболочку, которая потом превращала порцию кйти в компактный и емкий сгусток пригодной для применения в Искусстве энергии — «звездочку». Правда, использовать Искусство в мире Алуре получалось пока только у них двоих — у Ройга и у Харриаберта.

Тэйн неоднократно бывал у Кельхандара в крепости Лах, но ему там не нравилось. Лайды, приверженцы строго функциональных построек, и люди, одержимые только одним — исследованиями, создали нечто очень простое, унылое, полуподземное. Ройгу крепость Лах напоминала помесь тюрьмы с пещерой. Но тамошних обитателей она устраивала, и Тэйн, хоть и продолжал посмеиваться над архитектурным провалом Кельхандара, в душе давно махнул на него рукой: пусть живет, как хочет. Гениальность хильда и раньше балансировала на грани безумия, и только разумное влияние Кианейт удерживало его от совсем уж странных выходов, которые он изредка устраивал, заставляя Джерхейна хвататься за меч и бросать по ту сторону Илломайнского хребта отборные боевые дружины. Он выращивал полуразумных тварей, имея целью создать универсальных бойцов, которые потом разбегались и нападали на местное население; пока он научился выращивать «звездочки», на воздух взлетело немало экспериментальных лабораторий, вызывая обвалы в горах. Прочие его эксперименты тоже зачастую приводили к неожиданным и опасным результатам. Холгойн ворчал при упоминании об опасном соседе, по-прежнему называя Харриаберта не иначе как белоглазым дьяволом.

Был путь на Алуре и с Агваллара. Именно таким образом Ривард, Джерхейн и Ройг свое время решили проблему людей, оставшихся без крова в результате гибели раканов.

Агвалларская колония — город Зар Азира — лежала на другом берегу озера, в четырнадцати днях водного пути от Нового Эргалона и в шестнадцати — от майрского поселения. Алареи поначалу с трудом приживались на землях Алуре — их мучило солнце, их пугала ночная тьма, их ставила в тупик необходимость обрабатывать землю и строить жилища из камня и дерева, но постепенно они освоились и привыкли. Свой край они уже называли Аларией, селились общинами на расстоянии дня пути друг от друга и размножались гораздо быстрее и успешнее жителей Далиара. К счастью, миролюбие было их самой главной чертой, и Ахир с Ройгом не опасались угрозы с их стороны.

Тэйн поблагодарил женщин и покинул гостеприимную кухню. Надо было возвращаться на Теллар. Джерхейну может понадобится его помощь, на севере опять появились хильдские отряды, он знал, что Холгойн сам возглавил рейд по северо-восточному побережью, откуда опять приходили тревожные новости. Более того, он узнал от Ивора, что майрская корона, демонстрируя Эргалону мирные намерения, на самом деле тайно поддерживала хильдов ресурсами и иногда — людьми. Это его тревожило. Если Хильдайр и Майр объединят усилия против Риаллара, Джеру снова придется туго. Хотя теперь, после открытия собственных Алурийский Врат, все внимание и силы Тар-Наридов будут

прикованы к новым землям, и это надолго отвлечет их от событий на Телларе. Ройг считал, что Холгойну пора самому напасть на Хильдайр, чтобы прекратить постоянные набеги хильдов на северное и северо-восточное побережье.

Подойдя к Воротам, он увидел очередь. Ворота ежеминутно мигали, народ толпился и нервничал, отправляясь в оба конца: в гости к родственникам в Наземный мир, или сюда, на Алуре, на отдых. Времена года не совпадали: здесь завершалось лето, по Рождению Илбара здесь начинали отсчет нового года и осени, а на Телларе весна только вступала в свои права.

Если быть честным самим с собой, торопиться на Теллар ему не хотелось. Там его окружит, захватит поток повседневных дел, большой и малой политики, которая надоела ему хуже комаров летним вечером. Она и раньше никогда его не увлекала. Искусство стало привычным. Он знал все, на чем держались все три учения Сил и Стихий. Даже тонкости применения шиаллаха в мирных целях уже не будили его азарт исследователя и экспериментатора. Безумные идеи Кельхандара не находили отклика в душе, будучи слишком уж бредовыми и фантастическими, далекими от реальной жизни, а создавать и копировать канонические хэльды школы Кан — классического искусства, мало изменившегося после Пришествия, он научился в первый год после восстановления Колодца и Кругов Власти. Это оказалось несложным: он прочел Арта Ран Кэй, книгу Мастеров давшуюся ему на одном дыхании, за один подход, и постепенно научился создавать хэльды и ка-эль, используя Огонь Жизни малых колодцев. Он обучал адептов во всех школах, изредка давая практические уроки, но наставничество не было его сильной стороной — Тэйн убедился, что вообще не умеет объяснять то, что для него самого было элементарно простым.

Повседневная суэта, свары Конклава, войны и угрозы войн, дележ земель, соперничество школ, усиливающееся с каждым годом, скрытое противостояние Харриаберта и Холгойна надоели ему до безумия. Жизнь летела мимо, он по-прежнему оставался один, изредка заводя и бросая любовниц. Его образ давно уже стал легендарным, не имея ничего общего с настоящей жизнью реального Тэйна Ройга, все его решения считались неизменно мудрыми, поступки — героическими, а подобострастное отношение риалларцев, кроме самых близких друзей, вызывало тошноту и тоску. Здесь, в Новом Эргалоне, дело обстояло попроще, но и здесь он был легендой — создатель Алурийских Врат, первооткрыватель самого Алуре и всех земель в округе, победитель островных колдунов (кого?) и илломайнских чудовищ (каких именно?). Может, уехать куда-нибудь подальше от Нового Эргалона, поближе к Далларскому озеру, поселиться на берегу в маленькой, недавно построенной деревушке... Впрочем, там ему будет еще тоскливее. Все-таки он иллар, а не рыбак и не охотник.

Он вернулся в Палаты, нашел-таки Ахира, который почтительно выслушал его и предложил расчистить дорогу к Воротам с помощью стражи, но Тэйн решительно отказался. Какая разница, сегодня он попадет в Эргалон, или завтра? Он уже знал, что Джерхейн благополучно вернулся домой, успешно разогнав очередную наглую шайку хильдов. Ройг неоднократно внушал ему, что риану необязательно самому принимать участие в таких вот походах, но в душе понимал Джера: таким образом тот вырывался из дворцовой рутины.

Фейерверк он посмотрел с удовольствием: на Телларе это было представление-соревнование в мастерстве учеников школы Кан и Шиал, здесь — искусство карны Огня, не имевшее ничего общего с урд-знаками. Когда его попытались вытащить на танцы, он с трудом отвязался и ушел за город, на речку.

В толпе у Речных Ворот его кто-то окликнул. Тэйн, раздраженный слишком навязчивым

вниманием, собрался улизнуть, сделав вид, что не расслышал, но кто-то вежливо, но твердо придержал его за рукав.

Арбонн, одетый по местной моде, украшенный цветочной гирляндой, с сочным яблоком в руке, улыбался и осуждающе качал головой.

— Забыл, зазнался, значит... Не здороваешься...

Тэйн рассыпался в извинениях, сразу же запутался в оправданиях и, подхватив телла под руку, потащил прочь из толпы. Почему-то на мастера, несмотря на его нетипичную для местных жителей внешность, никогда не обращали внимания, словно интуитивно чуя в нем законного обитателя этих мест. Выбравшись из города на высокий берег реки, туда, где собирались, но еще не построили белокаменную набережную, он усадил мастера на деревянную скамеечку: с этого места открывался отличный вид на реку и близлежащие деревеньки.

— Любопытно тут у вас, — похвалил мастер, с удовольствием оглядываясь. — Ну, рассказывай все по порядку. Впрочем, по порядку не надо. Я только что от Риварда, приблизительно представляю, что к чему. Расскажи то, о чем хотел бы сказать.

Тэйн начал говорить о новых школах, о Кельхандаре с его безумными идеями и странными открытиями, но постепенно сбился и замолчал, чувствуя, что Арбонн ждет совсем не этого. Ожидая, пока Ройг соберется с мыслями, старый мастер разглядывал его с молчаливым и внимательным спокойствием. Тэйн знал, что изменился. Волосы, ранее темные, изрядно поседели, лицо стало жестким и замкнутым, в фигуре и облике было больше воина, чем иллара-ученого. И взгляд... Тэйн знал, что во взгляде его зачастую сквозит тяжелая, застарелая усталость. Лейт, заботившаяся о нем гораздо больше его самого, уговаривала его остановиться и передохнуть, передать часть забот ученикам и помощникам, а самому осесть, обзавестись семьей и собственным домом. Она даже собиралась найти ему достойную супругу, в лучших традициях Ард Эллара. Он был благодарен ей за заботу, но представить себя главой семейства, хозяином дома, уважаемым и респектабельным, у него не выходило даже спяну. Тоска накатывала сразу, и он отшучивался и выкидывал подобные мысли из головы.

— Несколько раз у меня получались Ворота, — наконец выдавил он и понял, что именно это и хотел сказать Арбонну-Творцу. — Они... не такие, как на Алуре. И получаются как-то... легко, совсем не так, как Ворота на Алуре, или новые Двери и Ворота внутри Теллара. На Алуре — всегда усилие, приходится творить стационарный универсальный хэльд для всех, строящийся на Огне Жизни.

— Это — работа, — понимающе кивнул мастер. — Все правильно.

— Эти, новые Ворота открываются просто так... Как зов. Как соблазн, — Тэйн вздохнул и заговорил быстрее. — Там, на другой стороне — море, пряный запах, замок на скале, высокие деревья с треугольными кронами, белые птицы с пронзительными голосами... сиреневое небо и четыре бледные луны. И музыка — звенящие струны аэрии...

— Другой Остров Жизни Кольца миров, — кивнул Арбонн уверенно. — Ты понимаешь, что происходит?

— Нет, — ответил Тэйн.

— Тебя тянет туда твое истинное предназначение.

Ройг молчал, глядя на облака. Теплый ветер убаюкивал его, отвлекал, и над словами старого мастера совсем не хотелось задумываться.

— Ты ведь понимаешь, кто ты на самом деле? — мягко подтолкнул его Арбонн.

Тэйн молчал. Он уже думал об этом. Слишком много всего произошло, и слишком много он узнал, чтобы позволять себе быть слепым.

— Ты все равно уйдешь, — продолжил старый телл ласково. — Творцы, состоявшиеся хотя бы раз, не могут жить в ладу с самими собой в одном и том же мире. Они от этого стареют. Им нужно идти дальше. И если тебе неоднократно открывается один и тот же путь — ты должен идти. Это значит, ты нужен там. Там есть нечто такое, что зовет тебя, что нуждается в твоём присутствии, участии, в частичке твоей души.

Творец. Слово сказано.

Он — Творец.

— А как же Кельхандар? — задал Тэйн давно мучивший его вопрос.

— Когда я пришел в ваше трехмирье, я подозревал, что Творец — это именно он. Но, увидев тебя на Агвалларе, понял, что ошибался. Прости меня, мой мальчик...

— За что? — голос Ройга дрогнул — никогда еще в своей жизни он не испытывал большего смятения.

— За мое длительное молчание. Нельзя вмешиваться в становление Творца. Ты должен был родиться сам, или умереть. Это очень важно... Только сам.

— В чем же заключалось... мое вмешательство в Потоки?

Арбонн улыбнулся.

— Теллар вырвался из бесконечного кольца саморазрушения. Кэлленара больше нет, забыто само название странной, уродливо замкнутой системы, само по себе ставшее темной шайолой. Я думаю, вы можете забыть о Пришествии навсегда.

Не согласиться с этими словами Ройг не мог. Мир после краткого вступительного аккорда Пришествия изменился до неузнаваемости, и никогда он уже не станет прежним. Нигде — ни на Телларе, ни на Агвалларе, ни на Алуре. Искусство Сил развивается, на пользу людям и во вред им, служа созиданию и разрушению, и если оно принесет людям гибель, то только по вине их самих, по их собственной воле, а не по ошибке древнего существа, пойманного в ловушку собственной гордыни.

— Неужели для этого всего лишь нужно было разрушить Усыпальницу... — прошептал Тэйн, постепенно справляясь с потрясением.

— Не совсем. Видишь ли... Разрушение Усыпальницы и смерть Кэлленара-Творца лишь подтолкнула тебя к самоосознанию. Видишь ли... Творец — это тот, кому на самом деле не нужна никакая магическая система, чтобы изменить течение мировых Потоков. На самом деле вселенная подчиняется Слову, сказанному велением души. Творец меняет миры без паттернов и костылей, он находит свой путь Огнем жизни собственного сердца. Ты вспомни, как все произошло уже после того, как ты обрушил Усыпальницу.

Тэйн поднялся с бревна, разминая затекшие ноги. Он помнил. Помнил то особое состояние легкости и всемогущества, а главное — желание увидеть мир новым, освобожденным, очищенным. Может быть, именно поэтому ему так не хочется возвращаться домой? Этот, нынешний Теллар — его состоявшееся творение — как взрослый ребенок, который вырос и страстно желает жить своей собственной жизнью, и которого надо отпустить хотя бы для того, чтобы он остался с тобой навсегда в новом качестве. Им нужно расстаться, чтобы потом, когданибудь, встретиться снова.

Он резко обернулся, увидев за спиной странный отблеск, и замер, удивленный. Прямо перед ним струилась призрачная лестница в небо, со ступеньками, похожими на пленочные дорожки Агваллара. Там, наверху, постепенно проступала хорошо знакомая картина...

— Видишь ли, это не совсем Ворота, — пояснил ничуть не удивленный мастер. — Это разовый портал, твой собственный, и никто больше, кроме тебя самого, не может пройти через него. Когда ты поднимешься по этой лестнице, она исчезнет.

Глядя себе под ноги, туда, где сочным зеленым контрастом лежала примятая трава, Тэйн покачал головой.

— Здесь столько всего, во что я вложил душу...

Арбонн кивнул.

— Именно. Пора уходить, пока ты не разочаровался в содеянном и не возненавидел его. Захочется уничтожить — поверь мне — и, к сожалению, у тебя найдутся для этого силы. Разрушение — тоже акт творения... Оно так же меняет Потоки, как и другие шаги.

— Мне нужно подумать, — прошептал Тэйн в смятении.

— Конечно, — улыбнулся Арбонн. — Рад, что повидал тебя. Сейчас мне нужно возвращаться, — он дружески похлопал Ройга по плечу. — До встречи.

Сделав шаг вперед, непривычно резким для него жестом маленький сутулый телл разорвал пространство перед собой. Повеяло холодом, из прорехи хлестнуло стылým и вкусным соленым ветром, сбившем Ройга с ног и подхватившем старого мастера. Мгновение — и он исчез, оставив после себя брызги холодных соленых капель.

Тэйн повернулся туда, где все еще призрачным видением висела лестница в небо. Под его взглядом она обрела четкие очертания, ее ступеньки превратились в твердый камень. Неожиданно решившись, он поставил ногу на ступеньку. Навстречу пахло терпким ароматом нездешней листвы, острым запахом соленого, теплого моря, и он снова увидел мир с сиреневыми небесами, на которых молочными пятнами проступали контуры четырех разных лун. Белоснежный и величественный замок на скале казался изящным и легким, словно ажурным. Ему показалось, что там, на самом конце лестницы, виднеется тонкая женская фигура — черные как смоль волосы, ослепительно белая кожа, волнующие движения тела...

На самом деле у меня нет ничего, что могло удержать бы меня на Телларе, подумал он с горечью. Данира могла бы, но у Даниры давно другие интересы и цели... Она даже не друг: все чаще они сталкиваются в открытом и недобром противостоянии. Даже сожаление осталось в прошлом.

Джерхейн прекрасно справится без него. У него достаточно умелых помощников и мудрых советников, и он научился править. Конклав Сил поддерживает его магическим искусством, а дружина — воинским мастерством. Он счастлив в семье. У него есть наследники.

Кельхандар добился того, что хотел — основал свое собственное учение и по макушку утоп в изобретениях. Попасть в крепость Лах и быть принятым в его школу настолько престижно, что талантливая молодежь годами ждет, что бы их приняли, проходит сложные испытания, уходит ни с чем и на следующий год повторяет свои попытки. Кианейт часто бывает и в Эргалоне, и дома, на Агвалларе, силами лайдов и осевших на северных территориях Риаллара хильдов строит вокруг крепости город, интригует понемногу в меру своих сил и способностей, поддерживая хрупкий нейтралитет с Холгойном. Джер опасался ее, называя дьяволицей, а Крепость Лах — дьяволовым гнездом, но Ройг знал, что до открытого противостояния дело не дойдет: Кианейт никогда не забудет тот день, когда он ворвался в ее покои с намерением убить, и только мужественное заступничество Лейт спасло ее от неотвратимой гибели. И, кстати, Киа сейчас ждет ребенка — девочку, столь

желанную сердцу отца.

Друзья в Новом Эргалоне, коллеги по школе и Конклаву... Что ж, и у них своя жизнь.

Мы сами создаем этот мир, подумал он, глядя вверх, туда, где в сиреновом сиянии дрожало предзакатное марево. Мыслями, поступками, чувствами — всем нашим существованием. Только мы сами. Всесильные боги, даже если они есть, не в силах остановить это бесконечное творение мироздания, его бесконечное повторение и бесконечное обновление. Жаль только, что осознать это под силу немногим. Жаль...

Чужой Остров Жизни звал его, манил, затягивал, и не было сил сопротивляться.

Что ж, кажется, это его судьба...

Он резко отвернулся от Ворот, и лестница растаяла.

Никуда она от него не денется.

Он вернется, но ненадолго. Нужно кое-что закончить и попрощаться с друзьями.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Справочник будет пополняться по мере добавления глав и появления новых названий, предметов и понятий

География

Наземный мир, Теллар — земля, состоит из двух континентов (Эррум и Рельм), разделенных проливом

Агваллар — Небесный Остров, Остров Колдунов Самостоятельная земля, видимая с поверхности Теллара, связана с Наземным миром едиными магической системой и культурой. Столица — Зар Ала.

Риаллар — государство на северо-западе Эррума, западного континента. Столица — Эргалон.

Илломайн — горный хребет, у подножия которого располагался Эргалон

Джар — гора. (т. е. Джар Ил — гора Ил)

Риан Ал Джар — королевский замок на склоне Илломайна, над Эргалоном

Майр — государство в центре Рельма, восточного континента. Столица — Карра

Ахтан — государство на юге и юго-востоке Эррума, западного континента. Столица — Ахтамар.

Холгойны — правящая династия Риаллара. Эйнир Холгойн, король (риан), дети: Джайт, Джерхейн, Игта, Аларик

Тар-Нариды — правящая династия Майра. Королева Нэлла, ее сын Асахар, жена Аурелия

Времена года

Сезон Ветров — осень

Сезон Холода, Сон Хэллиха — зима

Сезон Пробуждения — весна

Рождение Илбара — первый день весны

Кэлленар — магическое учение

кэн-ли — искусство применения Кэлленара на практике, совокупность всех умений и навыков для ежедневного применения

иллар — последователь учения, владеющий кэн-ли, т. е. прошедший первую ступень посвящения (освоивший Арта Аш Ар, Книгу Искусства) и умеющий понимать и создавать урд-знаки. Обучался на Острове.

илон — служитель храма, обучался основам Кэлленара на Острове, кэн-ли не владел или владел на минимальном уровне, владел ка-эль. Учил детей в храмах, проводил службы

хэльд — магическое устройство с определенными свойствами. Пример: Хэльд Окно позволяет вызвать и поговорить с человеком, находящимся в другом месте.

ка-эль — небольшой магический предмет узконаправленного действия. Предназначен для использования любым человеком, без применения кэн-ли.

Небесный столб — хэльд, переносящий людей на небесные острова

Круг Власти — концентратор магической энергии, наполняется Огнем Жизни (т. е. эманациями людей) всех живущих. Благодаря кругам работают хэльды и ка-эль

урд — магический язык, состоящий из 146 символов (можно сравнить с иероглифами)

урд-знак — элемент урда, мини-заклинание из одного слова

Арта Аш Ар книга Искусства — инициирует ученика, дает знание урд-знаков. При повторном прочтении дает знание шиаллаха.

Арта Кон Ла, Книга Заклинаний — вторая книга, учит самостоятельному построению урд-конструкций

Арта Син Рен, Книга Круговорота, дает представление об устройстве вселенной

Арта Сач Сал, Книга без названия — предупреждает о катастрофах.

Арта Ран Кэй, Книга Мастеров — учит создавать хэлды

Боги

Илбар, глава пантеона, бог света

Хэллех- бог огня и войны

Феоллон — бог времени и мудрости

Ильфейн — бог недр, покровитель ремесел

Фиал — богиня плодородия

Тармил — богиня дома и домашнего очага

Мейр — бог воды

Келар — бог животных, растений и всей природы

Койе — богиня ночи и чувственной любви.

Лахлайд — подземное озеро кипящей грязи, место обитания Феоллона

Небесные дьяволы — неудачные воплощения богов. Их имена похожи на имена богов, но немного искажены.

Словарь

аш-чи — обращение к принцу

риан — правитель, король

карна — профессиональное объединение.

ранд — одежда илонов и илларов, длинный приталенный халат с застежкой спереди, цвет зависел от святилища. Ранд илларов Ильфейна (главный герой) — темно-серый.

аррас — праздничный обед или просто вечеринка

атлахи — деревья с толстым стволом и длинными узкими зелеными листьями

раады — плодовые, похожи на апельсиновые, листья сине-зеленые

дейд — священное дерево, низкое, ствол узловатый, кора с сильным пряным ароматом

арали — виноградная лоза, вино

сахди — игристое вино

интар — злак, по качествам близок к пшенице

инта — самогон

тунд — бубен

азрия — деревянный духовой инструмент, близок к флейте

унду — ударный музыкальный инструмент, близок к небольшому барабану

тхон — воинский облегченный доспех из мягкой кожи с кольчужными вставками.

райяс — рис

аррит — лошадь

тагал — мера длины, 1,132 км

суари — похлебка на прокисшем кобыльем молоке

идги — степной хищник

дадаг — рисовые лепешки

ушари — повязка, закрывающая лицо от степной пыли

шийяр — халат степняков

рга — ахтанский лук

ганчи — кожаные штаны на шнуровке

аэрия — музыкальный духовой инструмент, сост из несколько трубок наподобие флейты

ал-за — курительные палочки, табак

трайта- таверна

вишве — струнный инструмент типа гитары

Ард Эллар

харран — небольшой поселок

кихт — каменная хижина старинной постройки, небольшая, оснащенная базовыми хэльдами

ахр — глава харрана или небольшого городка

кнея — хвойное дерево, похожее на крымскую сосну

хвара — хвойное дерево, похожее на пихту

вийла — цветок, символ Тармил. Растет как дома, так и в открытом грунте. Цветет мелкими желтыми цветами

Поднебесная империя — первое государство теллов, располагалась на территории Майра и Ард Эллара, управляется императором. Столица — Сагир. учение — Кэлленар Солнечный (т. е. наземный). На его территории находится второй Колодец, на юге от нынешнего Ард Эллара, в текущую эпоху он на дне океана и недоступен.

Тонхайр — подземное государство теллов, управляется наместником императора. Столица — Мэн. Учение — Кэлленар Темный (т. е. подземный), тянулось от Ард Эллара до Эргалона. Главный Колодец находится здесь, в пещерах Илломайна.

Агваллар

строение острова

Зар Ала — столица Острова

ракан — пузырь из сиуры, внутри которого живут люди, находится на втором слое тарса

тарс — первый слой острова, ровная поверхность, больше всего похожая на обыкновенную землю

сиура — вещество, из которого состоит остров

корс — стебель, на котором держится ракан

высшее жречество:

Менарт, глава Конклава Жрецов и первый жрец Илбара

Ривард, глава клана Следящих

Кимр, третий жрец Кэлленара, отец Кианейт, третий жрец Илбара